

**Операция "Вариант"
(Как закрывается
"Ящик Пандоры")
Продолжение**

Андрей Шестаков

Андрей Шестаков
**Операция «Вариант» (Как
закрывается «Ящик
Пандоры») Продолжение**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70627345
SelfPub; 2024*

Аннотация

На полигоне в районе Семипалатинска, в рамках советско-американских испытаний (САИ), заканчиваются последние приготовления к проведению калибровочного атомного взрыва. В то же время один из самых элитных агентов ЦРУ приступает к заключительной фазе операции по срыву САИ. Ему противостоит аналитическая группа полковника Соболева, которая пытается сорвать планы противника.

Андрей Шестаков Операция "Вариант" (Как закрывается "Ящик Пандоры") Продолжение

Часть 2. САИ – зарождающаяся эра доверия

„Те, кто не помнит прошлого, обречены на его повторение.“

(Карл фон Клаузевиц)

Глава 1

10 сентября 1988 года (суббота)

09.00 Москва КГБ СССР

Начальник Второго Главного Управления (контрразведка) внимательно прочитал аналитическую справку на агента отдела спецопераций ЦРУ Джона Милнера, посмотрел на приложенную к документу фотографию и бросив взгляд на сидевшего напротив заместителя задумчиво протянул:

– Значит к нам пожаловал один из лучших агентов ЦРУ....

– По утверждению разведки самый лучший, – подтвердил полковник.

– Когда он впервые попал в наше поле зрения?

– В конце войны во Вьетнаме...

– И за это время это все, что мы на него имеем? – недовольно спросил генерал, вновь взяв в руки тонкую папку с фотографией.

– Все материалы у разведки...

– Плохо работаем, – раздраженно резанул начальник контрразведки.

– Мы этого Джона Милнера несколько раз планировали взять с поличным во время проведения операций ЦРУ... – попытался оправдаться полковник.

– И что помешало? – вновь перебил генерал.

– Он почти всегда действовал на сопредельных территориях или в странах, где у нас работает только разведка...

– Это не аргумент, – не желая слушать оправданий резюмировал главный контрразведчик и требовательно посмотрев на подчиненного спросил:

– Ну и как мы подготовились к его приему на этот раз?

– Операция в стадии разработки..., – четко начал полковник, но генерал вновь не дослушал и начал «выстреливать» вопросами как на допросе.

– Когда стало известно, что этот суперагент ЦРУ будет

участвовать в САИ?

– Американцы включили его в делегацию в последний момент, сегодня ночью.

– Когда он прилетает в Москву?

– Через два часа.

– Кто еще знает о прилете Милнера в СССР?

– Посольские...

– Но они не знают, что он агент ЦРУ. Я спрашиваю про наших работников.

– Разведка, наши из отдела, курирующего посольство США, может быть...

– Многовато. Как ты думаешь, как долго его приезд будет тайной для всех остальных заинтересованных подразделений Комитета?

– Новое лицо в американской делегации безусловно заинтересует и военную контрразведку и 6 Управление. Возможно ВКР сможет получить информацию о Милнере от пограничников практически сразу же по прилету, а экономическая контрразведка...

– Два часа форы, – задумчиво протянул генерал, и отложив документы, обратился к полковнику. – Для нас сейчас очень важно понять, почему американцы рискуют своим супершпионом? Что они затевают?

– Может быть следует задержать его? – предложил полковник.

– За что?

– Например за преступления против граждан СССР на территории Никарагуа...

– Ты еще сюда татаро-монгольское иго приплети, – вновь начал раздражаться генерал. – И потом что это нам даст?

– Надавим на него...

– Ты, соображаешь, что ты говоришь? – грозно накинулся генерал. – Нам на Координационном совете наблюдатели из Политбюро уже всю плешь проели. Каждый день талдычат одно и то же, чтобы мы не допустили политических ошибок. Ты же знаешь, какой у Милнера высокий дипломатический статус. Его не то, что трогать нельзя, его оберегать надо от таких ретивых как ты и тебе подобных, коих полно в военной и экономической контрразведке. Ты понимаешь, что одна ошибка и нас потом товарищи из ЦэКа даже вахтерами в гостиницу «Пекин» не возьмут.

Генерал помолчал, немного успокоился и дал указание:

– Собери лучших своих людей и подумайте – почему ЦРУ так рискует и именно сейчас направляет к нам одного из своих самых ценных агентов по работе против СССР. Причем открыто. Это так не похоже на прежнюю тактику ЦРУ. Установленный разведчик включается в научную, по сути, делегацию. Какое задание он может выполнять?

– Сейчас сложно сказать, – осторожно заметил полковник.

– Недавно в Неваде ЦРУ могло провести любую операцию безо всякого риска, но не стало, значит тут у нас они могут готовить что-то особенное. В любом случае надо рабо-

тать очень осторожно. Действуйте только через полковника Уткина и наших контрразведчиков в Семипалатинске. Постарайтесь, чтобы полная информация о Милнере как можно дольше не стала достоянием военной контрразведки и других подразделений КГБ. Не упоминайте о нем в своих бумагах и докладах, полковника Уткина предупреди, чтобы ни слова на заседаниях семипалатинского штаба. Если ВКР или 6 Управление будут интересоваться, отвечать только на письменные запросы и стандартно – установленный сотрудник ЦРУ, объект нашей заинтересованности и все. Понятно?

– Так точно, товарищ генерал.

– Иди работай и через час жду с планом действий по Милнеру. Еще раз обращаю внимание, чтобы все было очень аккуратно, придется взять разработку этого супершпиона на себя, а то наши военные таких дров могут наломать, да и «экономисты» из 6 Управления тоже.

Когда полковник удалился, генерал позвонил заместителю Председателя КГБ, курирующему контрразведку, и спросил разрешения доложить ситуацию по САИ. После получения положительного ответа начал собирать документы. При этом начальник контрразведки размышлял о том, что следует, на время, оставить за скобками своего доклада.

«Этот Милнер появился исключительно не вовремя. Зампред захочет узнать причины появления этого супершпиона, а ответить пока нечего. Значит, попросит обсудить эту тему на Координационном совете (КС). Таким образом ВКР и 6

Управление будут в курсе наших намерений. КС назначен на 16.00 и у нас есть еще время кое-что сделать».

11.00 – по московскому времени, далее (М); 14.00 – по времени Семипалатинска, далее (С)

Управление КГБ по Семипалатинской области

Начальник оперативного штаба по САИ полковник Уткин срочно вызвал руководителя семипалатинской контрразведки подполковника Калюжного.

– Владимир Андреевич, – обратился Уткин к вошедшему едва тот появился на пороге, – пришла шифровка из Второго Главка. К нам сюда летит еще один представитель Госдепартамента США, некий Джон Милнер.

– Как такое стало возможным? – встревожился подполковник. – Ведь списки по САИ утверждались заранее.

– Я уже консультировался по этому поводу с Москвой и получил дополнительные указания руководства ВГУ, – успокоил Уткин. – Собственно, поэтому я вас и вызвал. Милнер установленный разведчик ЦРУ, причем считается там одним из лучших и нам поручено аккуратно, я подчеркиваю очень аккуратно взять его под плотное наблюдение.

– Но у нас уже все люди распределены..., – показал на папку с документами подполковник.

– Перераспределите, – приказал начальник оперштаба и требовательно повысив голос подчеркнул. – Учитывая ди-

пломатический статус Милнера закрепите за ним обкомовскую «Волгу» и проследите, чтобы наш сотрудник, который будет выполнять роль его водителя, был лучшим из лучших.

– Но мы же всех расписали и закрепили, согласно вашим рекомендациям и теперь...

– Вы хотите сказать, что у вас нет резерва? – грозно сдвинул брови Уткин.

– Нет, мы, конечно, найдем, – поспешил заверить Калужный, но...

– Никаких «но», подполковник. Считаю, что вопрос с круглосуточным наблюдением за Милнером, мы решили. Идем дальше. Наверху принято предварительное решение провести по Милнеру комплекс контрразведывательных мероприятий, но нам надо быть готовыми уже сейчас.

– Но у нас реально нет никаких дополнительных сил и средств, а для детальной проработки мероприятий по объекту такого масштаба требуется планирование отдельной операции, – взмолился начальник семипалатинской контрразведки.

– Владимир Андреевич, голубчик, потрудитесь выполнять мои поручения, а не обсуждать их. Работайте, а план напишем задним числом, под мою ответственность. Сейчас главное не бумага, а живая работа, как говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Погрязли вы тут в бюрократизме. Ну ничего...

– Какие еще будут указания, товарищ полковник? – недо-

вольно прервал москвича уязвленный Калюжный.

– Подготовьте все необходимое, чтобы при ближайшей возможности можно было провести в гостиничном номере Милнера оперативный досмотр. Операцию буду контролировать лично. Проводить ее будут офицеры, прибывшие со мной. Для содействия подберите двух толковых технических работников. Кроме того, с завтрашнего утра обеспечьте мне непрерывную связь с руководителем службы наружного наблюдения. Завтра в 9.00 ко мне на инструктаж всех участников операции. Да и еще одно. Работа по Милнеру должна быть максимально засекречена. Никаких обсуждений на штабе по САИ. Вашему начальнику УКГБ о подготовке операции доложу лично. Пока все, можете идти. Если понадобится я вас вызову.

Начальник семипалатинской контрразведки подполковник Калюжный был опытным и толковым работником, поэтому в указаниях московского руководителя он сразу почувствовал опасность этой авантюрной операции по установленному разведчику ЦРУ и попытался возразить:

– Очень рискованно, товарищ полковник. Что мы можем найти в номере профессионального разведчика? А в случае провала будет поставлено под угрозу проведение САИ. Вы ведь сами говорили...

– Я не могу перед всеми членами семипалатинского штаба раскрывать планы Центра, – веско заявил Уткин, – но для вас, как для моего главного помощника, сделаю исключение.

По данным нашей разведки Милнер везет с собой инструкции для очень важного агента-нелегала, который был выведен на территорию СССР около десяти лет. ЦРУ потеряло с ним связь, как только он оказался в вашем режимном регионе. И вот теперь у них появилась возможность передать ему новые инструкции. Мы с вами, дорогой Владимир Андреевич, должны вычислить этого агента. На нас надеется вся контрразведка страны. Поэтому давайте раз и навсегда закончим с вашими ненужными вопросами и вернемся к делам, которых у нас с приездом этого Милнера стало неизмеримо больше.

12.00 (M) – 15.00 (C) Москва КГБ СССР

«Альфа» докладывал полковнику Соболеву по оперативной связи:

– В список американской делегации неожиданно добавлен Джон Милнер – представитель Госдепартамента США. Завтра утром он прилетает в Семипалатинск. Контрразведчики информацию по нему не дают или они установить его еще не успели и пока «пробивают» по базам данных, или еще что-то. Пока не понятно. Удалось получить только первичную информацию от доверенных лиц из гостиницы. Там получили указание подготовить номер для Милнера. И еще, ребята из наружки поделились, что контрразведка дала негласное задание взять этого американца под плотное наблюдение.

– Этого следовало ожидать, – пробормотал полковник.

– Что вы сказали? – переспросил «Альфа». – Повторите, связь плохая, не слышно.

– Я тебе часа через два перезвоню. Будь на связи, – уже громче отдал распоряжение Соболев.

Положив трубку, полковник достал лист бумаги и приступил к оценке полученной информации.

«Итак, появился новый объект. Завтра прилетает из Москвы в Семипалатинск. Значит он сегодня будет... или уже находится в Москве, – полковник нанес на лист несколько только ему понятных знаков.

Контрразведка молча играет в какие-то свои игры. Надо будет задать вопрос на КС, – на листе появился знак вопроса.

Он из госдепа, но вся официальная делегация США вылетает из Москвы послезавтра. Значит он будет двигаться самостоятельно. Предварительно, имеет статус дипломата самого высокого ранга. Сразу попал под плотное наблюдение контрразведки, значит имеет причастность к спецслужбам, – лист покрывался все новыми пометками.

Судя по реакции контрразведки в Семипалатинске поспешно готовят спецоперацию, но если этот Милнер разведчик... Что-то тут не вяжется? Наши нарываються на международный скандал или работают на руку ЦРУ?

Не смешно...

Посольскую резидентуру ЦРУ в Москве наши контрразведчики знают и тщательно отслеживают каждый ее шаг, но

из резидентуры никто не летит в Семипалатинск.

Полковник отложил карандаш.

Надо попробовать разобрать ситуацию с позиции контрразведчиков из ВГУ.

Двух сотрудников ЦРУ и двух ФБР, прилетающих с делегацией из Вашингтона, мы выявили. И теперь американцы направляют в Семипалатинск дополнительного агента под дипломатическим прикрытием. Пока мы сосредоточились на контроле за действиями установленных агентов, неожиданно появляется еще один сотрудник спецслужб.

Похоже все идет по классической схеме – одна группа отвлекает наше внимание, появившийся в последний момент неизвестный – выполняет задание. Как-то все очень предсказуемо. Что же они задумали на самом деле?

Полковник взял новый лист бумаги и предпринял новую попытку представить графически возможную схему действий ЦРУ.

Американская делегация прибывает в Семипалатинск 12 сентября. Остается два дня. Сделано многое, но мы не приблизились к разгадке замысла ЦРУ ни на йоту. Все американские ученые и специалисты проверены и изучены. Многочисленное оборудование, завезенное из США тщательно досмотрено. Агентура, технический и оперативный состав территориалов и военной контрразведки работают на износ, но никаких признаков существования операции ЦРУ по срыву САИ не выявлено. Наши предположения о подготовке

к убийству одного из членов делегации также пока ничем не подтверждаются. Все подозреваемые в причастности к ЦРУ взяты под контроль. Остались лишь журналисты, дипломаты и руководство американской делегации, но контрразведывательные мероприятия по ним тоже подготовлены.

И тут появляется этот Милнер...

Надо срочно направить Степного в ВГУ для добывания информации об этом загадочном Милнере. Без этого мы дальше никуда не продвинемся. Если запросить контрразведку официально, то это будет долго. Односложный и вполне предсказуемый ответ поступит уже после окончания САИ. Если поставлю вопрос сегодня на КС, то представители контрразведки вероятно ответят, что Милнер кадровый офицер ЦРУ и все. У них в ВГУ даже секретарши в Лэнгли проходят как кадровые разведчицы ЦРУ, а все остальные иностранцы рассматриваются как лица причастные к спецслужбам. Но нам надо точнее. Степной должен добыть по этому Милнеру – все. Возможно это и есть «Исполнитель». Это раз.

Второе, что, если Милнер прибыл для отвлечения нашего внимания, а настоящий «Исполнитель» операции по срыву САИ, включенный в делегацию на самом раннем этапе, ждет своего часа? Могли мы прошлепать его? Вполне, если он не проходит по учетам лиц причастных к спецслужбам США, а является глубоко законспирированным агентом ЦРУ, выступающим под легендой, допустим техника ливерморской

национальной лаборатории Министерства энергетики США. До наступления «часа X» он ничем не выделяется среди других американских ученых и специалистов. Он как бомба замедленного действия. Скрупулёзно подготовленная и тщательно замаскированная. Таймер включен и неумолимо отсчитывает время до ее активации. И мы должны ее найти и обезвредить пока не сработал взрывной механизм. Какие у нас есть контрмеры? Что мы можем противопоставить дьявольскому плану ЦРУ в существование, которого у нас никто не верит?

Нет это бред. Такие повороты бывают только в плохих детективах. Надо вызывать Степного».

Приняв решение, полковник позвонил по телефону и начал готовиться к чайной церемонии.

– Две головы – всегда лучше одной, как ты любишь говорить, – бодро начал Соболев при появлении Степного.

– Осталось совсем мало времени, – сухо заметил заместитель и зачем-то посмотрел на свои наручные часы.

– Дефицит времени – никогда не способствует вдохновению, – откликнулся Соболев, колдуя над заварником.

– А ты еще испытываешь вдохновение? – устало усмехнулся Степной. – После стольких напряженных дней адской работы?

– Спешка, рутина и привычка убивают вдохновение и рождают шаблоны, что на руку нашим противникам. Это дает им огромный шанс переиграть нас.

– Ты всегда чувствовал себя как рыба в воде именно в таких экстремальных ситуациях. Тебя даже начальство всегда выделяет за это.

– Но тебе тоже грех жаловаться, Юра. Раньше ты всегда стрелял первым и без промаха.

– Видимо старею.

И вдруг, как всегда неожиданно Соболев сменил тему.

– Неужели наше предположение об убийстве одного из членов американской делегации оказалось ошибочным?

– О чем, ты, Андрей, начни сначала, а то я, как говорит сейчас молодежь «не врубаюсь».

15.30 (М) – 18.30 (С) Москва КГБ СССР

– Ты знаешь, кто этот Джон Милнер? – врываясь в кабинет начальника возбужденно закричал Степной.

– Надеюсь не сам директор ЦРУ под прикрытием, – отрываясь от документов, отреагировал Соболев.

– Это лучший специалист ЦРУ по Советскому Союзу. Он работал против нас во Вьетнаме, Афганистане, Никарагуа и других горячих точках. И всегда ускользал от военной контрразведки и спецназа ГРУ.

– А вот это уже интересно..., – оживился полковник.

– Милнера добавили в состав делегации в последний момент. Он прилетел в Москву сегодня отдельно от всех, – продолжал эмоционально делиться добытой информацией

Степной.

– Что у нас на него имеется? – с надеждой поинтересовался Соболев.

– Ничего, – развел руками зам, – наше управление по нему не работало. У военной контрразведки и ВГУ кое-что имеется, но заполучить даже краешек информации не удалось, слишком они этого Милнера секретят. Сообщили только, что у нашей разведки и в ГРУ материалов на него хоть отбавляй. Посоветовали там запросить, но дали понять, что мы ничего не получим.

– Хотя бы фотография его есть? – возмутился Соболев.

– В нашем архиве нет. Контрразведчики не дают, но намекнули, что сегодня ночью фото Милнера будет в Семипалатинске, там завтра с утра, сразу по прибытию, местная наружка начнет его «вести».

– Ладно, оставайся на месте. Позвони в Семипалатинск Еркенову и «Альфе» пусть раздобудут фотографию этого Милнера, а я на КС. Вернусь – обсудим.

17.00 (М) – 20.00 (С) Москва КГБ СССР

– Матерый разведчик мастер по проведению спецопераций в самый последний момент включается в состав американской делегации по САИ, – как обычно в сложных ситуациях Соболев размышлял вслух, рисуя на листе свои излюбленные геометрические знаки. – Лучшего своего специали-

ста, который разыскивается нашей контрразведкой по всему миру, совершенно открыто отправляют в Советский Союз.

Что это за шаг отчаяния такой?

Или тонко просчитанная операция?

Скорее второе...

Почему ЦРУ привлек профессионала такого уровня – понятно, но почему им так рискуют? У них что нет более молодых и неизвестных для нас разведчиков? Стоп. Это их проблема. Нам в другую сторону.

Вероятно, они знают установку нашего ЦэКа любой ценой провести САИ без инцидентов, поэтому во всю будут использовать дипломатическую неприкосновенность Милнера.

Степной молча слушал своего друга, зная, что в такие минуты Соболеву лучше не мешать.

– Получается, что Милнер прилетел чтобы провести операцию по срыву САИ, – после минутной заминки продолжил Соболев. – Значит, наша первоначальная версия была верна. И рискует ЦРУ своим лучшим агентом, потому что других возможностей больше не будет, а он стопроцентно справится.

Что мы имеем в итоге?

Контрразведка нас близко не подпустит к Милнеру. Даже на Координационном совете они закрыли всю информацию по нему, ограничившись лишь предупреждением, чтобы никто не планировал никаких мероприятий по этому объекту.

Похоже они сами возьмут Милнера под плотное наблюдение. – И еще немного поразмыслив, полковник убийственно спокойно добавил, -. Мы ничего не сможем сделать пока Милнер не начнет действовать, а значит нарушать договоренности по САИ, но и в этом случае он будет защищен дипломатическим иммунитетом.

– Может быть в самом деле нам не следует ничего предпринимать раз контрразведка уже работает по Милнеру? – не выдержал Степной.

– У меня есть некоторые опасения по поводу деятельности нашей контрразведки в рамках операции «Паритет», но я пока не готов их озвучить. И все-таки формально отвечаем за безопасность САИ мы. Да и, по совести, тоже.

Соболев замолчал, и заместитель, понимая, что полковник принимает окончательное решение, не стал задавать дополнительных вопросов и отложив документы приготовился ждать.

– Двух мнений быть не может Милнер здесь только для того, чтобы сорвать САИ, – через десять минут решительно подвел черту своим размышлениям полковник. – Нужно срочно сообщить «Альфе» и «Омеге», что вводится повышенный уровень готовности к началу операции «Вариант».

11 сентября 1988 года (воскресенье)

День для операции «Ящик Пандоры» аналитики из

Лэнгли выбрали, казалось, не самый подходящий. Официальная американская делегация в Семипалатинск еще не прибыла и советской контрразведке легко было отследить «одинокого» Милнера. Однако в условия закладывалось, что накануне проведения подземного ядерного взрыва в рамках САИ, что-то будет идти во штатном режиме. Обстановка, как всегда, это отмечается у Советов накануне больших событий, будет авральная, а значит вполне подходящая для осуществления задуманного.

В ЦРУ учли, казалось все, но они не придали большого значения одной маленькой детали. А, как известно дьявол кроется в мелочах. Работа в экстремальных условиях была привычной для сотрудников Управления КГБ Казахской ССР по Семипалатинской области. А за этот непростой период подготовки к такому важному событию как САИ коллектив УКГБ еще больше отмотобилизовал свои ресурсы, отработал взаимодействие между подразделениями, а самое главное подготовил агентуру к работе в необычных для нее условиях.

Рязанцев прибыл в аэропорт с бригадой НН, чтобы составить собственное впечатление о супершпионе Джоне Милнере. Правда дальше с филерами находиться было нельзя, так как следом прибыл начальник контрразведки, чтобы соблюсти формальности, предписанные ведомственными приказами по передаче объекта под наружное наблюдение.

Капитан, поднялся на второй этаж аэропорта, открыл слу-

жебный кабинет офицера действующего резерва КГБ и прикрыв шторы, расположился у окна с видом на посадочную полосу.

Несмотря на то, что накануне вечером лил дождь, а с раннего утра ярко светило солнце, воздух был прозрачен, не было той утренней дымки, что характерна для начала осени. Поэтому летное поле аэродрома просматривалось достаточно четко. Рязанцев достал из футляра армейский бинокль, протер фланелью линзы и методично начал настраивать прибор под себя.

07.00 (С) – 04.00 (М) Семипалатинск, аэропорт

Джон Милнер спускался по трапу только что приземлившегося самолета, внимательно осматриваясь и сопоставляя расположение основных зданий аэропорта с космическими снимкам со спутников-шпионов, которые он изучил во время подготовки к операции «Ящик Пандоры». Остановившись на летном поле, Джон потянулся и сделал несколько разминочных движений, так как за три с половиной часа полета мышцы слегка затекли. Еще на подлете, глядя в иллюминатор Милнер отметил, что разметка взлетных полос соответствует аэродромам совместного базирования, успел разглядеть добротные замаскированные подземные ангары для военных самолетов, но, от дальнейших наблюдений отказался, так как сегодня это была не его проблема, надо было

сосредоточиться на главном.

Еще при регистрации на рейс и позже при посадке в самый большой советский широкофюзеляжный пассажирский самолет ИЛ – 86, Милнер попытался среди 350 пассажиров обнаружить советских контрразведчиков, которые, как он полагал должны были неотступно следовать за ним. Однако, ничего подозрительного не обнаружил и это его слегка озадачило, ведь ЦРУ играло в открытую, и он был без документов прикрытия. Зато, когда на встречавшей его машине Джон ехал из аэропорта Семипалатинска в гостиницу, он легко вычислил машину сопровождения. Это его несколько успокоило. Разведчик ухмыльнулся, Эспозито, как всегда, оказался прав провинциальные работники службы наружного наблюдения КГБ не имели опыта работы своих московских коллег и легко поддавались расшифровке. То обгоняя, то отставая они отчаянно делали вид, что их не интересует машина с американским дипломатом и по этой причине слишком суетились. Именно это наигранное безразличие, вкуче с чрезмерной старательностью выдавали их с головой.

Настроение Джона Милнера начало улучшаться. КГБ заглотило наживку и значит этот Райдер не такой уж идиот, раз сумел просчитать действия КГБ. Может быть, все получится.

11.00 (С) – 08.00 (М) Семипалатинск

Милнер был настоящим профессионалом. Он хорошо

подготовился и знал, как работает служба наружного наблюдения КГБ, поэтому, когда он вышел из гостиницы «Иртыш», то сразу же заметил, что привлек внимание сотрудников НК. Да это было и не сложно. В таком провинциальном городе как Семипалатинск в это предобеденное время на улицах не так много людей. Гостиница, где проживали члены американской делегации, находилась на границе центральной площади, где и вовсе было малоллюдно. Милицейский пост на входе, который похуже действовал круглосуточно, Джон отметил еще при заселении в гостиницу. Кроме того, в холле, у стойки регистрации и вокруг гостиницы прохаживались несколько сотрудников КГБ в штатском, которых выдавали темные костюмы и галстуки, белые рубашки и серьезность на лицах.

Для сверки своих ощущений с действительностью Милнер спустился к набережной, обошел гостиницу и вновь вернулся к ее входу. Его вели плотно, но не особо скрытно. Это наводило на мысль, что КГБ больше заботится о его охране и пока не собирается препятствовать его передвижениям. Данное обстоятельство вселяло уверенность в удачном выполнении предстоящей операции.

«Волга» подъехала прямо к центральному входу. Милнер открыл дверцу автомобиля, но вдруг как будто что-то вспомнив, бросил водителю «Извини я сейчас», захлопнул ее и направился в гостиницу. Он делал вид, что очень спешит.

Через некоторое время, когда Милнер вернулся к автомо-

билю старший наряда наружного наблюдения, сообщил по рации:

– «Супермен» возвращается к «Волге», в руках у него ничего нет.

– Точно ничего нет? – переспросил начальник 7 отдела, который лично руководил операцией и дублировал все доклады нарядов НН полковнику Уткину, представителю ВГУ и одновременно начальнику семипалатинского штаба по САИ.

– Да, товарищ майор.

– Не засоряй эфир. Во что он одет?

– Клетчатая рубашка, джинсы, на ногах кроссовки, на лице солнцезащитные очки.

– Давайте аккуратно там. Вернетесь я вам покажу и очки и что-то другое.

Разобравшись с подчиненными, майор набрал по оперсвязи начальника штаба и доложив обстановку, обратился с предложением:

– Товарищ полковник надо бы еще один наряд за «Суперменом» отправить, пока он из города не выехал. Вдруг он сумеет от первой бригады оторваться?

– Да куда он в вашей степи денется? Ты предупредил своих, чтобы «Супермена» держали любой ценой?

– Так точно.

– Вот и работайте. Держи меня в курсе, – приказал полковник Уткин.

Глава 2

Жара для этого времени года стояла небывалая. Наряд наружного наблюдения в составе – лейтенанта Муратова, прапорщиков Володина и Акежанова на оперативном «Жигуленке» мчался за «обкомовской» «Волгой» по раскаленной трассе Семипалатинск – ядерный полигон. Муратов, сидевший впереди рядом с водителем, изредка подносил бинокль к глазам. Видимость была отличная. Машин, даже встречных, практически не было и поэтому наряд, выполняя указание контрразведки сопровождал "объект" на значительном удалении.

При инструктаже по "объекту" Муратов задал вопрос начальству – «Почему не отработать по этому "Супермену" стандартно, двумя-тремя машинами?». Но присутствующий московский контрразведчик грубо оборвал – "... потому, что нельзя...".

Водитель «Волги» гнал как бешенный, выжимая из двигателя ГАЗ-24 все его 95 лошадей. Комитетчиков спасало то, что на ВАЗ 2101 стоял форсированный двигатель, а то бы наряд давно потерял из виду объект наблюдения.

– И куда он так летит? – озадаченно, не обращая ни к кому конкретно, спросил Муратов.

– А ты у него спроси, по рации, – не отвлекаясь от погони съерничал находящийся в данный момент за рулем Володин.

– Как ты думаешь, он нас «срисовал»? – спросил у старшего наряда Акежанов, самый молодой и неопытный «семерочник».

– Надеюсь, что нет, – с сомнением в голосе ответил Муратов.

– А как его московские «контрики» называют? – встрял в разговор Володин.

– Не знаю, за дорогой следи, – отрубил старший наряда.

– А может, это надо было у наших «контриков» узнать? – не удержавшись вставил Акежанов.

– Ага, так они тебе и скажут, они у нас важные, – съязвил старший наряда. – У них все сверхсекретно. Даже задание на этого «Супермена» не выписали.

– Так это же нарушение, – возмутился Акежанов.

– Эх, ты молодо – зелено, у них это – острая оперативная необходимость называется, – вяло пояснил Муратов. – Видел, Калюжный – «инициатор» гребанный. Когда объекта передавал, чуть из штанов не выпрыгивал перед этим московским «полканом».

– А зачем этим «Суперменом» наш Рязанцев из 6 отдела интересовался? – не унимался Акежанов.

– Макс нормальный парень, – отмел вопрос Муратов.

– А разве можно интересоваться чужим объектом? – засомневался молодой.

– Ему можно, – веско заявил Муратов. – Макс, свой парень и настоящий опер. Если надо всегда прикроет, не то,

что некоторые. Один раз по его объекту работали. Он его нам вечером передал на машине. А там двор обкомовский, чужого человека сразу видно. Вот мы и поехали на Иртыш, на наше место, обсудить, как все лучше сделать. Пива набрали, рыбы...

– А разве в здании не было указано... – не выдержал Акежанов.

– В «накладной», – грозно поправил старший недовольный, что его перебили, – можно написать все, что угодно, но в реальной работе все гораздо сложнее. Конечно, все вопросы по зданию обсуждаются на оперативном совещании, но всегда лучше дополнительно обговорить детали в неформальной обстановке. С Максом всегда работать интересно. Вместо того, чтобы сидеть в душном кабинете, проводим разведку на местности, и дальнейшее обсуждение переносим на природу. Под пиво знаешь, как разыгрывается фантазия, сразу находятся оптимальные варианты выполнения задания. На следующий день у руководства все проходит «на ура». Наши, все с Максом в хороших отношениях, мы его поддерживаем, он – нас. Начальство вместе побеждаем, то есть, убеждаем конечно.

– А тот случай?

Дорога пошла с выбоинами и из-за тряски разговор прекратился. Однако, когда выехали на неповрежденную часть шоссе, старший наряда продолжил.

– Вот ведем мы этого «Супермена», а даже не знаем кто он

такой. Может ученый или просто специалист, а нашим все шпионы мерещатся.

– А я живого американца первый раз вижу, – решился вставить свои «две копейки» в рассуждение старшего Акежанов.

– Ну и как он тебе?

– Внешность "киношная", фигура спортивная..., – вклинился в разговор Володин. – Весь собранный какой-то, не нервный.

– Тогда. выходит правильно бригада Тенизбаева ему "погоняло приклеило" – «Супермен»? – задался вопросом молодой прапорщик.

– Привыкай, у нас по-другому не бывает. Тенизбаевские его вчера с трапа самолета взяли и визуально точно срисовали. Высокий, поджарый, резкий. Вероятно, бывший спортсмен, который и сейчас поддерживает свою физическую форму. Взгляд тяжелый, цепкий. Ведет себя настороженно, постоянно перепроверяется.

– Ну почему же они так гонят? – снова задал вопрос Володин. – Я уже весь в мыле.

– Это ты верно говоришь, – поддержал лейтенант. – «Контрики» нам ничего не сказали. Может так и надо, но лучше бы наши потребовали, как следует по всем комитетовским приказам, чем этого московского «полкана» бояться.

12.50 (С) – 09.50 (М) Курчатov

«Волга» с «Суперменом» миновала КПП на въезде на территорию ядерного полигона и устремилась в сторону Курчатов. Наряд НН дальше двигаться не мог, так как не имел пропуска на въезд в режимную зону, которая находилась под юрисдикцией военной контрразведки. Поэтому «топтуны» визуально отследили «объект» до самого въезда в город, после чего старший наряда лейтенант Муратов доложил в центр по рации.

– Все в порядке «объект» до Конечной доставлен.

– Смотрите там, внимательней, чтобы КПП всегда было в поле вашего зрения. Работайте, – с заметным облегчением ответил зам начальник 7 отдела капитан Ахметов.

– Да, ладно Мурка, куда этот «Супермен» тут денется. Старший «контрик» из Москвы сказал, что объект на «Балапан» поедет, а это 90 километров. По такой разбитой дороге, да на «Волге» это минимум полтора часа, там, допустим около часа и назад полтора. Так что мы застряли тут часов на пять минимум. А «Супермен» теперь головная боль военных «контриков».

– Ты, «Амбал» меня слушай, а не москвичей всяких. Они уедут, а я здесь с тобой останусь. Ты меня понял?

– Да понял я, понял.

– С военной контрразведкой у нас прямой связи нет. Посредниками тут выступают наши контрразведчики, так что все работает как "испорченный телефон", поэтому бдитель-

ности не терять. «Супермен» точно в Курчатов въехал?

– Да, говорил же уже, – раздраженно ответил Муратов. – От КПП до города три километра по степи через железнодорожный переезд. Здесь же все просматривается как на ладони. Въехал он в жилую зону Курчатова. Военные «контрики» его приняли, их за сто км было видно, приклеились и ведут вплотную как практиканты.

– Хорошо. Работайте дальше. И смотрите внимательней на военных надежды нет. Головой за «Супермена» отвечаете.

– Принято, – пробурчал в рацию Муратов, а затем, переключив ее на прием, сказал своим подчиненным. – Эх, сейчас пивка бы, холодненького.

– Да, неплохо бы... – поддержал его Володин.

– К сожалению с этим придется подождать, – оборвал лейтенант, – давай Володин съезжай к Иртышу, там, где-нибудь в тени под кустами остановимся. Пообедать нам никто не запрещает. Тем более, что отсюда КПП хорошо просматривается.

– А искупаться можно? – робко спросил Акежанов.

– По очереди, – разрешил Муратов, доставая из сумки мощный армейский бинокль. – Сначала я буду за КПП наблюдать, а вы на стол приготовьте, искупнитесь по-быстрому и кушайте. Да и из моей сумки в багажнике тоже всю еду вынимайте. Сегодня хотя и рано встали, жена успела там что-то приготовить.

Разморенные жарой и обедом «семерочки» дремали. Муратов, через два часа передал наблюдение за КПП Акежанову, который глядя на развалившихся под кустами товарищей никак не мог побороть зевоту. Наконец прапорщик решился. «За пять-семь минут ничего не случится, пойду немного взбодрюсь». И выбравшись из-за кустов бегом помчался к Иртышу. Вода приятно освежала, и он не мог отказать себе в удовольствии, чтобы не покачаться на волнах от промчавшейся по реке «Ракете» – катере на подводных крыльях. Когда четверть часа спустя Акежанов вернулся к своему наблюдательному пункту обстановка в окружении КПП не изменилась. Несколько машин стояли в ожидании разрешения на въезд, а с территории полигона неспешно выезжали несколько грузовиков.

«Зашуршала» рация, настроенная на прием, и раздался голос Ахметова:

– «Амбал», как обстановка? Доложите. Прием.

– Обстановка спокойная. Все под контролем, – ответил Акежанов.

– А где «Амбал»? – не слушая молодого прапорщика, перебил заместитель руководителя «семерки».

– Он отошел в туалет, – привычно не смущаясь соврал Акежанов, одновременно подскочив к спящему Муратову и хлопнув его по плечу.

Лейтенант бодро вскочил, взял рацию и громко произнес:

– Мурка я уже здесь. Прием.

– У меня здесь на внутреннем начальник наших «контриков» висит, а у него на «ВЧ» этот «полкан» московский. Все интересуются, где объект? – нервно проинформировал капитан.

– Объект на территории полигона. Пускай у «сапогов» поинтересуются, – уверенно парировал лейтенант.

– Ты там давай не умничай, – разозлился Ахметов. – Без тебя знаю, что им отвечать. Ты мне четко докладывай. Теперь каждые полчаса, а то спите там, наверное, черти.

– Кто спит? – завозмушался Муратов, мысленно восхищаясь шефом, который тонко проинтуичил ситуацию.

– Все «Амбал» не засоряй эфир. Доклад каждые полчаса.

– Есть, – четко ответил лейтенант и обратился к подчиненным. – Все слышали? Москва интересуется. Значит, наблюдать в шесть глаз.

11.35 (М) – 14.35 (С) Москва КГБ СССР

Рязанцев возбужденно докладывал по оперсвязи Соболеву:

– Дежурный отдела военной контрразведки (ОВКР) в Курчатове, мой однокашник, передал странную информацию.

В 12.50 местного с КПП доложили о том, что на территорию полигона заехал «Дипломат». Дежурный ОВКР, согласно инструкции предупредил о въезде «Дипломата» сотруд-

ников ОВКР в гостинице и на НПО «Протон».

В 13.10 из гостиницы в ОВКР сообщили, что «Дипломат» заселился в ранее забронированный номер.

В 13.40 из гостиницы проинформировали, что «Дипломат» остался в номере, а его водитель на «Волге» выехал в сторону КПП.

В 13.55 с КПП сообщили, что машина «Волга», на которой въезжал «Дипломат», покинула территорию полигона.

– И что тут странного? – спокойно отреагировал полковник.

– Дежурного ОВКР инструктировали, что «Дипломат» намерен посетить площадку «Балапан», а это...

– Я знаю, дальше.

– Так вот странно, что «Дипломат» отпустил «Волгу» в Семипалатинск, а сам остался в номере. Завтра рано утром прилетает американская делегация по САИ, и «Дипломат» должен ее встречать в аэропорту. На чем он собирается добираться до Семипалатинска?

– Ты успокойся, капитан, – посоветовал Соболев. – Думай головой и не иди на поводу у эмоций. Давай дальше. Что сделал твой однокашник?

– Доложил руководству ОВКР, но они сейчас в авральном порядке готовятся к приезду высоких гостей на проведение заключительного этапа САИ и не отреагировали на его «фантазии». Тогда он позвонил мне.

– Очень интересно. «Дипломат» – это, как я полагаю наш

Джон Милнер? – задумчиво протянул Соболев.

– Да, – запальчиво подтвердил Рязанцев, – и ребята из нашей семерки подтвердили, что Милнер, у наружки он проходит как «Супермен», сейчас в Курчатове.

– Молодец, Максим Николаевич, – отметил полковник и после паузы на принятие решения, дал указание. – Осторожно поработай с наружкой на предмет дальнейших передвижений нашего «Дипломата» – «Супермена», а я постараюсь понять, что все это значит. Будь на связи.

Полковник положил трубку и быстро начал записывать информацию Рязанцева.

14.15 (М) – 17.15 (С) Москва КГБ СССР

– Что случилось? – спросил Соболев у ворвавшегося в кабинет Степного.

– Только что, в Семипалатинске, в гостинице..., – запыхавшись рапортовал зам, – представитель Госдепа США зафиксировал в своем номере наших контрразведчиков, проводивших оперативный досмотр.

– Чего-то подобного можно было ожидать, – спокойно в отличие от зама констатировал полковник, – но как они могли так бездарно подставиться? Создается впечатление, что или они там все ненормальные, или... – Соболев не успел договорить, так как в этот момент зазвонил телефон и из приемной генерала передали указание прибыть в 14.25 на экс-

тренное совещание.

– Говорят, казнь переносится намного легче, чем ее ожидание, – после небольшой паузы произнес Соболев.

– Это кто сказал? – не понял зам.

– Наверное тот, кто это пережил, – отвлеченно посмотрев в окно, заметил полковник.

– Боюсь, и мы скоро это узнаем, – уныло отреагировал Степной.

– А, чтобы избежать этого сомнительного удовольствия... нужно срочно что-то предпринять..., – задумчиво произнес Соболев.

– А что? – невесело усмехнулся заместитель, – намылить получше веревку?

– В принципе любой профессионал должен знать, что каждая ошибка, если ты ее проанализировал и сделал выводы – приближает к успеху, – продолжал философствовать полковник.

– Слабое утешение, особенно если учесть, что никто не собирается давать нам еще одну попытку для исправления ситуации...

– Сколько сейчас в Семипалатинске? – решительно перебил зама Соболев.

– 17.23, – быстро отреагировал зам.

– Срочно свяжись с «Омегой» пусть немедленно начинает операцию «Вариант», – отдал приказ полковник.

– Ох, не хотел я, чтобы нам понадобилась эта операция....

– Нам сейчас нельзя, Юра, – продолжил Соболев с нажимом, – колебаться вместе с линией партии, как сейчас модно говорить, надо спасать ситуацию. У нас просто нет другого выхода. В противостоянии с ЦРУ пропущен серьезный удар и сейчас начинается игра без правил. Мы вынуждены прибегнуть к крайним мерам, чтобы отвести смертельную угрозу, нависшую над всеми достигнутыми и перспективными советско-американскими договоренностями по ядерному разоружению в Женеве.

В это время зазвонил внутренний генеральский телефон, Соболев снял трубку выслушал короткое указание, ответил – «Есть» и собирая папку с документами дал указание Степному:

– Пока меня там будут препарировать любыми путями свяжись с «Омегой», если его не найдешь позвони «Альфе», используй все свои возможности в военной контрразведке. Во что бы то ни стало надо передать «Омеге» сигнал «Эгида».

– Но если через ВКР, то мы засветим его...

– Сейчас это не важно, главное, чтобы он получил сигнал начать операцию.

Соболев шел до кабинета генерала и напряженно думал о том какие идеи можно предложить руководству чтобы локализовать последствия провала контрразведки в Семипалатинске.

«Только бы американцы не раздули этот инцидент в политическую проблему. Надо попытаться свести все к технической ошибке, связанной с нерадивостью местного персонала. Сейчас все будет решаться не в Семипалатинске, а здесь в Москве. Надо попросить генерала, чтобы товарищи из ЦЭКа дали указание МИД СССР обратился к посольству США не политизировать ошибочные действия КГБ и дать шанс на дальнейшее проведение САИ. Для этого надо срочно найти компромисс, идти на уступки. Может быть следует дать возможность доступа ученым США к каким-нибудь нашим разработкам? А может быть ПГУ сможет помочь? Например, открыть развединформацию по какой-нибудь восточной или африканской проблеме. Кроме того, можно попробовать договориться, упирая на то, что установленный сотрудник ЦРУ оказался в американской делегации по САИ. Это явное нарушение. Американцы, конечно, попытаются заявить, что он давно не работает на ЦРУ, но это хоть какой-то предлог затянуть их в переговорный процесс и потянуть время. Надо будет предложить эти варианты на совещании. Надо выиграть время, чтобы «Омега» успел осуществить «Вариант».

Начальник 6 управления КГБ СССР генерал-лейтенант Туманов кивнув, вместо ответа на приветствие, продолжал молча ходить по кабинету. Соболев знал, что такое поведение генерала является крайней степенью недовольства и раздражения, поэтому тихо расположившись за столом для за-

седаний, разложил документы и сосредоточился на формулировке предложений для локализации провала контрразведки. Наконец придя к какому-то решению, генерал резко остановился возле своего кресла и постепенно повышая голос, начал говорить:

– Руководство второго главка довело до сведения членов коллегии КГБ факт провала контрразведывательной операции в отношении установленного разведчика ЦРУ. В известность о подготовке, если таковая велась и проведении самой операции, видимо во избежание расшифровки не ставили никого. Как всегда, контрразведчикам казалось, что все продуманно и отработано, но на месте, все было сделано бездарно, и операция провалилась. Теперь на кону престиж нашей страны и судьба ее мирных инициатив, – генерал немного увлекся, но вовремя осознав, что уже не среди членов коллегии, несколько успокоился.

– Наше управление, как вы знаете, Андрей Иванович, фактически не являлось главным организатором и координатором мероприятий по контрразведывательному обеспечению САИ. Однако указанием руководства Комитета именно мы были определены ответственными за безопасность и успешное проведение САИ, а это означает, что мы должны любой ценой исправить ситуацию. Вы слышите! – опять резко повысил голос генерал, и после небольшой паузы, в очередной раз совладав со своими эмоциями, продолжил. – Председатель КГБ дал указание своему заместителю – гла-

ве Координационного центра принять все меры по локализации произошедшего провала и нормализации работы САИ. Зампред напрямую возложил эту задачу на нас. В этой связи нам надо в кратчайшие сроки представить свои предложения по этой проблеме.

Генерал замолчал и посмотрел на Соболева, словно ища поддержки.

– Может быть следует «развязать руки» нашей разведке у нее должны быть материалы о намерениях ВПК США по срыву САИ...

– Ты что хочешь получить второй Карибский кризис! Ведь мы только-только с этим Рейганом, за выборами которого маячит ВПК, договариваться начали. Он же нас еще пару лет назад иначе как империей зла не величал. И сейчас дать США такой шанс на новый виток гонки вооружений?

– Не думаю, что этот «прокол» нашей контрразведки может послужить поводом к политическому демаршу со стороны Госдепартамента США, – сдержанно заметил Соболев.

– Вот именно! Вы все здесь в КГБ не думаете, а кто за все это безобразие отвечать будет перед руководством ЦК? – с чувством спросил Туманов.

Полковник промолчал, и начальник запальчиво продолжил:

– Вот поэтому я сейчас нужнее на связях с ЦэКа, а вам Андрей Иванович поручаю немедленно приступать к разработке дополнительных мер по стабилизации сегодняшней си-

туации и обеспечению дальнейшей безопасности САИ. При этом прошу учесть, что вся ответственность за реализацию предложенных мер ложится лично на вас, – генерал внимательно посмотрел на полковника и убедившись, что подчиненный сосредоточенно слушает, еще раз повторил приказ, – Ситуацию необходимо исправить любой ценой!

«Профессиональный контрразведчик никогда не должен говорить – «любой ценой», – отметил про себя Соболев. – Он должен точно и обязательно обозначить методы, допустимые и не допустимые для достижения цели. Но положение действительно очень сложное. И в трудные минуты все мы грешим подобным фразеологизмами».

17.55 (С) – 14.55 (М) Семипалатинск

Рязанцев узнал о провале контрразведки от подполковника Еркенова, который возвратившись с заседания семипалатинского штаба пригласил его к себе, чтобы капитан присутствовал во время доклада в Москву и, если понадобится получил прямые указания от Соболева.

Капитан толком не слышал, о чем Еркенов и Соболев говорили по оперативной связи, он вспоминал как утром в аэропорту встречал Милнера вместе с бригадой наружного наблюдения. Американец выглядел безупречно, был прекрасно одет и держал себя как настоящий денди, недаром острые на язык «семерочки» сразу окрестили объек-

та «Супермен». До этого Рязанцев читал на Милнера объективки, утром получил всесторонний инструктаж от Соболева, но даже не предполагал, как виртуозно и профессионально умеет работать «Супермен». «Как он за такой короткий период, не зная местности и условий, в которых надо работать, так безукоризненно выполнил операцию?».

Мысли опера оборвал подполковник Еркенов, пригласивший его к телефону. Соболев, видимо понимая состояние Рязанцева, коротко спросил:

– Ты готов?

– Да.

– Иди работай. Ты знаешь, что делать. Связь через Турлыбека Амантаевича.

Рязанцев вернул подполковнику телефонную трубку. В этот момент капитан уже осознавал, что все планы по нейтрализации Милнера, которые они так тщательно отработывали в Москве, летят к чертям собачьим. Для того, чтобы попытаться найти новое приемлемое решение проблемы Милнера, необходимо было побыть одному, сосредоточиться и проанализировать сложившуюся ситуацию, как учил Соболев.

Механически выслушав наставления Еркенова и заверив его, что все указания приняты к исполнению, Рязанцев отправился в гостиницу, так как знал, что в «конторе» сейчас не найдется места для уединения, здесь все «кипит» и «ревет» после провала контрразведки.

В гостинице Рязанцев поднялся на «резервный» этаж, номера на котором «держали» на случай прилета на САИ большего количества инкорреспондентов взял ключи у дежурной и открыв дверь, даже не раздеваясь упал на кровать. Пролежав пять минут, Рязанцев вскочил сел к столу, достал из папки листы бумаги и ручку и начал чертить схемы нейтрализации Милнера.

Получалось не очень. Девятимесячной подготовки недостаточно, чтобы остановить матерого шпиона, который на протяжении двадцати лет проводил операции в самых горячих точках планеты. Все стандартные методы, которые с таким старанием отработывались на стажировке для такого шпиона, который не останавливается ни перед чем, умеет и готов убивать, не подходили. Они тогда, там в Москве просто не представляли с кем придется иметь дело. Время играло на ЦРУ, а решения не было.

«Наверное, надо позвонить Соболеву и признаться, что я ничего не смогу сделать» – разозлился на самого себя Рязанцев. Но после минутной слабости, он собрался и направил всю свою ярость на противника.

«Прав был подполковник Степной! Получается, что нам ничего нельзя, а этот террорист и убийца Милнер творит тут что захочет! Угнал машину, усыпил нашего парня в Курчатове... Стоп. В этом что-то есть. Надо бить врага его же оружием. Необходимо срочно проконсультироваться с начальником нашей поликлиники. У него связи с фармацевтами по

всему городу. Времени «монтировать» какой-то сценарий и «вышивать» под него легенду, а потом все это согласовывать – нет. Меня учили действовать самостоятельно».

Приняв решение, капитан начал действовать. Для начала набрал по внутреннему дежурную этажа, где проживали американцы.

– Раушан, привет. Это Макс. Как дела?

– Привет. Нормально.

– Где наш парень?

– У себя.

– Хорошо. Напомни всем по смене, чтобы знали про него все. Я буду звонить в любое время дня и ночи. В общем как ранее обговаривали. Если что-то срочное, то я в резервном номере или через ресепшн ищите Каирова. Пока так. Все понятно?

– Да.

– Удачной смены. До связи.

15.15 (М) – 18.15 (С) Москва КГБ СССР

После телефонного разговора с Семипалатинском полковник Соболев начал набрасывать в рабочем блокноте предложения для заседания КЦ и одновременно пригласил Степного.

Подполковник с порога доложил:

– «Омегу» не нашел, но сигнал «Эгида» передан по всем

возможным каналам.

Соболев молча кивнул и продолжал делать записи.

– Почему мы не можем в открытую потребовать от руководства помощи для наших «Альфы» и «Омеги»? – напористо задал вопрос Степной.

– Да я бы сам в Семипалатинск хоть сейчас вылетел, но по условиям договоренностей по САИ в местах проживания членов делегаций США не должны находиться сотрудники спецслужб. Милнер безусловно знает об этом и при малейшем повышении нашей активности, обратит внимание представителя Госдепартамента на то, что мы и тут грубо нарушаем установленные правила. Поэтому даже Рязанцев вынужден работать в гостинице под прикрытием.

– У него же на лбу не написано, что он из КГБ. Да и документы прикрытия из МВД при себе. И потом ухудшилась криминогенная обстановка в регионе, угнали машину обкома партии, чуть не отравили шофера...

– Это хорошо, Юра, что ты в такой ситуации сохраняешь чувство юмора, но резюме таково, что мы не сможем помочь Рязанцеву извне, чтобы не вызвать очередной демарш американской стороны.

– А ты не допускаешь мысли, что Милнер уже отыгранный персонаж, что он выполнил свое задние и вариант "Б", если он понадобится будет осуществлять кто-то другой?

– Нет, – категорически отмел полковник, – из всех четырех подозреваемых в причастности к ЦРУ, находящихся в

Семипалатинске, только он способен на убийство.

– Почему ты так думаешь?

– Просто потому, что он это уже делал и не раз.

– А что говорит наш генерал?

– Приказал исправить ситуацию, а иначе...

– Что, как всегда, без права на реабилитацию? – обеспокоенно спросил Степной, поднявшись с кресла.

– Откуда знаешь? – попытался дежурно отшутиться Соболев, но вышло не очень. Степной хотел взбодрить расстроенного друга и попробовал поднять градус общения жесткой иронией:

– То, что заслуженная кара найдет незадачливых героев у тебя на лбу написано.

– И что там еще написано? – уже с явным раздражением поинтересовался полковник.

– Что отдохнуть тебе надо, Андрей, – примирительно начал Степной, – мы этот бой уже проиграли...

– Не угадал ты, Юрий – ясновидящий, нам работать надо, – прервал его Соболев и затеял свою чайную церемонию, в процессе которой рассказал об указании генерала и о том, что поиск путей решения проблемы, возникшей в ходе заключительной фазы САИ, придется искать, по сути, им двоим.

– Понимаешь, товарищ подполковник, – неторопливо рассуждал Соболев, – установки ЦК КПСС насчет важности САИ – абсолютно правильны. Но важность дружбы с США

любой ценой не должна быть важнее истины. А в нашем случае именно так и получилось. Разведка добыла сведения о намерении ЦРУ сорвать САИ, а наши конторские руководители по принципу типа твоего «перебдеть – недобдеть», чтобы не нарушить директивы ЦК, положили этот документ «под сукно» вместо того, чтобы проверить его и воспрепятствовать срыву САИ. В результате получилось, что своим бездействием КГБ способствовало нанесению вреда нашему государству. Где здесь логика? Но сейчас главное не это, нужно искать выход из сложившейся ситуации.

Заместитель по обыкновению попытался что-то возразить, но полковник был не предрасположен к дискуссии.

– Что можно инкриминировать Милнеру? – жестко спросил Соболев, не дожидаясь возражений зама.

– Угон автомобиля, отравление водителя... – начал неуверенно перечислять зам.

– Это тянет всего лишь на выдворение и то по итогам всестороннего разбирательства. Это ведь он наших с поличным поймал, а не они его. В ЦРУ все верно просчитали, защитив Милнера дипприкрытием. И потом на другой чаше весов – провал нашей контрразведки, вылившийся в грубейшее нарушение международных договоренностей, которое грозит прекращением САИ.

– Но мы же все равно можем потребовать выдворить Милнера из страны? – возмутился Степной.

– Тогда американцы точно прервут САИ, – мрачно пред-

положил Соболев.

– И что теперь нам с ним делать? – озадаченно спросил зам.

– Не знаю, Юра, не знаю. Политика и, в частности, международные договоры – это деликатная сфера. Односторонние демарши здесь достаточно редкое явление. Наверное, у нас есть немного времени на адекватный ответ, но вот сколько его, я не знаю, – разочарованно выдохнул полковник.

– Может быть, контрразведка сама что-нибудь придумает? – неуверенно предположил Степной.

– До испытаний осталось чуть больше шестидесяти часов – словно, не слыша своего зама размышлял вслух Соболев, – а тут такой провал.

– Не может быть такого, чтобы контрразведка не имела запасного варианта на такой «дохлый» случай? Я сейчас срочно свяжусь кое с кем и все уточню, – продолжил убеждать себя Степной.

– Точно, Юрий Александрович, давай поговори с ними. Нам сейчас необходимо получить более полную информацию о том, как этот американский супершпион поймал этих чистоплюев с поличным. И особенно подробно расспроси о самом Милнере. Теперь я почти не сомневаюсь, что он и есть «Исполнитель». Есть ли у него слабые места? – пытался развить свою мысль полковник, но зам перебил его.

– Почему ты все время думаешь, что он «Исполнитель»?

– Делегация у США небольшая, людей с дипломатиче-

ским иммунитетом немного. Вот и получается, что двух высококлассных «Исполнителей» ЦРУ в таком раскладе позволить себе не сможет.

– Зачем тогда он привлек к себе внимание? – не согласился зам.

– Вот этого мы не знаем и гадать нам некогда. Что там сейчас у «Омеги»? Как он в такой суматохе выйдет на связь? Есть ли хоть какая-то возможность получить информацию что там творится через военную контрразведку?

– Попытаюсь, – пообещал Степной, – но, если он проведет «Вариант», боюсь ВКР закроет всю информацию для нас.

– Ладно, – принял решение полковник. – Тогда поработай с контрразведкой, от них ВКР не закроется, а я попробую выяснить у разведчиков как реагирует Госдеп США на этот инцидент?

– Да у них такая степень секретности, что...

– Нас не интересуют данные, добытые резидентурой через нелегалов, только официальная информация о решении Госдепа по САИ, – оборвал Соболев.

В этот момент позвонили из приемной заместителя председателя КГБ и предупредили Соболева, что он приглашен на экстренное совещание Координационного центра,

Переговорив по внутреннему телефону, полковник положил трубку и сказал:

– Ну вот и все пора идти «на главный ковер». Там объяс-

нят, как надо работать и воздадут должное за грехи наши.

– За что? – возмутился Степной.

– За содеянное нашими друзьями из контрразведки. Иди к ним, Юра, пока начальство ВГУ будет со мной «на орехи» получать, ты постарайся что-нибудь разведать у их подчиненных.

Глава 3

18.28 (С) – 15.28 (М) Семипалатинск

Рязанцев, стремительно поднялся на второй этаж поликлиники УКГБ и быстро преодолев половину коридора дошел до кабинета начальника подполковника Абраева Султана Орынтаевича, осторожно открыл дверь и тихо вошел. Он знал, что Султан, как звали его все друзья и знакомые не любил громких звуков и быстрых движений. То, что кабинет оказался пустым, Максима не смутило. В конце рабочего дня подполковник любил перебираться в комнату отдыха, которая была незаметна за отгораживающей ее медицинской ширмой. Капитан, обошел ширму тихонько поскребся в дверь и не дожидаясь приглашения вошел. Начальника поликлиники видимо уже предупредили из регистратуры, что на территории посторонний, поэтому Абраев убрал со стола спиртное и удобно расположившись в кресле слушал тихую классическую музыку ипил ароматный кофе.

– Чего тебе Максим? – недовольно спросил подполковник.

Рязанцев, не торопясь открыл кейс и молча поставил на журнальный столик бутылку армянского коньяка.

– Это еще что такое? – попытался придать голосу строгости подполковник.

– Это лекарство, Султан Орынтаевич, – спокойно ответил опер. – И я хотел бы его обменять на другое.

– Кончай говорить загадками. Зачем пришел? – чуть смягчившись поинтересовался Абраев.

– Вы же в курсе всего, что происходит в нашем управлении. И я полагаю, что переживаете сегодняшнюю ситуацию так же остро, как и все мы? – начал издали Максим.

– Я ничего не знаю и знать не хочу обо всех этих ваших оперативных делах. Мое дело лечить. Что ты тут вообще начинаешь? – сдержанно возмутился подполковник.

– Султан Орынтаевич, давайте не будем рассказывать друг другу сказки. Сейчас на это нет времени. Мне необходимо ваше содействие, чтобы помочь нашей управе.

– Я сейчас наберу Еркенова..., – с угрозой пообещал Абраев.

– Не надо себя утруждать. И не надо лишний раз тревожить Турлыбека Амантаевича. Когда я выручал вашего племянника, я никому не звонил и ничего не рассказывал, – капитан выдержал паузу и напомнил, – А вы мне обещали при случае оказать любую помощь. И вот пришло время, когда

вы сможете выполнить свое обещание.

– Что тебе нужно?

– Не мне, а нам, нашей конторе и нашей стране, – Рязанцев сделал паузу, и понизив голос, продолжил, – Мне нужно, чтобы вы попросили одного из своих знакомых, чтобы он, не задавая лишних вопросов изготовил качественное снотворное.

– Всего-то? – облегченно выдохнул подполковник. – Давай рецепт.

– Рецепта нет.

– Как называется препарат? Если он есть в городе, то тебе его привезут.

– У него пока нет названия. Мне нужно снотворное с определенными параметрами, которое может приготовить только очень талантливый фармацевт.

– Ты уверен, что в нашем городе есть такой человек? – усмехнулся Абраев.

– Абсолютно, но давайте не будем сейчас играть в фантазы...

– Я не могу так просто кому-то позвонить и попросить того не знаю, чего и...

– Султан Орынтаевич, мы с вами не на базаре. Я сказал все, что могу сказать. И мне не хотелось бы еще раз напоминать о вашем обещании.

– Хорошо, посиди здесь попей водички, я сейчас из кабинета кое-кому позвоню, проконсультируюсь.

– Надеюсь вы не собираетесь звонить Турлыбеку Амантаевич или кому повыше, а то боюсь это будет ваш последний звонок в этой должности, – напомнил капитан.

– Тебе не кажется, что ты слишком наглеешь, Максим? – угрожающе поинтересовался подполковник.

– Поверьте, Султан Орынтаевич, сейчас действительно очень сложная ситуация и, если вы не поможете. Нам не поможет уже никто. Вы же понимаете, на что способен человек попавший в практически безвыходную ситуацию. Поэтому прошу вас поймите и простите мне мое поведение. И чтобы не превращать весь этот фарс в трагедию вы просто отсюда позвоните Цареградской Анне Андреевне и попросите ее помочь мне.

– Откуда ты знаешь... ее?

– Я учился с ее сестрой в одном классе... Но это другая история. О ваших высоких медицинских отношениях с талантливым фармацевтом я тоже немного знаю, но в силу некомпетентности в сфере фармакологии не считаю нужным об этом говорить. Поэтому звоните отсюда. Я пока выйду и посижу в вашем кабинете. Когда договоритесь позовете.

15.30 (М) – 18.30 (С) Москва КГБ СССР

Каждый из начальников, присутствующих в кабинете зампреда, осознавал меру собственной ответственности за провал в Семипалатинске, поэтому все напряженно ждали на-

чала совещания и старались как можно тише раскладывать документы.

Зампред казался внешне спокойным и деловитым. Соболев знал, что он настоящий профессионал, не из партнабора и умеет сдерживать свои эмоции. На самом деле, про себя, зампред крепко по-мужицки материл зарвавшихся деятелей из Второго Главка. Вместе с тем, он понимал, что проклятиями дела не исправишь и надлежит выработать действенные меры по локализации последствий провала операции ВГУ.

– Положение не просто сложное, а архисложное, – стараясь быть сдержанным, начал зампред, но после небольшой паузы, резко повысил голос и продолжил, не сдерживая эмоций, – наша страна поставлена перед угрозой срыва важнейших для СССР договоренностей. Многомесячные труды наших дипломатов и ученых могут быть перечеркнуты глупостью отдельных сотрудников нашей доблестной контрразведки. – зампред, выразительно посмотрел на начальника ВГУ.

– Кто организовал и руководил операцией по проникновению в номер разведчика ЦРУ?

Начальники ВГУ и военной контрразведки переглянулись, и первый неохотно ответил:

– Руководитель американского отдела полковник Уткин.

– Где он был? – после паузы взорвался генерал, – когда его... – зампред запнулся будто забыл все правильные слова и свирепо посмотрел в сторону притихших контрразвед-

чиков.

– Он был в семипалатинском штабе, – тихо, не поднимая головы, ответил начальник ВГУ, – руководил операцией.

– Нормально... – заметил зампред таким тоном, что у сидевших за столом мороз пошел по коже. И видимо совладав с эмоциями, неожиданно спокойно продолжил, – Значит вот так мы работаем. ЦРУ делает на нашей территории все, что заблагорассудится, а наша доблестная контрразведка им помогает. – Присутствующие офицеры, казалось, были готовы провалиться вместе с документами, до внутреннего ядра Земли.

– В общем, много говорить нет смысла и времени, надо исправлять ситуацию, если это еще возможно. Иван Иванович, – обратился зампред к начальнику ВГУ, – я хочу услышать ваши конкретные предложения.

– К сожалению, мы не получили от разведки своевременных данных о готовящемся прилете в СССР в период проведения САИ одного из лучших разведчиков ЦРУ Джона Милнера. Последний известен как мастер проведения острых разведывательных акций на территории стран дружественных Советскому Союзу (в том числе Вьетнам, Куба, Никарагуа, Афганистан). Наши оперативники провели анализ деятельности Милнера и пришли к выводу, что он прибыл в СССР для проведения важной разведывательной акции. Мы полагали, что в процессе операции сможем разоблачить Милнера и прекратить его деятельность против СССР.

Однако, мы ошиблись в тактике..., – мрачно констатировал начальник ВГУ.

– Вас провели как слепых котят, вы пошли на поводу у ЦРУ. Американцы «просчитали» все ваши шаги и теперь по вашей милости авторитету Комитет нанесен серьезный урон, – перебил зампред генерала контрразведки.

– Да, мы ошиблись, – согласился Иванов, – И я как руководитель контрразведки готов нести ответственность...

– Вы не о том говорите, генерал, – холодно сказал зампред и поморщился как от острой зубной боли. – Меру ответственности каждого из здесь сидящих определит Председатель, а возможно и Политбюро. Но это будет позже, а сейчас надо срочно искать пути по исправлению ситуации. На данный момент мы имеем провал вашей, – он выразительно посмотрел на начальника контрразведки, и четко повторил, – вашей, Иван Иванович, самодеятельной, авантюрной и бездарной операции, которая ставит на грань прекращения совместные советско-американские испытания на нашем ядерном полигоне, со всеми вытекающими отсюда негативными политическими последствиями. В том числе, громкий международный скандал и продолжение изматывающей для нашей экономики гонки ядерных вооружений. – Последнее предложение зампред произнес с особенным надрывом, еле сдерживая охватившую его ярость. Данное обстоятельство почувствовали все его подчиненные и замерли в ожидании дальнейшего эмоционального взрыва. Однако зампред

сделал паузу и сдержанно продолжил. – Полагаю, всем присутствующим понятно, что ЦРУ при безголовом попустительстве наших доблестных контрразведчиков осуществило успешную операцию, поставившую на грань срыва работу по САИ. Сделано это явно по заказу определенных кругов ВПК США, жаждущих срыва договоренностей по ядерному разоружению. Все верно, Иван Иванович? – снова обратился зампред к начальнику ВГУ. – Я ничего не упустил?

– Нет, – выдавил руководитель контрразведки, и тихо добавил. – Нам надо исправить нашу ошибку. – Контрразведчик хотел еще что-то добавить, но зампред перебил его.

– Садитесь. Сейчас не время посыпать голову пеплом, надо в срочном порядке исправлять ситуацию. Какие будут предложения, товарищи? – обратился зампред к руководителям подразделений Комитета.

В кабинете заместителя Председателя КГБ СССР повисла тяжелая тишина, все присутствующие замерли в ожидании – кто решится принять на себя обязательства по спасению ситуации. Всем было понятно, что любой предложивший свое видение по локализации конфликта может оказаться ответственным за исполнение предложенного плана. Тишина сгустилась.

Зампред, казалось, мрачнел с каждой секундой, и наконец, не выдержав встал и грозно навис над столом, зная, что его массивная фигура в генеральском кителе производит сильное впечатление. Тяжелым взглядом обведя подчинен-

ных, генерал остановился на Соболеве, и взорвался:

– Что ни у кого нет никаких мыслей? А почему молчит наша уважаемая экономическая контрразведка, которая должна была возглавлять работу по САИ, но самоустранилась и сейчас доблестный полковник Соболев, вместо предложений по исправлению ситуации продолжает прятаться за спины коллег.

Соболев встал, одернул пиджак и глядя прямо перед собой, молча ждал, когда зампред закончит свою обличительную речь.

– Вы не надейтесь Андрей Иванович, что мы оставим без внимания бездействие 6 Управления, – с плохо скрываемой угрозой в голосе продолжал зампред. – Пока контрразведчики бездарно пытались поймать самого успешного шпиона ЦРУ, чем, позвольте узнать занимались Ваши подчиненные и Вы сами товарищ полковник?

– Согласно плану контрразведывательной операции «Паритет», нашим 6 Управлением была создана аналитическая группа, – четко и внятно начал докладывать Соболев. Он уже собирался раскрыть весь замысел создания аналитической группы и операции «Вариант», но генерал его опередил:

– Мне сейчас не нужны ваши оправдания, полковник. Мне надо знать способны ли вы исправить ситуацию.

– Мы пытаемся...

– Я не желаю слышать никаких пустых обещаний, – гремел зампред. – В любом случае все здесь присутствующие

понесут наказание за этот провал. У вас есть шанс спасти свои партбилеты, а значит и пребывание в рядах сотрудников КГБ СССР только в случае удачного завершения САИ. Я жду конкретных предложений.

Генерал хотел еще что-то добавить, но раздался зуммер телефонного аппарата.

На столе зампреда стояло порядка десяти телефонов, но он безошибочно поднял трубку секретной ВЧ-связи. Приглашенные на совещание высокопоставленные сотрудники КГБ, воспользовавшись, неожиданно представленной передышкой облегченно выдохнули. Зампред внимательно выслушал звонившего и обронив несколько приглушенных фраз завершил разговор, после чего обвел взглядом присутствующих и сказал:

– Сейчас мне будут звонить из ЦК КПСС, поэтому прошу покинуть мой кабинет. Обсудите сложившуюся обстановку у начальника ВГУ, подготовьте четкий и конкретный план по локализации ситуации. Жду вас с готовым решением в 17.00.

В кабинете начальника ВГУ, вместо выработки единого плана разгорелась перепалка между генералом Ивановым и начальником Третьего главка генералом Семеновым. Каждый из высоких руководителей хотел претендовать на роль спасителя операции "Паритет".

– Мы можем объявить этого ЦэРЭУшника "персоной нон

грата", – яростно утверждал военный контрразведчик.

– Находящийся на месте и являющийся руководителем операции полковник Уткин возражает против депортации агента ЦРУ, – не менее горячо заявил генерал Иванов.

– Это тот, который провалил там все на свете? – саркастически осведомился Семенов. – Вернется из Семипалатинска придется еще разбираться с этим вашим "профессионалом».

– Он совершил ошибку, но он грамотный контрразведчик, – встал на защиту подчиненного начальник ВГУ. – Уткин мотивирует свое предложение тем, что неоправданно резкие шаги в такой ситуации могут вызвать негативную реакцию с американской стороны. И я с ним согласен.

– Что ж он не думал до того, как провалил операцию? – не унимался Семенов.

– Уткин полагает, – не обращая внимания на замечания военного контрразведчика, продолжал генерал Иванов, – что Милнер уже "отыгранный" агент и предлагает сосредоточиться на плотной работе по двум другим известным нам агентам ЦРУ в американской делегации.

Соболев не слушал этой бесполезной полемики, а думал о том, как мало времени остается на спасение САИ и что еще можно предпринять в самое ближайшее время, чтобы переломить ситуацию. Он отдавал себе отчет, что сделать это практически невозможно, хотя именно сейчас хотелось уверовать в постулат, что безнадежных положений не бывает. Если рассматривать гипотетические возможности про-

должения САИ, то даже учитывая позитивный настрой американских ученых, специалистов и политиков из лагеря "голубей", их оставалось ничтожно мало. Чем больше полковник думал об этом, тем очевиднее становилось то, что легальных методов спасти операцию "Паритет" не оставалось, и вся надежда сводилась к тому сможет ли «Омега» осуществить операцию «Вариант».

К такому важному выводу Соболев пришел, незадолго до того, как всех присутствующих на совещании у начальника ВГУ, снова пригласили к зампреду.

19.22 (С) – 16.22 (М) Семипалатинск

Рязанцев обошел старинное здание Центральной аптеки Семипалатинска и вошел со двора через служебный вход. Двигаясь по довольно узкому коридору, поздоровался с вахтершей, сидевшей за небольшим столиком с телефоном и пройдя мимо двух закрытых дверей проник в кабинет, принадлежащий старшему провизору Цареградской Анне Андреевне. Капитан держал в руках букет цветов и готовился произнести что-то в виде торжественного приветствия, но хозяйка кабинета отсутствовала.

Капитан подождал пару минут и когда уже принял решение пойти на поиски Цареградской, она появилась на пороге.
– Привет эскулапам! – бодро поприветствовал вошедшую Рязанцев

– Я предпочитаю, чтобы меня причисляли к последователям Асклепия, – холодно ответила красивая стройная блондинка с шикарной львиной шевелюрой и надменным взглядом.

– Вы можете поклоняться кому угодно, а я преклоняюсь перед вами, божественная Анна Андреевна, – стараясь казаться искренним мажорно произнес капитан и церемонно преподнес Цареградской букет.

– Пафосно, но фальшиво, как все, что связано с вашими органами, – надменно отреагировала Анна Андреевна, приняв букет и небрежно бросив его на стол.

– Вы разбиваете мне сердце, – начал Рязанцев, но уловив недовольный жест Цареградской, понял, что с водевилем пора заканчивать. Приняв серьезный вид, капитан продолжил, – Анна Андреевна вы уже не раз оказывали нам неоценимую помощь. Руководство и начальник нашей поликлиники лично, высоко оценивают вашу благосклонность, шлют вам большие приветы и слова признательности, а также выражают надежду, что вы еще один раз сможете нас выручить в критической ситуации, в которой мы оказались не по глупости нашей, а по проискам врагов наших...

– Султан мне звонил, – перебила Цареградская, – но ничего не говорил про помощь какому-то балаболу. У меня нет времени, Максим, что тебе нужно?

– Нам необходимо очень хорошее снотворное, которое не имеет ни цвета, ни запаха, ни вкуса, быстро растворяется,

начинает действовать через 30-40 минут после приема...

– А что на Лубянке вас этим не снабжают? – насмешливо перебила фармакологиня.

– В Москве нас снабжают мозгами, чтобы мы могли в любом месте найти то, что нам в данный момент необходимо.

– Ты мне дерзишь, Рязанцев?

– Нет, Анна Андреевна я отвечаю на ваш вопрос.

– Ты что-то еще хотел добавить?

– Время действия препарата не менее пяти и не более семи часов, без серьезных последствий для организма принимавшего. Но самое главное, чтобы действие снотворного нельзя было прекратить никаким из известных антидотов.

– И это все? – с иронией спросила блондинка. – Ты в детстве явно увлекался фантастикой, Максим. Это невозможно...

– Невозможность – это слово...

– Из словаря глупцов. Я знаю. Но ты в отличие от Наполеона, который это сказал, беспардонный невежа потому, что перебиваешь даму.

– Прошу простить мою несдержанность, но у меня очень мало времени, как и у вас милейшая Анна Андреевна. Я знаю, что вы волшебница. Начальник нашей поликлиники...

– Не продолжай. Я тебе еще раз говорю, что у нас нет возможности изготовить препарат с такими нереальными параметрами воздействия.

– Анна Андреевна, от вас сейчас зависит судьба очень

многих людей...

– Но я не хочу сидеть в тюрьме за незаконное изготовление сомнительных транквилизаторов.

– Мы вам гарантируем, что никто и никогда не узнает, где, кто и когда изготовил этот препарат.

– Гарантии ваших начальников Максим, вещь весьма сомнительная. Этот порошок действительно необходим для обеспечения госбезопасности или все-таки для ваших сомнительных операций против безобидных диссидентов?

– Я не могу вам рассказать всего, но препарат нам нужен для того, чтобы предотвратить убийство.

– Даже так? – Цареградская задумалась, присела на край стола, достала сигареты, закурила и бросив взгляд на часы, спросила. – Рост и вес объекта?

– 185 сантиметров и приблизительно 85 килограммов.

– Возраст?

– Чуть больше 40.

– Здоровье?

– Отменное.

– Телосложение?

– Спортивное.

– Отношение к спиртному?

– Употребляет, но в меру. Мы как раз планируем снотворное добавить в спиртное.

– В какое спиртное?

– Скорее всего в виски.

– К какому числу необходимо изготовить снотворное?

– К завтрашнему утру.

– Ты соображаешь, что говоришь, Максим? У меня в лаборатории может быть даже нет всех необходимых компонентов для приготовления такого препарата, а ты устанавливаешь такие жесткие рамки.

– Хорошо, максимум завтра до полудня. И потом, если у вас чего-то нет, то начальник нашей поликлиники...

– Все Максим, ты меня достал. Я не хочу тебя видеть. Приходи завтра в двенадцать.

– Люблю, боготворю, восхищаюсь, божественная Анна Андреевна.

– Максим!

– Исчезаю. До завтра.

19.45 (С) – 16.45 (М) Семипалатинск

Полковник Уткин, после провала его подчиненных в номере установленного сотрудника ЦРУ, получил из Москвы уже не один жестокий разнос.

Он попытался объяснить зампреду, с которым был до этого в хороших отношениях, что попал под влияние начальника 1 отдела 6 Управления КГБ СССР полковника Соболева, что все провалила семипалатинская контрразведка и служба наружного наблюдения, прозевавшая сотрудника ЦРУ, но зампред был неумолим и сказал, что разберется с ним в

Москве. Потом его отчитал начальник Второго главка, которому он дал слово исправить ситуацию, но тот его тоже слушать не стал, пообещав устроить сладкую жизнь в Москве.

Уткин позвонил своему другу подполковнику Степному и попросил помочь если у них есть варианты, при этом намекнул, что у его начальника Соболева они всегда есть.

После этого, немного успокоив себя тем, что раз его немедленно не отозвали из Семипалатинска, то есть надежда на продолжение работы и возможно ситуация исправится. Это зависело вероятнее всего от решения Госдепа США по дальнейшей судьбе САИ. Если американцы откажутся от продолжения испытаний, то придется уходить с позором на пенсию. Об этом не хотелось и думать. А вот если САИ продолжат, то он просто вернется в Москву и попытается, через свои и отцовские связи в ЦЭКа тихо спустить ситуацию на тормозах ...

«Что мы имеем сейчас? Москва в панике, Вашингтон грозно молчит. Мне надо срочно реабилитироваться», – решил полковник.

На экстренном совещании, которое было уже вторым за последние два часа представитель Центра полковник Уткин собрал на этот раз не весь семипалатинский штаб. Присутствовали только начальник отдела семипалатинской контрразведки и начальник отделения наружного наблюдения, так как именно они были определены Утиным в качестве глав-

ных виновников провала операции в номере американца. «Разбор полетов» не занял у полковника много времени, он хотел лишь, чтобы присутствующие осознали степень своей вины и не вздумали ее перекладывать на представителя Центра. Отчитав провинившихся, Уткин распорядился вызвать сотрудников НН, «прозевавших» выезд Джона Милнера через КПП Курчатова и его возвращение в Семипалатинск.

При их появлении полковник вскочил, его глаза налилось кровью. Он свирепо посмотрел на руководителя бригады наружного наблюдения.

– Кто вам передавал объекта? – яростно набросился полковник.

– Майор Привалов из контрразведки, – четко отрапортовал лейтенант Муратов.

– Какое на него было выписано задание?

– На всех американцев, подозреваемых в причастности к спецслужбам задания были выписаны заранее... – начал выкручиваться «семерочник».

– Меня не интересуют все американцы, я спрашиваю конкретно про Милнера, – уже еле сдерживался полковник.

– Задания не было, – после некоторой паузы выдохнул лейтенант. – Привалов сказал, что сейчас некогда – «запарка», он потом задним числом выпишет.

– Вот сейчас лейтенант мы вам и выпишем задним числом увольнение из органов.

– За что, товарищ полковник? – возмутился Муратов.

– За «лопоухость» твою! За безалаберность и безответственность! За незнание основополагающих нормативных актов КГБ СССР! – не сдерживаясь кричал московский полковник, – Он же провел вас как детей! Вы лично ответственны за провал операции.

Лейтенант сделал единственно правильное в данной ситуации. Он виновато опустил голову и молча стоял по стойке смирно.

– А что с этим вашим водителем? – накинулся полковник на начальника отдела контрразведки.

– Снотворное, товарищ полковник, Медики говорят ничего страшного. Проспится и все будет в норме.

– Всем бы вам тут не мешало проспать, – зло фыркнул Уткин и хлопнув дверью вышел из кабинета начальника контрразведки.

Вернувшись к себе, Уткин начал лихорадочно прокручивать прошедшие события и намечать план оправданий за провал операции по Джону Милнеру. Что-то вспомнив, набрал по внутреннему начальника семипалатинской контрразведки и приказал отобрать объяснительные от всех виновных в сегодняшнем провале.

Глава 4

17.00 (М) – 20.00 (С) – 09.00 (по времени Вашингтона, далее (В)) Москва КГБ СССР

Зампред стоял возле окна и внимательно смотрел как члены КЦ один за другим быстро входили в его кабинет и занимали свои места. Убедившись, что все присутствующие готовы к продолжению совещания он решительно прошел на свое место во главе стола и не обращая внимания на переглядывания начальников контрразведывательных главков, намеревавшихся доложить свои предложения, приступил к сообщению:

– В ваше отсутствие я обсудил ситуацию с нашими кураторами из ЦК КПСС и руководством ПГУ. Наши коллеги считают, что главная задача на данном этапе найти способы нейтрализовать последствия акции ЦРУ на дипломатическом уровне, в противном случае скандал с нарушениями договоренностей по САИ станет достоянием мировых СМИ и нашей стране будет нанесен значительный политический урон.

МИД СССР сообщил, что Госдеп США намерен официально предупредить о возможном прекращении участия американской делегации в дальнейшем проведении САИ. При этом американская сторона жестко заявила, что любые попытки со стороны КГБ СССР предпринять какие-либо действия против представителей США, будут расцениваться как провокация. В этом случае американская делегация будет вынуждена незамедлительно покинуть пределы СССР.

Однако, ПГУ считает, что угрозы Госдепа – это чистой во-

ды блеф. По такому незначительному поводу отзывать свою делегацию американцы не будут и главное на сегодня – это не усугубить и без того непростую ситуацию вокруг САИ. Разведка через свои возможности, совместно с МИДом принимает меры по локализации ситуации и рекомендует не делать резких движений, чтобы не навредить этой работе.

На основе данной информации ЦК КПСС приняло решение поручить урегулирование ситуации вокруг САИ дипломатам и разведке. Одновременно дано жесткое указание о том, что контрразведывательным подразделениям КГБ запрещается проведение каких-либо операций и рекомендуется сосредоточиться исключительно на безусловном обеспечении безопасности САИ

В этой связи, учитывая все сложившиеся обстоятельства, принимаю решение о передаче всех полномочий по завершению операции "Паритет" экономической контрразведке. 6 Управлению КГБ СССР необходимо срочно, с учетом всех особенностей, которые я сейчас довел до вас, внести коррективы в обеспечение безопасности САИ. Второму Главку прекратить контрразведывательные мероприятия по американской делегации, военной контрразведке сосредоточиться на обеспечении безопасности на атомном полигоне исключив в своей работе элементы любой самодеятельности и неоправданного риска. Все аспекты работы по "Паритету" докладывать мне лично, в любое время суток.

И еще одно, приказываю руководству Второго и Третьего

главков прекратить любые проявления межведомственных распрей. Буду жестоко наказывать за малейшие нарушения данного приказа.

Зампред устало посмотрел на собравшихся и тихо добавил:

– Молитесь на МИДовцев, чтобы САИ не сорвалось, а когда все закончится будет жесткий разбор полетов. Сейчас все по своим рабочим местам и за работу, товарищи.

17.30 (М) – 20.30 (С) – 09.30 (В) Москва КГБ СССР

Возвращаясь с совещания КЦ, Соболев зашел в кабинет Степного, который вставая на встречу начальнику нетерпеливо выпалил:

– Что там на КЦ?

– Все свелось к модной сейчас формулировке – "углубить и расширить" ...

– Да я не о том, Андрей, что сказало в свое оправдание руководство ВГУ?

– Эти «перестроившиеся» товарищи далеко пойдут и мы, к сожалению, не сможем их остановить, – ушёл от прямого ответа Соболев. – Ты же прекрасно знаешь, что после таких оглушительных провалов начинается «охота на ведьм». Вот и сейчас не дожидаясь завершения «Паритета» контрразведчики начинают искать виновных...

– Я уже видел проект докладной ВГУ о провале, на имя

Председателя...

– С этого надо было начинать. Давай излагай, что они там придумали в свое оправдание.

– У меня тут где-то завалялась копия докладной, – с приторным спокойствием заявил Степной, раскладывая на столе документы из папки «Для доклада».

– Я когда-нибудь тебя убью, Юра, – устало пообещал Соболев.

– А кто тогда тебе такие документы будет доставать? – пытаясь поднять настроение друга, с иронией заметил зам.

– Как тебе это удалось?

– Я объяснил приятелю, у которого ее позаимствовал, что завтра утром этот документ станет достоянием общественности, так как будет обсуждаться на совещании КЦ, а несколько часов не делают никакой разницы.

– Ну насчет «общественности» ты погорячился, а в целом где-то логично. От «Омеги» что-нибудь есть?

– Нет, тишина.

– Это сейчас самое важное. Завтра утром подпишут приказ о прекращении контрразведывательной деятельности по САИ, и мы будем связаны по рукам и ногам.

– Но зампред на КЦ уже предупредил..., – насторожился зам, понимая куда клонит полковник.

– Все то ты знаешь. Но это пока устное указание и не один юрист...

– Только не надо мне про юристов, – возмущенно перебил

Степной, – ты же знаешь, что в нашем с тобой случае до них дело не дойдет. Нас уволят за грубое нарушение приказа со всеми вытекающими...

– Оставим этот спор до лучших времен, – перебил полковник. – Сейчас я пойду к себе ознакомлюсь с этой докладной ВГУ, а ты свяжись с Семипалатинском и узнай почему они молчат, где потерялся «Омега» и чем занимается «Альфа».

– Про результаты заседания КЦ довести?

– Нет, это сейчас не важно, пускай спокойно работают.

– Но по каналам ВГУ решение КЦ все равно продублируют? – заметил Степной.

– Пожалуй ты прав, – согласился Соболев. – Предупреди Еркенова, чтобы выполнял все решения семипалатинского штаба, но «Альфу» пусть «прикроет» хотя бы до завтрашнего утра.

Прочитав проект докладной ВГУ о "провале" в Семипалатинске, Соболев раздраженно отодвинул папку с документом, встал из-за стола и принялся ходить по кабинету.

«Все как-то удивительно примитивно и дешево, – огорченно думал полковник. – Прилетел опытный агент ЦРУ, запланировано поймал наших контрразведчиков на дурацкой ошибке и конец проекту САИ.

Конечно, местная «наружка» провалилась...»

Мысли путались, из-за стрессового состояния, вызванного провалом контрразведки и неопределенностью по опера-

ции «Вариант», сосредоточиться на анализе докладной не удавалось. Полковник, решил вернуться к началу САИ и вспомнил первые сводки из Семипалатинска по американским специалистам.

«Предпринятые 7 отделением и ОТО УКГБ меры по отслеживанию возможных контактов лиц, подозреваемых к причастности к спецслужбам США, результатов не дали...».

Соболев с досадой покачал головой и вернувшись за стол, достал чистый лист бумаги, но чертить ничего не стал, а продолжил размышления.

«Еркенов говорил, что у них в наружке работают грамотные и профессиональные специалисты. Безусловно это так, но их основной клиентурой всегда были немногочисленные периферийные диссиденты и фарцовщики, Опыта работы по иностранцам у них практически не было. И тем более никто из них никогда не работал по настоящему кадровому разведчику, что и привело к полнейшему провалу наблюдения за Милнером. Аналитиками ЦРУ это легко «просчитывалось». А вот остальное...

Мы знали, что нас можно поймать только на нарушениях договоренностей по САИ. И вдруг контрразведка так подставилась...

Все очень просто, но в этой "простоте" что-то не так. Не могла контрразведка не понимать, что простенький трюк с кейсом этого Милнера – это идиотская ловушка...

Что-то тут не так, – в который уже раз повторил полков-

ник, – хотя пока не понятно, что именно. Ну не может быть такого, чтобы вся операция ЦРУ была построена на возможной ошибке КГБ. Значит кто-то к этой ошибке должен был подталкивать и контролировать ситуацию, да и в конце концов корректировать если что-то пойдет не так, как планировалось.

Получается, как-то невесело.

Если предположить, что где-то у нас в КГБ сидит «крот», который безошибочно скоординировал операцию ЦРУ и это привело к нашему провалу, то все детали механизма провокации становятся на свои места. Однако, если это предположение верно, то этот «крот» должен обладать такими полномочиями, которые позволяют давать указание на незапланированную акцию досмотра номера установленного разведчика ЦРУ. Этот досмотр в высшей степени рискованная авантюра, но санкцию на его проведение мог дать только кто-то из руководства контрразведки КГБ СССР...

Местных начальников сразу отмечаем, они не могут дать какое-либо указание помимо семипалатинского штаба.

Руководители казахстанской контрразведки тоже не имеют на это право.

Тогда в круге подозреваемых в содействии данной операции ЦРУ действительно остаются только руководители ВГУ.

Кто-то конкретно дал указание войти в номер дипломата и настаивал на копировании всего объема документов в кейсе. Значит контрразведчикам фактически был дан убий-

ственный приказ, оставаться в номере до возвращения Милнера.

Получается, что операция ЦРУ по «подставе» сотрудников КГБ планировалась с участием «крота» и осуществлялась под его непосредственным контролем.

Если поделиться с кем-то этими своими догадками, то в лучшем случае до конца службы уедешь руководить каким-нибудь заполярным райаппаратом, а в худшем «загримишь» в психушку.

Но это не страшно. Ты немедленно будешь отстранен и подставишь под удар дальнейшее проведение САИ. Поэтому мысли о «кроте» пока придется отбросить...

Сейчас сложно прогнозировать может ли прокол контрразведки привести к срыву САИ? Но здесь мы ничем не поможем. Этим пусть занимаются МИДовцы.

Нам сейчас надо любой ценой не допустить осуществление американцами плана «Б». В том, что он существует нет никаких сомнений, так как ЦРУ должно было учитывать, что акция с подставой КГБ может не сработать. Значит они подготовили, что-то посерьезней. «Просчитать» дальнейшие действия ЦРУ практически невозможно, тем более что в ней задействован этот полумифический «крот». Но мы почти наверняка знаем, что выполнять вторую часть операции будет Милнер. Или нет?

Времени для поиска другого «Исполнителя» уже не осталось. Необходимо рисковать. Поэтому надо сосредоточиться

на нейтрализации Милнера.

И все-таки знать бы какая позиция возобладает в Вашингтоне? Кто победит "ястребы" или "голуби"? Но так долго ждать ответа нам нельзя. На карту поставлено слишком многое. Американцы, чтобы сорвать САИ пошли на провокацию даже не задумываясь, значит и мы миндальничать не будем. ЦРУ все-таки немного ошиблось, начав операцию по срыву САИ слишком рано. И теперь у нас есть немного времени, чтобы попытаться отыграть преимущество ЦРУ. Надо срочно начинать вторую часть операции "Вариант". Мы должны переломить ситуацию и доказать всяким ЦЭРЭУшникам и другим примкнувшим к ним силам зла, что КГБ работать умеет. Да и себе самим напомнить, что не зря государственное жалованье получаем.

Но почему молчит «Омега»?

Полковник набрал своего зама и узнав, что из Семипалатинска до сих пор ничего нет, попросил его зайти.

– Помнишь, Юра, наш разговор перед началом этой операции? – спросил Соболев и, не дожидаясь ответа продолжил, – Мы с тобой не выходцы из комсомольско-партийной номенклатуры, которые хотят руководить всеми процессами в нашей стране, но не желают отвечать за результаты содеянного. Мы с тобой профессионалы, и поэтому должны тоньше чувствовать обстановку и в этой непростой ситуации с провалом контрразведки, должны принять единственно пра-

вильное решение. И как бы нам ни хотелось отойти в сторону, надо спасать эту уже почти проваленную контрразведывательную операцию. В общем напиши дополнение к плану «Паритета» и зайди на доклад к зампреду.

– Да пошли они к черту, – закипел Степной. – Они принимают решения, играют в какие-то заумные игры, а нам расхлебывать их дуболомство?

– Да, Юра и еще раз – да! Это наша с тобой работа и наша с тобой страна, которую мы должны защищать, – горячо парировал Соболев, и немного успокоившись, подытожил, – Итак, этот этап контрразведывательной операции мы проиграли.

– Не мы, а полковник Уткин со своими контрразведчиками, – не сдаваясь, по-мальчишески запальчиво возразил Степной.

– Это не принципиально. Наш с тобой Комитет проиграл ЦРУ, – вновь повысив голос твердо констатировал полковник. И после небольшой паузы уже совсем спокойно добавил, – Надо признать, что американцы осуществили свою простенькую операцию очень эффективно. Мы провалились, но наши предположения о том, что ЦРУ намеревается сорвать САИ оказались верными. Правда сейчас это как-то не радует. Но с этим провалом в Семипалатинске с ним явно что-то не так. Какие документы пошли искать контрразведчики в номер установленного агента ЦРУ? Почему они находились там так долго? Это только навскидку такие очевид-

ные вопросы возникают, а если задуматься поглубже, то...

Не дождавшись реакции от насупившегося зама, Соболев продолжил свои рассуждения задумчиво взвешивая слова и машинально рисуя геометрические фигуры в своем рабочем блокноте.

– В последний день перед операцией все начинает «сыпаться». Это почти всегда так. А сейчас все не просто «посыпалось», все – провалилось...

И что предпримет дальше наш противник, нам совершенно не понятно...

Активность американского шпиона была прогнозируема. САИ подходит к заключительному этапу и от ЦРУ нужно было ждать чего угодно. Почему-то произошло то, чего не смогли учесть наши друзья из ВГУ в своей операции...

Сначала, чтобы отвлечь внимание в составе американской делегации по САИ появляются два сотрудника госдепартамента, подозреваемых к принадлежности к спецслужбам США, а затем в самый последний момент в список включается разведчик экстра-класса, специалист по активным мероприятиям против КГБ.

Контрразведка напряглась, но не сумела быстро просчитать его действия...

Этот провал как-то не вяжется с обычно кропотливой и вдумчивой работой ВГУ.

Если бы там работала военная контрразведка, то все на «солдафонство» и неопытность в таких делах можно было

бы списать.

Но руководили всей операцией профессионалы из ВГУ, а это уже совсем другой уровень.

Зачем контрразведка проводила негласный осмотр номера?

Неужели значимость этого разового мероприятия важнее государственных приоритетов по САИ?

Кто дал Уткину санкцию на такую безрассудную операцию?

– Лишь самые надежные и преданные люди становятся предателями, – после небольшого молчания, безо всякой связи с предыдущими своими мыслями, пробормотал Соболев. – Потому, что секретную информацию не доверяют людям, которым не доверяют...

– Это ты к чему, Андрей? – с некоторой опаской посмотрел на друга Степной.

– Очень много вопросов. Давай думать, Юра...

20.45 (С) – 17.45 (М) – 09.45 (В) Семипалатинский атомный полигон

Тоболин получил сигнал на проведение операции «Вариант» слишком поздно. Американцы уже вернулись с опытного участка, где была расположена оборудованная для испытаний скважина, успели поужинать и в основном отдохали в своих гостиничных номерах. «Профессор», главное действу-

ющее лицо операции тоже находился в своей комнате.

Тоболин еще раз «прокрутил» основные моменты операции «Вариант».

«Во время возвращения американских специалистов в гостиницу незаметно подбросить «Профессору» образцы земли с полигона, затем поднять шум, появляется представитель военной контрразведки, работающий под прикрытием начальника службы безопасности гостиницы и в присутствии руководителей американской делегации составляет соответствующий протокол. Дальнейшее течение событий находилось во власти высоких договаривающихся инстанций в Москве и Вашингтоне. Все просто и эффективно.

В настоящее время данный сценарий был невозможен».

Тоболин не знал о провале в Семипалатинске, но получив сигнал на проведение «Варианта», он понимал, что это означает. Он сидел в своей каптерке в гостинице и напряженно думал, что делать.

"Если Соболев принял решение о проведении «Варианта», значит что-то пошло не так. Когда он отдал приказ? Возможно, прошло несколько часов. Надо немедленно спасти ситуацию. Операцию нельзя перенести на завтра, так как Соболев предупреждал, что в Вашингтоне могут принять решение прекратить САИ всего за несколько часов».

«Омега» начал изучать «Профессора» одновременно с двумя другими американскими специалистами, но как-то сразу именно с ним сложились неплохие отношения, кото-

рые правда по началу не выходили за рамки ежедневных приветствий, но зато они были искренние и приветливые. Доложив о контакте Соболеву, «Омега» вскоре получил ориентировку, что «Профессор» проходит по учетам контрразведки как лицо подозреваемое к спецслужбам США. Однако несмотря на категорические возражения подполковника Степного, который в то время был на прямой связи с «Омегой», оперативник продолжил контакты с «Профессором». Позднее, когда полковник Соболев сам решил проинструктировать «Омегу», опер доложил, что нарушил указание Степного и считает «Профессора» более перспективным кандидатом для реализации замысла операции. После некоторых сомнений Соболев дал санкцию на дальнейшую работу с «Профессором».

В процессе работы по изучению «Профессора» было установлено, что этот достаточно еще молодой американский ученый, считается талантливым, авторитетным и независимым. Пользуется уважением в научных кругах США и СССР. Помимо этого, разведке удалось выяснить, что «Профессор» не явно, но очень дружелюбно относится к Советскому Союзу и в ранней молодости симпатизировал идеям социализма.

Кроме того, «Омега» по возможности, старался заполучить любую информацию по объекту в процессе работы на полигоне. Но всего этого было крайне мало, и сейчас никак нельзя было спрогнозировать как отреагирует «Профессор»

на сегодняшнюю ситуацию.

«Однако время поджимает, – решил «Омега». Кроме того, приближается ночь и если «Профессор» уснет, то...

Надо действовать».

Тоболин взял свою сумку с инструментами, где в специальных контейнерах с символикой Ливерморской национальной лаборатории США находились подготовленные образцы грунта с полигона, закрыл каптерку и двинулся в сторону номера «Профессора». Проходя мимо комнаты дежурной по этажу, он крикнул ей, чтобы вызвала офицера по безопасности и направила его к 222 номеру. Двигаясь дальше по коридору, Тоболин подошел к электрическому щитку, открыл его и отключил электричество в нескольких номерах, включая «222», затем подойдя к двери тихо постучал. «Профессор» с фонариком в руке открыл дверь и, казалось, несколько не удивившись обратился к Тоболину:

– Привет, Юджин, что у нас случилось?

Тоболин решительно отстранил «Профессора», прошел к столу выложил на него контейнеры с землей, затем развернулся и спросил:

– Вы хотите спасти САИ?

– А что случилось? – растерянно спросил «Профессор».

– Я не должен был вам этого говорить, но вы честный человек. Я знаю... – сильно волнуясь произнес Тоболин. Затем глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, продолжил, – САИ под угрозой прекращения...

– Я слышал про эту провокацию, но говорят, что ее организовали ваши. . . , – попытался возразить «Профессор».

– Я не знаю, что конкретно случилось, но я получил сигнал о том, что САИ находится в опасности и его могут прекратить.

– Как это может быть? Ведь ваши и наши ученые упорно работают, чтобы. . .

– Думаю, что это силы, которые хотят войны, – уверенно перебил Тоболин. – А они есть и у вас, и у нас. Повторяю, сегодня ночью САИ могут прекратить. Последствия вы прекрасно понимаете. У нас нет времени на дискуссии. – Тоболин показал на контейнеры на столе, – Это земля с полигона. Вы набрали ее для научных экспериментов. . .

– Но, я. . .

– Все зависит от вас. Если вы не подтвердите этого, то САИ могут прекратить.

В это время в номере зажегся свет и в коридоре послышался голос начальника службы безопасности гостиницы:

– Что здесь творится? Это что еще за шутки? Зачем отключили свет?

Следом за голосом в номер ворвался его обитатель. Он растерянно посмотрел на Тоболина и «Профессора», потом бросил быстрый взгляд по сторонам, увидел контейнеры на столе и указав на них поинтересовался:

– А это что еще такое?

– Земля с полигона, – глухо ответил «Профессор» . . .

21.00 (С) – 18.00 (М) – 10.00 (В) Семипалатинск

Милнер вышел из номера и отправился на ужин в прекрасном расположении духа. Перед этим он вспомнил все детали сегодняшней успешной операции и отметил, что сделал все идеально и теперь оставалось только ждать реакции Госдепа. Спускаясь в ресторан Милнер предпринял попытку обследовать расположение нижнего этажа и дополнительных пожарных выходов из гостиницы. Но сверхбдительные и злые на «Супермена» сотрудники наружного наблюдения семипалатинского управления КГБ, работавшие в гостинице под видом охраны, жестко пресекли попытку американца проникнуть в служебные помещения гостиницы. Милнер сделав вид, что заблудился, прошел в зал ресторана.

За всеми передвижениями Милнера внимательно наблюдал капитан Рязанцев и его люди, из числа обслуживающего персонала гостиницы.

– Хорошенько запомни этого американца, – инструктировал Рязанцев молоденькую миловидную официантку. – Завтра на торжественном ужине будет много иностранцев. Ты будешь работать на обслуживании руководителей американской делегации, в число которых он входит. Сейчас постарайся отрепетировать завтрашнюю ситуацию. Веди себя свободно, раскованно. Постарайся ему понравиться...

– Я вам, Максим Николаевич, не вертихвостка какая-ни-

будь, – обиделась девушка. – Все думают раз официантка значит можно ее кадрить, а я комсомолка между прочим...

– Извини, Айгуль, но ты меня неправильно поняла. Я имею в виду, как человек понравиться. Тебе же приятно, когда клиент тебе искренне улыбается, разговаривает с тобой, а не общается как с предметом?

– Да, – неуверенно ответила девушка.

– Вот и ты ответь ему тем же. Теплой искренней улыбкой, участием в его желании приятно отдохнуть в вашем ресторане.

– Но он же американец, он меня может неправильно понять?

– Не бойся он все поймет правильно. Просто в этой ситуации надо немного подыграть ему. Ты же сама мне рассказывала, что участвовала в художественной самодеятельности, актрисой мечтала стать. Вот и покажи, что ты немного по-особому к нему относишься, как... к космонавту например...

– Ну вы скажете тоже, Максим Николаевич, как к космонавту...

– А ты и представь, что обслуживаешь нашего советского космонавта. Искренне с улыбкой, с теплотой, но не переигрывай. Ты ему симпатизируешь как нашему гостю, но ты на рабочем месте и понимаешь дистанцию между клиентом и официантом.

– Сложно все это как-то... – продолжала сомневаться Ай-

гуль.

– Ладно, забудь все это, просто иди работай, как ты умеешь. В тебе так много заложено природой, что простое общение с тобой уже подарок бога.

– Я не пойму вы опять на что-то намекаете, Максим Николаевич?

– Нет, это дежурный комплимент, – поспешил успокоить официантку Рязанцев. – Только не забудь поинтересоваться у нашего американца, что в меню ресторана ему больше нравится, что он предпочитает из напитков. Есть ли у него пожелания к завтрашнему банкету. И пока все.

Рязанцев поднялся на второй этаж в кабинет директора ресторана, откуда через полупрозрачные шторы весь зал был виден как на ладони. Переговорив с директором, армянином средних лет, полноватым, но подвижным, Максим взял у него второй комплект ключей от кабинета, проводил его до выхода и выключив свет, оглядел зал.

Убедившись, что Милнер уже покинул ресторан Рязанцев пригласил официантку, узнал о содержании разговора с американцем и еще раз тщательно проинструктировал, как действовать во время банкета.

Затем спустился в зал и подошел к высокой стойке бара в углу ресторана.

– Привет, Рашид, – обратился он к импозантному бармену, лет тридцати с пышной шевелюрой.

– Привет, шеф, что-нибудь будешь?

– Двойную воду.

– А что так?

– Работы много. Вот проводим гостей тогда загуляем. Ты на банкете работать будешь?

– Да. Я за старшего и еще два помощника.

– Тогда Айгуля к тебе будет подходить за спиртным. У нее ответственный участок – обслуживание руководителей делегации. Ты ее в первую очередь отпускаяй.

– Как скажешь, шеф. Только пусть напоминает, а то народу будет много могу что-нибудь попутать..., – попытался пошутить бармен.

– А ты постарайся не путать, – резко перебил Рязанцев.

– Да, без проблем...

– Вот и хорошо. Если она обратится делай все точно так как она скажет, без лишних вопросов. Быстро и точно, как ты умеешь. За хорошую работу получишь премию...

– Сколько?

– Это зависит от тебя. Как работать будешь. Все понятно?

– Так точно, шеф.

– Тогда удачной работы.

На выходе из ресторана Рязанцев подошел к прапорщику семипалатинской наружки Жасулану Каирову, высокому, спортивно сложенному, коротко стриженному парню, выполнявшему функции охранника.

– Ну и как тебе «Супермен»?

– Ничего так, крепкий, – оценил Каиров.

– Сумеешь его при необходимости вырубить?

– Попробую, в Афгане и не таких ломали...

– Он там тоже был и не только там. И тоже ломал и не таких...

– Тогда сложно будет, много шума получится, – улыбнулся прапорщик.

– Ладно, расслабься, это я так на крайний случай интересуюсь..., – бросил Рязанцев, направляясь в сторону выхода.

Глава 5

21.05 (С) – 18.05 (М) – 10.05 (В) Семипалатинский ядерный полигон

Во время дальнейшего разбирательства инцидента с нарушением женевских договоренностей по САИ ситуация в холле второго этажа гостиницы, где проживала американская делегация обострилась. Советская сторона начала документально оформлять изъятие контейнеров с грунтом, которые почему-то демонстративно были выставлены на стойке стола дежурной по этажу. Американцы пытались понять, что вменяется в вину их коллеге. Руководители делегаций здесь же по телефону дежурной старались дозвониться до Москвы и Вашингтона, чтобы сообщить о случившемся, но особый отдел военной контрразведки еще не получил указаний от руководства и поэтому блокировал телефонную связь. Кто-то

из американцев начал готовить заявление для прессы.

Тоболин воспользовался неразберихой и обойдя американцев, рвавшихся к своему соотечественнику, мимо защищавших проход работников гостиницы проник в комнату 222.

«Профессор» сидел на кровати и молча смотрел в окно. Тоболин не говоря ни слова, закрыл дверь комнаты на ключ, сел в кресло, которое стояло напротив и тоже начал смотреть в окно. Он не понимал зачем это сделал и что будет дальше. Тоболин просто был в шоке от совершенного им подлога. Он знал, что поступил подло по отношению к человеку, сидящему с ним в одной комнате. Не оправдывало даже то, что этот человек американец – представитель страны, которая является главным противником СССР на мировой арене. Суть была в том, что он – Тоболин, совершил проступок. И не важно ради чего он это сделал. Во имя спасения репутации страны, партии, в которой состоял или органа, в котором работал.

После непродолжительного молчания, когда в закрытую дверь настойчиво постучали, «Профессор» тихо спросил: – Вы переживаете Юджин? – И не дожидаясь ответа продолжил. – Вы думаете, как все это может скомпрометировать меня?

– Простите меня, если сможете, – также тихо ответил Тоболин. – Я не хочу, чтобы САИ был сорван. Слишком много усилий приложили, и мы и вы для этих первых шагов на-

встречу друг другу, чтобы вот так бездарно все кончилось...

– Я все понимаю. У нас очень мало времени, – быстро и сбивчиво заговорил американец. – Мой отец, был там, на Эльбе. Он мне в детстве рассказывал о той войне, о своих русских друзьях...

Сейчас, перед Женовой, со мной консультировались люди из ЦРУ. Меня попросили хорошие знакомые. Я не мог отказать им и начал помогать ЦРУ. Поначалу я думал, что эти агенты хотят помочь переговорному процессу, но постепенно понял, что они намерены его сорвать. Но я делал все, чтобы переговоры по САИ были успешными. Я физик – ядерщик и понимаю, что для людей нашей планеты будет означать ядерная война. Поэтому я тоже не хочу, чтобы САИ был сорван. И хочу помочь вам. Как мой отец. Там на Эльбе. Что для этого нужно сделать?

– В-вы п-правда хотите помочь? – от неожиданности Тоболин даже начал заикаться.

– Да, – твердо ответил американец, – но сейчас нам придется открыть дверь, чтобы ее не сломали.

Тоболин замер не зная, что сказать. Решение нужно было принимать мгновенно. И вдруг он неожиданно для самого себя спросил:

– Профессор, а вы готовы повторить это свое признание для прессы?

– Да, если это необходимо для спасения САИ и наших усилий на пути к безъядерному миру...

Снаружи громко кричали и колотили в дверь со всей силы.

– Будьте бдительны, Юджин. Это очень важно. Они не успокоятся, они будут продолжать делать все, чтобы сорвать САИ. Вы понимаете, о чем я говорю?

– У ЦРУ есть другой план по срыву САИ?

Профессор молча кивнул, а затем сказал:

– А теперь откройте дверь, Юджин, я сделаю заявление для прессы. Скажу всему миру правду, что получил задание сорвать процесс переговоров в Женеве, но не стал его выполнять, а со временем я понял, что мои бывшие «друзья» не остановятся ни перед чем ради достижения своих целей. Но я не хочу в этом участвовать.

22.03 (С) – 19.03 (М) – 11.03 (В) Курчатов

Тоболина доставили в отдел военной контрразведки и до особого распоряжения поместили в комнату в подвальной части здания ОВКР. Возле двери выставили солдата для охраны задержанного.

Старлею внезапно вспомнилось первое посещение атомного полигона.

Здание военной контрразведки в Курчатове было внушительным. Занимало значительную территорию, включающую гаражи и другие капитальные надворные постройки. На виду было три этажа, но существовал еще подземный

этаж, который отсекался от надземных многотонными герметическими стальными дверями. Этот этаж имел автономное освещение и свою дополнительную систему очистки воздуха, запитанных от аккумуляторов или генераторов, расположенных в дальнем техническом отсеке. Стены почти метровой толщины, как и перекрытие «подвала», как его называли офицеры особого отдела, были выполнены из монолитного железобетона. В подвале, помимо отдельных помещений, похожих на камеры, располагалась хорошо оборудованная бильярдная комната, которая была любимым местом отдыха всего личного состава военной контрразведки. В кабинете начальника Особого отдела находилась главная реликвия – напольные часы, которые принадлежали самому Лаврентию Берия, когда он курировал ядерный проект СССР и часто посещал Курчатова.

Все эти подробности с гордостью сообщил Тоболину сопровождавший его «особист». Позже, при представлении начальнику военной контрразведки Олег воочию лицезрел эти диковинные часы. Но начальник особого отдела быстро вернул Тоболина к суровой действительности. Полковник, подчиняющийся напрямую Москве, разговаривал со старлеем от территориалов как со своим самым нерадивым подчиненным. Дал короткий и жесткий инструктаж и велел изучать оперативную обстановку.

– Зачем меня перед ним «светили»? – недоумевал Олег и обратился с этим вопросом по оперативной связи к Рязан-

цеву. Максим выслушал доклад друга о прибытии на место и первых впечатлениях от Курчатова и просветил.

– Эх, ты Москва. Тебе без этого главного курчатовского особиста не обойтись. Пропуск на полигон только он подписывает и городить огород, чтобы «рисовать» легенду для твоего въезда в Курчатов это то еще удовольствие. Времени потратишь и бумаг на сочинение изведешь кучу, а особисты «пробьют» биографию и вдруг обнаружат какую-нибудь «нестыковочку». И тогда прощай допуск. Так что личный контакт надежней. Да и цели твоего присутствия он не представляет. Не до того ему. У него Москва на проводе каждый день сидит.

– Ну успокоил, аналитик...

Тоболин оторвался от воспоминаний и посчитав, что за это время конвоировавшие его особисты покинули подвал, начал потихоньку стучать в дверь. Солдат, охранявший арестованного долгое время, не обращал внимания, а когда Тоболин стал стучать чуть громче, потребовал:

– Прекратите стучать, а то дежурного позову.

– Ты знаешь старшего лейтенанта Грачева?

Солдат молчал.

– Позвони ему, скажи, что Тоболин – это я, в подвале.

Пусть спустится.

– Здесь нет телефона, – соврал солдат.

– В бильярдной комнате есть телефон с телефонной книгой. Позвони пожалуйста Грачеву.

– Меня накажут.

– Если позвонишь, получишь от Грачева десять суток отпуска.

– Что ему сказать? – после долгой паузы спросил солдат.

– Просто скажи, что Тоболин в подвале, очень срочно хочет его видеть.

– Хорошо, я попробую, а насчет десяти суток вы не обманываете?

– Ты же знаешь Грачева? Он здесь все может, так что не сомневайся.

Через пять минут в помещение, громыхая связкой ключей вбежал запыхавшийся старший лейтенант Грачев.

– Так это ты Олежа всю эту бучу устроил? Там все наше начальство на ушах стоит. Пока они...

– Сейчас нет времени говорить об этом. Срочно позвони в Москву полковнику Соболеву из 6 Управления КГБ и скажи – «Профессор» подтвердил у ЦРУ есть план «Б». Если не дозвонишься звони в Семипалатинское УКГБ начальнику 6 отдела подполковнику Еркенову и передай то же самое.

– Это все? А ты? А про тебя?

– Саня, это потом, сейчас очень важно передать то, что я сказал.

– Ну ладно держись тут, я позвоню и попробую что-нибудь сделать для твоего освобождения. Может быть поесть чего-нибудь принести?

– Саня иди быстрее звони, там счет идет на минуты.

20.42 (М) – 23.42 (С) – 12.42 (В) Москва КГБ СССР

Соболев получил предупреждение Тоболина о наличии варианта «Б» в планах ЦРУ через подполковника Еркенова, который дополнительно сообщил, что «Омега» задержан ОВКР. Почти одновременно до полковника дозвонился друг Тоболина, который подтвердил данный факт и пояснил, что военная контрразведка в Курчатове пока не приступала к разбирательству и не допрашивала Тоболина, так как занята переговорами с Москвой о судьбе «Профессора» и его заявлений. Соболев немедленно вызвал своего заместителя и сообщил ему о задержании «Омеги». Степной молчал, что случалось редко и означало крайнюю степень озадаченности. Полковник внимательно посмотрел на своего заместителя и начал убеждать его в правильности своих решений и необходимости быстрых действий:

– Юра, «Омегу» срочно надо вытаскивать из ОВКР потихому, а то не дадут нам закончить «Вариант». Если военная контрразведка завтра утром на заседании КЦ доложит про «Омегу» нас всех отстранят от «Паритета» до полного разбирательства.

– Это невозможно...

– Первый раз слышу такие слова от подполковника Степного, но тогда тебе придется совершить невозможное, – потребовал полковник.

– Время позднее и в третьем главке, наверное, только дежурный наряд... – начал сомневаться зам.

– Да, военная контрразведка вся от Курчатова до третьего главка сейчас на ногах. Когда такое случилось, что они задержали подозреваемого в сотрудничестве с ЦРУ? – нажимал Соболев.

– Но Тоболина они не отпустят... – выдавил Степной.

– А ты им прямо скажи, – разозлился полковник, – что мы отдаем им все лавры за поимку американца, а они выпускают «Омегу». Жестко предупреди, что мы можем доложить на верх о том, что они проморгали установленного агента ЦРУ и кроме того задержали нашего офицера, который исправил их ошибку и спас САИ. Ты им напомни, что с сегодняшнего дня наше Управление является главным исполнителем операции «Паритет». Если сегодня они отправят «Омегу» к нам в Москву, то я не только не буду докладывать зампреду о нашем участии в поимке американского агента, но и не буду писать рапорт о недочетах в работе военной контрразведки по САИ.

– Попробую... – неуверенно согласился зам.

– Если не согласятся, угрожай, что я немедленно иду к зампреду с докладом обо всех их «художествах», – яростно наставлял Соболев. – Да еще как надо доложу нашему генералу, который пока не в курсе, но, когда узнает о действиях Тоболина... все ЦЭКа на уши поставит, чтобы приписать заслугу за американца себе. Думаю, медали им милее сканда-

ла, так что согласятся.

23.58 (С) – 20.58 (М) – 12.58 (В) Семипалатинск

После успешного завершения первого этапа операции "Ящик Пандоры" Джон Милнер позволили себе немного расслабиться. Ему уже порядком надоело пребывание в этой скучной советской гостинице. Он открыл холодильник, достал прихваченную в дьюти фри бутылку виски, открыл и плеснул на дно стакана. Устроившись в кресле, сделал несколько неторопливых глотков и попытался вспомнить бойкие отели Сайгона с кукольными вьетнамками. Но напряжение не уходило. Он вскочил с дивана и нервно заходил по номеру со стаканом виски в руке.

«План «А» я выполнил, – продолжал успокаивать себя Милнер, – русские попались на простой, но эффективный трюк Райдера. Все-таки он неплохой спец, сумел все просчитать. И наш «крот» в КГБ, на удивление здорово отработал свое задние. Если бы он где-то сфальшивил кто знает, как бы все сложилось.

Что же там так тянут друзья Джакомо из Госдепа. Он же утверждал, что все под контролем.

Пока эти русские не придумали ничего нового, надо выбираться из этой дыры».

Вспомнив про русских Милнер, вдруг понял, что больше не может находиться в номере, где побывали и все облапали

КаГЭБэшники, он взял початую бутылку виски и вышел в коридор.

– К черту все эти условности, я выполнил задание, – бормотал агент, направившись в номер своего коллеги по ЦРУ, который в этой операции выполнял отвлекающую роль.

Снайдер открыл сразу, как будто ждал Милнера.

– Давай немного расслабимся, – предложил Джон и кивнул в сторону ванной комнаты.

Он знал, что гостиничные номера американской делегации прослушиваются КГБ. Об этом в своих донесениях предупреждал агент «Орнитолог».

– Мы все сделали как надо, – сказал Милнер, включив воду в ванной. – Но ждать решения Вашингтона одному невозможно.

Они немного помолчали.

– Билл, как ты думаешь, теперь этот САИ сорвется? – спросил Милнер, отхлебнув виски. – Ты же находишься на связи с главой нашей делегации и должен все это знать.

– Я почти уверен в этом, – неторопливо отпивая из своего стакана ответил Снайдер. – Вот только руководитель нашей делегации и все ученые очень хотят отследить взрывы на русском полигоне.

– Чепуха! Шеф заверял, что у солидных ребят в Госдепе, которые нас поддерживают совсем другие намерения. Кстати, ты не интересовался, может быть, настроение главы нашей делегации изменилось после сегодняшних событий?

– Я разговаривал с ним два часа назад, и он ничего конкретного по этому поводу не говорил. Я пытался спросить его напрямую, но он ушел от ответа, а это значит, что он по-прежнему находится под влиянием наших ученых и намерен довести САИ до конца.

– Остается надеяться на Эспозито, – сказал Милнер, а сам подумал, что видимо придется исполнять вариант «Б».

После непродолжительного молчания Милнер спросил:

– А как ты думаешь, Билл русские смогут что-нибудь придумать, чтобы нейтрализовать последствия нашей операции?

– Думаю у них мало времени. Они банально не успеют.

– Вот и я на это надеюсь, – сказал Милнер, закрывая воду, – Пойдем в номер. У тебя остался виски?

Уже далеко за полночь Милнер вернулся в свой номер, зажег свет во всех комнатах и заснул на диване не раздеваясь. Проснувшись под утро, он выключил свет и сел на кресло перед телевизором, который уже ничего не транслировал, кроме ряби на экране и стал анализировать ситуацию. Напарник заронил тень сомнения в том, что операция «Ящик Пандоры» успешно завершена. И хотя первая часть выполнена идеально, скорее всего придется прибегать к варианту «Б», чего отчаянно не хотелось. К сожалению, Снайдер в наличие этого плана не посвящен, значит он не помощник, дальше предстоит действовать в одиночку.

23.00 (М) – 02.00 (С) – 15.00 (В) Москва, посольство США

Руководитель советской делегации по САИ прибыл в посольство США в Москве по требованию руководителя делегации США.

– Мистер Иванов я настоял на сегодняшней встрече с Вами по поручению Госдепартамента США. Признаюсь мы не ожидали подобных провокационных и откровенно враждебных действий от КГБ СССР, тем более во время проведения заключительной и решающей фазы САИ в вашей стране. Советский Союз везде, где это возможно декларирует борьбу за мир во всем мире, выдвигает инициативы по прекращению гонки вооружений и сокращению ядерных потенциалов. Однако, как показывают последние события, готовность СССР бороться с ядерным безумием всего лишь очередная уловка советской пропагандистской машины. В то время как США стремятся к установлению действительной безопасности во всем мире, и в полной мере выполняют все взятые на себя обязательства, в том числе и по САИ.

Пользуясь тем, что американский представитель взял небольшую паузу Иванов мягко заметил:

– Надеюсь, мы разрешим наши недоразумения здесь на месте, не перекладывая ответственность за урегулирование этих незначительных инцидентов на наших первых руково-

дителей.

– Не уверен, – жестко перебил американец. – Я уполномочен заявить протест, и повторяю, что США в полном объеме выполняет Женевские договоренности и в Неваде и уже здесь в Советском Союзе. В то время как сотрудники КГБ СССР нагло и бесцеремонно в нарушение всех международных норм врываются в номер нашего дипломата, в его отсутствие и устраивают обыск.

– Ну, во-первых, под видом вашего дипломата оказался сотрудник ЦРУ, разыскиваемый во всем мире за террористические акции... – попытался перевести разговор в другое русло Иванов.

– Нам лучше сейчас обсудить действия советской стороны...

– Я повторяю у нас тоже есть претензии к американской стороне, – настойчиво не обращая внимания на возражения американца заявил Иванов.

– Я настаиваю на том, чтобы вернуться к обсуждению инцидента с нарушением Женевских соглашений советской стороной, – с угрозой в голосе заявил представитель США.

– Три часа назад на атомном полигоне задержан американский ученый, который в нарушение упоминаемых Вами соглашений, произвел забор грунта в районе испытаний.

– Это ничем не подтвержденная очередная провокация..., – не слушая выпалил руководитель американской делегации.

– Нет, у нас есть официальное письменное признание вашего ученого, который прямо заявил, что был завербован ЦРУ США и действовал в нарушение всех международных норм, в том числе и наших Женевских соглашений, выполняя задание американских спецслужб.

– Это какой-то бред, – вяло запротестовал американец, – у меня совершенно другая информация....

– Поэтому предлагаю, – не реагируя на реплику продолжал гнуть свою линию Иванов, – давайте забудем эти мелкие инциденты и продолжим работу, достойно завершив выполнение международных договоренностей наших стран. Со своей стороны заявляю, что советская сторона приносит глубочайшие извинения за инцидент, имевший место в Семипалатинске. Все местные специалисты, которые в силу своей низкой компетентности проявили собственную инициативу и нарушили некоторые общепринятые нормы, будут жестоко наказаны.

– Я не уполномочен принимать окончательные решения и должен сообщить о содержании нашей беседы в Вашингтон, – заявил руководитель делегации США.

– Хорошо, – согласился Иванов. – Но, мистер Робинсон, давайте сделаем так, чтобы наши великие страны не выглядели посмешищем для всего мира, а наши имена не вошли в историю как имена двух неудачников, у которых была возможность отодвинуть мир от края ядерной катастрофы, а...

– Я все понял. Не надо пропаганды мистер Иванов. И еще.

Мы должны Вас предупредить, что в дальнейшем Ваша страна должна категорически исключить даже самую возможность любого незначительного нарушения Женевских договоренностей. В противном случае мы предадим широкой мировой огласке все имеющиеся у нас сведения и документы, и советская сторона понесет полную ответственность за срыв САИ. Вы меня понимаете, мистер Иванов?

– Я Вас понимаю, надеюсь, как и Вы понимаете нашу позицию.

Глава 6

23.59 (М) – 02.59 (С) – 15.59 (В) Москва, КГБ СССР

Подполковник Степной как всегда шумно, несмотря на полночь, ворвался в кабинет Соболева и закричал:

– Есть! Американцы согласились на продолжение САИ. Мне только что позвонил знакомый мидовец.

– А это точно? – засомневался полковник.

– Точнее не бывает. Он как раз работает в группе, которая занималась вопросом урегулирования инцидента. Госдеп дал добро.

– Значит «Вариант» в исполнении Тоболина сработал.

Полковник посмотрел на часы, встал и начал не спеша перекладывать документы с края стола внутрь сейфа.

– Что-то долго соображают наши друзья из военной

контрразведки. Я уже и рапорт на имя председателя подготовил. Возьми почитай.

Полковник взял одну из папок и достав из нее документ передал заместителю. Степной быстро по диагонали пробежал текст глазами и спросил:

– Ты уверен, что надо сжигать все мосты к отступлению?

– Абсолютно.

– Но этим ультиматумом мы...

– Ставим всех на место, – решительно подтвердил полковник. – Первая часть нашего предположения подтвердилась, а это значит, что ЦРУ сейчас пойдет ва-банк и операция по срыву САИ только начинается. И у нас нет времени полите-сы разводить. Если военная контрразведка до восьми утра не освободит Тоболина я дам рапорту ход.

– Давай подождем хотя бы до 10.00, военная контрразведка с утра пока раскачается...

– Нет. В 09.00 заседание штаба по САИ, и там руководство третьего Главка будет рассказывать историю как военная контрразведка задержала американца с пробами земли с полигона, и спасла САИ. Если я промолчу... Потом назад ничего уже не вернешь. Победителей не судят. Так, что иди к ним, Юра покажи копию этого рапорта и скажи, если в 08.00 мне не позвонит Тоболин я иду в приемную председателя.

– Может они по домам разъехались, как наш генерал?

– Нет, Юра, они сейчас победные реляции сочиняют и парадные мундиры для награждения отглаживают. Наш гене-

рал вел бы себя точно так же, если бы мы доложили ему о блестящей работе Тоболина.

– Что-то больно злым ты становишься, Андрей, – недовольно заметил Степной..

– Время такое. Проведем САИ – подобрею, а пока иди, Юра и без победы не возвращайся.

12 сентября 1988 года (понедельник)

***03.00 (М) – 06.00 (С) – 19.00 (11 сентября (В)) Москва
КГБ СССР***

Соболев связался по оперативной связи с Рязанцевым, который для этого сеанса связи вернулся в свой кабинет в здании УКГБ.

– Как ты там?

– Нормально.

– Наш Олег сработал, САИ продолжается.

– Молодец, – обрадовался за друга Рязанцев, – а как он сам?

– Нормально. План работы и передвижения американской делегации не изменился?

– Нет. Сегодня прилетают, официальные приемы, вечером банкет. Завтра с утра выезжают на полигон. По дороге посещают в Абайском районе урочище Жидебай – родину великого казахского акына Абая Кунанбаева. Я узнавал у

ребят. Там все готово – будут их встречать и угощать, и не только фольклором...

– Так, теперь это все тебя не касается. Еркенов сам там разберется. Ты, как мы обговаривали ранее переходишь на нелегальный режим работы. Через несколько часов руководство Комитета в приказном порядке прекратит контрразведывательную операцию по САИ. У нас остаются только функции по обеспечению безопасности. Твои действия в рамках операции «Вариант» Еркенов больше прикрывать не сможет. На связь с ним не выходи, работай автономно. Если попадешь в поле зрения Уткина или людей из его штаба – это провал. Пришло время показать все чему тебя учили. И помни, что САИ теперь зависит только от тебя. Ты готов?

– Да.

– А твои люди?

– Готовы. Вчера проверял.

– Где сейчас Милнер?

– Собирается в аэропорт встречать свою делегацию. Наружка по нему будет плотно работать. Я на связи по рации.

– Понятно. Завтра утром Милнер возвращается в Москву, значит на проведение акции у него остается только этот день и ночь. Днем он вряд ли будет действовать. Но все равно держи его под полным контролем. После обеда сам неотлучно будь на месте. Особое внимание накануне и после банкета. Наружка нас уже один раз подвела, поэтому надейся только на себя. Работай строго по плану. Есть вопросы?

– Нет.

– Понимаю, что без связи будет тяжело, но я верю в тебя и желаю тебе удачи, она сегодня нам очень пригодится.

– Спасибо.

Соболев положил телефонную трубку и подумал: «Собачья у нас работа. Вместо того, чтобы простыми человеческими словами подбодрить парня, только инструкции, наставления и команды».

06.30 (С) – 03.30 (М) – 19.30 (11 сентября (В)) Семипалатинск

Рязанцев, после разговора с Москвой отправился в гостиницу, обошел ее по периметру, переговорил с нарядами наружного наблюдения, которые контролировали территорию и входы в гостиницу. Затем поднялся в свой резервный номер и постарался сконцентрироваться на проблемных местах операции «Вариант». Максим понимал, что больше такой возможности не будет дальше события будут разворачиваться со скоростью снежного кома.

«Итак мы с Каировым в гостинице берем Милнера под плотное наблюдение до завтрашнего утра. Самое опасное время с начала и до завершения банкета.

Если «Дублер» для передачи оружия приходит напрямую в номер Милнера я перехватываю его на подходе.

Если Милнер выходит из гостиницы для связи с «Дубле-

ром». Здесь мы с помощью «наружки» все отработали.

Если «Дублер» с целью передачи оружия попытается проникнуть в номер Милнера, во время банкета Каиров обезвредит «Дублера» и изымет оружие.

А если на связь с «Дублером» выйдет кто-то из помощников Милнера? По версии полковника Соболева это маловероятно. Но если вдруг случится? Придется просить помощь «наружки».

Вроде все логично, но очень как-то просто, а если Милнер пойдет на какой-то нетривиальный ход. Мы готовы? Мы готовы. Да и что это может быть за ход?

Нет таких ходов. Мы их не оставили. Или...

Пойдем от противника. Милнер знает, что мы за ним наблюдаем?

Знает, но думает, что только за пределами гостиницы. Получается, что в гостинице он ничего не боится? Нет. Стоп! Он же все равно будет проверяться. На этаже ничего нет. Значит он естественным образом обратит внимание на дежурную комнату, которая находится почти напротив его номера. Вот ее он и будет проверять. Да, но там постоянно находится дежурная по этажу...

Но он может поручить своему помощнику вызвать дежурную в свой номер и задержать там на некоторое время и за это время обследовать дежурное помещение. Там он вскрывает «Шкаф» с нашим оборудованием и... начинается новый дипломатический скандал, и прощай САИ.

Блин, это моя ошибка. Я вовремя не заметил эту опасность. Вот о чем предупреждал полковник Соболев, когда говорил, что нужно думать за противника. Если бы мы во время подготовки в Москве предполагали, как умеет работать этот Милнер, то я не пропустил бы этот вариант, когда просчитывал эту операцию, но теперь уже поздно. Если бы я доложил Соболеву весь свой замысел, он увидел бы эту опасность, а так я сам...

Стоп. Нет времени паниковать нужно исправлять ситуацию пока есть такая возможность. Что можно сделать?

Установить хитрый замок на двери в дежурку? Не факт, что существуют такие замки, которые нельзя вскрыть, да и сама установка замка, когда на этаже уже будет проживать американская делегация... это вызовет подозрение.

Нет – это не то. Надо искать что-то другое. А если посадить в комнату собаку? Нет – это не сработает. Зачем дежурной собака? Да и американцы не поймут. Нужно что-то побредовее...

Как меня учили в Москве существует ряд условностей, через которые не сможет переступить даже самый большой профессионал...

Ну не ставить же в дежурке гроб с телом безвременно усопшего? Дети-сироты тоже не подойдут... А что, если инвалид на коляске? А что он там будет делать? Помогать дежурной. Интересно... Но не инвалид, а девушка-инвалидка...

Милнер отвлекает дежурную вызовом, вскрывает дежурку, а там девушка-инвалидка..., прикрывая наш «Шкаф» с оборудованием инвалидной коляской, гладит на гладильной доске постельное белье. Должно сработать.

Понятно, что девушка должна быть нашей работницей, которая сумеет сыграть эту несложную роль. Кто это может сделать? Позвоню Геннадьеву, он поможет.

Продолжая обдумывать варианты Рязанцев, пришел к выводу, что план, конечно, очень авантюрный, но времени придумывать что-то получше уже не нет. Приняв решение, капитан позвонил по внутреннему дежурной на этаже американцев.

– Доброе утро, Раушан. Это Максим. Где наш парень?

– Доброе утро. У себя в номере.

– Когда они выезжают?

– Пока они только собираются. Ходят друг к другу, что-то обсуждают, по-видимому, готовятся.

– Хорошо. Если что я у себя в номере. Кто тебя меняет?

– Сауле.

– Передай Сауле, чтобы постаралась никуда не отлучаться. Я как освобожусь подойду. Пусть будет внимательной. А тебе спасибо и пока.

Затем Рязанцев позвонил Геннадьеву и уговорил его разрешить своей молоденькой стажерке Флюре, обрести первый, но такой необходимый для нее оперативный опыт, а в придачу выдать на сутки оперативный реквизит – складную

инвалидную коляску.

08.05 (С) – 05.05 (М) – 21.05 (11 сентября (В)) Семипалатинск, аэропорт

Милнер встречал официальную американскую делегацию по САИ в аэропорту. После фуршета, который в ВИП-зоне аэропорта устроила администрация Семипалатинска, Джон перехватил руководителя делегации на подходе к машине и отвлек немного в сторону. Последний с неприязнью посмотрел на сотрудника ЦРУ и спросил:

– Вы уже знаете о решении Госдепа продолжать САИ?

– Да ваш помощник мне уже сообщил об этом.

– Вы когда улетаете в Москву? – с плохо скрываемым сарказмом поинтересовался руководитель делегации

– Завтра утром.

– После ваших приключений Вам лучше не сопровождать делегацию на приемах, поэтому попрошу Вас до отлета остаться в отеле.

– Хорошо, – внешне спокойно согласился Милнер, хотя изнутри его разрывало желание объяснить этому седовласому джентльмену как он поступал с предателями во Вьетнаме.

– Полагаю Ваша миссия на этом закончена? – с иронией поинтересовался глава делегации.

– Да, но я хотел бы присутствовать на сегодняшнем банкете. Вы не возражаете?

– Свое мнение я обозначил, но если это...

– Считайте это моей последней просьбой, – жестко перебил Милнер.

– Ваша организация всегда отличалась крайней бесцеремонностью. К сожалению, не в моей компетенции что-то вам запрещать, но очень надеюсь, что больше мы с вами не увидимся.

«Как знать?» – подумал Милнер, но ничего не сказал, а развернулся и пошел к своей машине.

10.00 (С) – 07.00 (М) – 23.00 (11 сентября (В)) Семипалатинск

Рязанцев зашел к директору ресторана и после обмена приветствиями поинтересовался:

– Есть ли изменения в плане банкета?

– Да, только что звонили из обкома партии банкет будет на полчаса короче, так как американские гости попросили их не утомлять, завтра с утра им выезжать в....

– Я знаю, Ашот Арутюнович, – перебил Рязанцев, предупреждая словоохотливость директора. – Во время банкета вы все время будете внизу?

– Да. Мало ли что может понадобиться...

– Тогда все остается в силе? Я у вас тут погощу?

– Может вам тут стол накрыть? – поинтересовался, сверкнув в улыбке золотыми зубами директор.

– Спасибо, Ашот Арутюнович. Вы главное не мешайте моим людям работать, а после того, как гостей проводим разберемся кому вы тут столы накрываете.

– Да, что вы Максим Николаевич, я просто так в шутку предложил...

– Я тоже шучу, Ашот Арутюнович, но если сегодня вечером хоть кто-то из вашего персонала помешает моим людям...

– Не волнуйтесь, дорогой Максим Николаевич все будет в лучшем виде, как вы говорили. Я лично прослежу...

– Надеюсь все договоренности останутся между нами?

– Безусловно, Максим Николаевич, безусловно.

Спустившись в ресторан Рязанцев, разыскал Айгуль, сервировавшую столы для банкета.

– Привет. Все в порядке?

– Да.

– Директора и бармена я предупредил. Сам буду на месте. Если, что-то пойдет не так, без паники. Доработай все до конца, как обговаривали. Вопросы есть?

– Нет.

– А что ты опять такая напряженная? Боишься?

– Не очень, но... весь ресторан думает, что у нас с вами роман...

– Сейчас сосредоточься на работе. А для романа я тебя с Каириным после того, как уедут американцы познакомлю.

Вот это будет роман. Знаешь какие у вас дети будут? Девочки – красавицы, как ты, а мальчики настоящие джигиты, как он.

– Да ну вас Максим Николаевич, – засмушалась Айгуль.

– Только это все потом, а сегодня нам надо хорошо выполнить свое дело, чтобы ваши дети в счастливом мире росли. Поэтому успокойся и соберись. Я отъеду, но через пару часов вернусь. Надеюсь, ты уже будешь в порядке.

– Я постараюсь.

– Вот и молодец.

11.05 (С) – 08.05 (М) – 00.05 (В) Семипалатинск

Рязанцев подъехал к условленному месту возле редакции вовремя, и приготовился ждать, так как знал, что «Журналист» не отличается пунктуальностью и никогда не приходит в назначенное время. Вот и на этот раз он задержался на 25 минут.

– Привет, Марек, ты, как всегда, в своем репертуаре? – строго отметил опер.

– Привет, Макс, ты о чем? – удивился помощник.

– Опоздал, – показал Рязанцев на часы.

– Американская делегация в городе...

– А ты здесь причем? – жестко предъявил Рязанцев. – Ты же только по банкетам специалист?

– Обижаешь, начальник...

– Кончай балаган, – одернул опер. – Ты готов?

– Да, но денег маловато, – сделал соответствующий жест «Журналист».

– Банкет, если что – бесплатный.

– Ну а подготовка к нему, галстук, прическа...

– Ты еще маникюр сюда приплюсуй.

– Какой ты отсталый, Макс...

– Государство не дойная корова, – отрезал Рязанцев. – Деньги получишь, когда сделаешь дело, а пока займи у дяди.

– Он такой же жадный, как и ты, закрыл мне кредитную линию.

– Это твои проблемы. Но хотя бы о том, что ты будешь говорить последний тост ты с ним договорился?

– Да, но поверь это было не легко...

– Да ладно. Они за весь день так наговорятся этих тостов, что к вечеру от них кому-то плохо может стать.

– Они закаленные.

– Все, не морочь мне голову, – рассердился опер. – И слушай сюда. Еще раз напоминаю, как будешь действовать. Ближе к завершению банкета оркестр заиграет завершающий «Канкан». Ты не спеша приближаешься к столику руководителей американской делегации и после завершения номера и аплодисментов громко предлагаешь тост за советско-американскую дружбу. Следишь, чтобы у всех в руках были бокалы со спиртным, подбадриваешь нерешительных и просишь выпить до дна, как у нас принято в доказательство искренности намерений. После чего благодаришь, раскланиваешь-

ся и идешь куда тебе заблагорассудится. Все понятно.

– Да...

– Не слышу уверенности в голосе?

– А можно я подойду не один, а с какой-нибудь прекрасной нимфой?

– Можно, только не увлекись этой нимфой раньше времени и не опоздай на свой выход. Это очень важное задание и твое опоздание может в этот раз стать последним.

– Зачем эти угрозы, Макс? – сделал недовольное лицо «Журналист».

– Затем, что ты и ранее неоднократно задерживался, а в последний раз чуть не сорвал мне операцию. Хорошо, что нас выручил твой коллега.

– Что ты такой злопамятный, ну ошибся человек один раз...

– Один раз? У тебя плохо с арифметикой. Но у меня нет времени вспоминать сейчас все твои провалы, поэтому обещаю если ты сегодня не сделаешь все в точности так как я тебе говорю, сядешь на нары. Мне надоело исправлять твои косяки. И никакой дядя из обкома с кичи тебя не вытащит. Ты все понял?

– Да понял я, понял.

– Вот так-то лучше. Если все сделаешь как надо я подарю тебе твое уголовное дело, чтобы ты его прочитал на ночь и утром начал жизнь с чистого листа.

– А деньги? Ты же обещал, Макс? – напомнил помощник.

– Я выполню все, что обещал, а ты сегодня выполни, что ты мне обещал. Я буду все время контролировать тебя, помни об этом.

– Клянусь...

– Не надо, – оборвал опер. – Верить клятвам мелких мошенников – себя не уважать. Иди работай.

На обратном пути Рязанцев заехал в Центральную аптеку и забрал у Цареградской приготовленные пакетики со снотворным. Отблагодарив фармацевта трюфельным тортом, Максим спросил:

– Анна Андреевна, а у вас есть какое-нибудь снадобье для поддержания умственных и физических сил?

– Тебе для чего?

– Да сегодня напряженный день ожидается. Отдохнуть видимо не получится, а мне до завтрашнего утра край в форме надо быть.

Цареградская открыла медицинский шкаф, поискала в каких-то аптекарских склянках и достав одну из них вынула оттуда две большие пилюли и поместив их в бумажный пакетик передала Максиму.

– Вот возьми. Когда почувствуешь, что слабеешь или сильно хочется спать прими одну с большим количеством воды.

– Анна Андреевна, большое спасибо, Вы волшебница. Самая лучшая женщина в Семипалатинске и Семипалатинской

области.

– Все, Максим, уходи. Я очень устала и хочу отдохнуть. И потом я лучшая женщина в СССР, как говорит один мой знакомый.

– Полностью с ним солидарен. И...

– До свидания.

08.08 (М) – 11.08 (С) – 00.08 (В) Москва КГБ СССР

Соболев еще раз просмотрел документы, захлопнул папку и встал из-за стола. Взглянув на часы, подумал: «Ждать больше нельзя, а то эти ребята из военной контрразведки подумают, что им, как и американцам можно все».

В этот момент зазвонил внутренний телефон оперсвязи, полковник взял трубку и сказал:

– Соболев слушает.

– Тоболина отпустили, – выпалил Степной.

– Когда?

– Полчаса назад.

– Где он сейчас?

– Едет на уазике в Семипалатинск.

– Информация проверена?

– Да, он звонил с КПП Курчатова Еркенову.

– Свяжись с Семипалатинском пусть возьмут прибытие

Тоболина на контроль и пусть сообщает, когда «Омега» прибудет в город.

– Так он сам может позвонить из Управления.

– Нет в УКГБ пусть пока не появляется. Дай указание Еркенову, чтобы встретили Тоболина на въезде в город и на своей машине увезли на конспиративную квартиру, где они до этого проживали с Рязанцевым. Пусть обеспечат его всем необходимым и сделают это максимально оперативно и конспиративно. Никаких выходов в город. Домашний арест. Хватит нам этой самодеятельности на грани закона. По результату пусть доложат. «Омега» отдохнет, отоспится, а там видно будет.

– Почему ты решил спрятать Тоболина? – поинтересовался Степной.

– Совсем скоро будет большой разбор полетов, и я не хочу, чтобы это касалось наших аналитиков. Я эту кашу заварил, мне и отвечать...

Глава 7

12.35 (С) – 09.35 (М) – 01.35 (В) Семипалатинск

Вернувшись из аптеки на входе в гостиницу Рязанцев подошел к Каирову:

– Все в порядке?

– Да. Недавно проверял, звонил дежурной по этажу, «Супермен» в номере.

– Давай во время переговоров по рации будем называть

его для краткости «Супер».

– Так точно, кэп, – безмятежно улыбаясь и потягиваясь, отозвался прапорщик.

– Ты давай не расслабляйся, а сконцентрируйся и подтяни дисциплинку. Впереди томный вечер и тяжелая ночь, – строго посоветовал Рязанцев.

– Да ладно тебе, Макс, что в первый раз что ли? – примирительным тоном отозвался Каиров.

– Работать по такому объекту – это действительно в первый раз. Возможно, другого такого случая уже и не представится, с таким матерым шпионом потягаться. Поэтому приказываю, выбрось все свои дурацкие мысли из головы, думай только том, как выполнить задание. Если провалим операцию, то я лично перед строем с тебя погоны сорву ...

– За что?

– За все! – разозлился капитан и негромко, но с явной угрозой в голосе прорычал. – Прекрати разговорчики, прапорщик. Ты что до сих пор не понял, как важно для всего нашего государства, чтобы мы с тобой выполнили это задание? Мне некогда повторять, поэтому постарайся вспомнить все, что я тебе говорил всю эту неделю. А сейчас ставлю краткосрочную задачу. Меня в ближайшее время начнут искать все, кому делать нечего. Ты ничего не знаешь и никого не видел. К тебе тоже по этому поводу будут обращаться. Всех посылаешь..., не туда куда ты подумал, а к подполковнику Еркенову, он сам с ними разберется. Долго ни с кем не раз-

говаривай, ссылайся на необходимость свободной линии для связи с руководством наружного наблюдения.

– Даже нашим ничего о тебе не говорить? – озадачился отобилизованный Каиров.

– Никому! С кем надо я сам свяжусь. И еще, сейчас из ОТО привезут импортную инвалидную коляску, тихо и незаметно поднимешь ее в дежурку на американский этаж.

– А зачем это?

– Так надо. Потом расскажу. Только предварительно созовишься с Сауле.

– А она эта коляска тяжелая?

– Не надорвешься. Говорю же импортная, складная, легкая. Слушай дальше. Скоро к гостинице подойдет молодая девушка, будет тебя искать. Предупреди своих. Ее зовут Мадина. Когда встретитесь, она представится, что от Геннадьева. Проводишь ее в мой резервный номер. Если меня не будет откроешь, пусть посидит подождет. Все понятно.

– Да.

– Рацию давай.

– Вот, Мурка сказал почти новая, приказал беречь, – передавая спецтехнику предупредил прапорщик.

– Проверял?

– Да.

– Полностью заряжена?

– Так точно.

– Частота у нас с тобой отдельная?

– Да.

– Хорошо переключи на частоту вашего зама. Какой у него позывной?

– Товарищ капитан..., – начал канючить Каиров, неохотно переключая частоту.

– Я тебе приказываю это сделать не для того, чтобы его пригласить пиво попить, а для дела, – надавил Рязанцев. – Ты же видишь какая обстановка..., не нервируй меня, прапорщик...

– Десятый, – сказал Каиров, подавая рацию.

Рязанцев нажал тангенту и выдал в эфир:

– Десятый на связи ноль первый. У меня критическая ситуация прошу полномочий.

Через несколько секунд последовал ответ:

– Не засоряйте эфир, переключитесь на свою волну.

Капитан переключился и вновь запросил:

– Десятый это ноль первый, прием.

– Макс ты что охренел на главной частоте сейчас москвич постоянно сидит, а ты...

– Мурка не кипи. Я тут один как...

– Что тебе надо?

– Передай всем постам, что указание ноль первого обязательно к исполнению без промедления и возражений.

– Ты в своем уме.

– Мы с тобой это долго обсуждали, сейчас нет времени по новой сомневаться. Если не отдашь команду – «Супермен»

нас точно уделает.

– Когда возникнет необходимость ты мне на этой волне сообщишь что тебе надо – я дам указание.

– Тебя может не быть, а у нас нет времени ждать, когда ты освободишься.

– Я не могу...

– Ты что трус? – разозлился Рязанцев.

– Не дави...

– У меня нет времени болтать с девочками, без тебя обойдусь. Ты для меня больше не Марадона.

– Да ладно черт с тобой... отдам я этот приказ, но при встрече набью тебе морду.

– Договорились. Отбой.

Рязанцев выдохнул и посмотрев на Каирова спросил:

– Прапорщик ты все понял?

– Так точно товарищ капитан.

– Будь постоянно на связи. Я сейчас в ресторан, потом в номер, переоденусь и к дежурной. Переговоры по рации только в случае необходимости. Лишнего не болтать. Все ясно?

– Так точно.

– Работай.

Рязанцев зашел в ресторан и пригласил Айгуль в кабинет директора:

– Все в порядке?

– Да.

– Теперь послушай, что от тебя конкретно требуется. Примерно в 22.00 оркестр заиграет «Канкан», варьете начнет финальное и самое откровенное свое выступление, все невольно обратятся к сцене. Постарайся, чтобы к этому времени у американцев на столе не было спиртного. Ты идешь с разносом на кухню за чистыми фужерами. Я буду тебя там ждать. Поставишь на разнос пять фужеров для шампанского и в середину бокал с виски, который я приготовлю. Подойдешь к бару и Рашид наполнит фужеры шампанским. Затем дождешься, когда к столику руководителей приблизится журналист и выдвинешься вслед за ним. Журналист будет произносить тост, а ты тем временем разнеси напитки. Первым предложи выбор Милнеру. Он должен выбрать виски...

– А если этот американец возьмет шампанское?

– Скажешь с сожалением, что ты зря старалась, подготовив ему его любимый напиток. Поставишь бокал с виски на стол рядом с ним и сразу уходи к другому клиенту. Ни в коем случае не настаивай и не стой возле него. Спокойно и уверенно работай дальше. На этом твоя миссия закончена. Я буду все контролировать из кабинета директора...

– А что будет в бокале с виски? – не выдержала официантка.

– Давай без лишних вопросов, – как можно убедительнее попросил Рязанцев. – Обещаю тебе, что все будут живы и здоровы. Ты мне веришь?

– Да.

– Ну вот и хорошо, иди работай. Во время банкета я буду здесь. Если что-то пойдет не так, поднимешься – обсудим.

11.22 (М) – 14.22 (С) – 03.22 (В) Москва КГБ СССР

Подполковник Степной, уже окончательно перебравшийся в кабинет начальника отдела, разговаривал по оперативной связи с подполковником Еркеновым из Семипалатинска, когда с совещания у зампреда вернулся Соболев. Закончив разговор и положив телефонную трубку Степной, взглянув на друга, возмутился:

– Они там что с ума посходили? Столько времени без перерыва. Тем более, что люди ночь не спали.

– Все нормально.

– Нормально? Ты на себя в зеркало посмотри, как говорила моя бабушка – краше в гроб кладут.

– Сейчас чайку попьем и все образуется.

– Боюсь даже спросить, чем все закончилось? – настороженно обратился зам.

– Если вкратце. Координационный центр по САИ распустили. Теперь операцию «Паритет» будет вести лично заместитель председателя и начальники контрразведок, в том числе военной и экономической. Все довольны, что делегация США все-таки прибыла в Семипалатинск и послезавтра пройдут совместные испытания, за что руководству во-

енной контрразведки выражена большая благодарность. Разбор провала в гостинице будет осуществлен после завершения САИ. Это все хорошо, но и очень плохо.

– В смысле?

– Все успокоились, думают, что самое страшное уже случилось, что ошибку вовремя удалось исправить и дальше все пойдет по плану. а именно на это и рассчитывали в ЦРУ при подготовке своей операции. Поэтому нам надо продолжать усиленно работать. До начала банкета в Семипалатинске осталось около шести часов. Что там слышно от Рязанцева?

– Только, что разговаривал с Еркеновым. Он тоже почти постоянно находится в семипалатинском штабе, Уткин там как у нас зампред, «шашкой машет». Приказал всем членам штаба постоянно находиться в его кабинете, категорически запретил сотрудникам Комитета приближаться к гостинице, где проживают американцы.

– Это осложнит работу Рязанцева... – заметил полковник.

– Думаю, что не слишком. В гостинице, под видом охраны работают ребята из наружного наблюдения...

– Это я знаю, – нетерпеливо перебил Соболев, – Но, «Омега» докладывал, что в штате сотрудников гостиницы есть агентура контрразведки. Где сейчас Рязанцев?

– Пятнадцать минут назад звонил Еркенову из гостиницы. Доложил, что все идет по плану. На связь до окончания операции «Вариант» выйти не сможет. Если кто-то из аген-

тов контрразведки доложит, что Рязанцев вопреки приказам Уткина находится в гостинице...

– Значит связи с ним не будет..., – словно не слыша Степного, озадаченно повторил Соболев.

– Еркенов сказал, что будет Рязанцева прикрывать насколько возможно, но если «Омега» где-нибудь сам засветится...

– Чем еще мы можем ему помочь? Есть у нас варианты прикрытия помимо Еркенова?

Зазвонил прямой телефон начальника 6 Управления. Соболев поднял трубку, коротко ответил и повернувшись к подполковнику сказал:

– Я к генералу, а ты, Юра, подумай и держи связь с Семипалатинском.

14.26 (С) – 11.26 (М) – 03.26 (В) Семипалатинск

Рязанцев, проверив все ли подготовлено в ресторане, поднялся в резервный номер и застал там стажерку из ОТО. Капитан тщательно проинструктировал ее, рассказал, как в его отсутствие она будет вести наблюдение за этажом и номером объекта. Объяснил, что перед выходом дежурной по этажу из комнаты, необходимо садиться в коляску и изображать девушку-инвалидку, которая работает здесь помощницей. Ответив на вопросы стажерки, Максим в ванной комнате переделся в костюм охранника гостиницы. Затем набрал дежур-

ную по американскому этажу.

– Сауле как наши дела?

– Нормально.

– Наш парень до сих пор в номере?

– Да.

– Кто-нибудь еще на этаже есть?

– Нет американцы с приема еще не вернулись, горничные все убрали и спустились вниз.

– Хорошо мы сейчас тихонько спустимся через аварийную лестницу. Выйди, встретить нас, если кого-то заметишь, предупреди. Дверь в дежурку на замок не закрывай, чтобы мы вошли максимально быстро. Все поняла?

– Да.

– Умница, действуй.

Беспрпятственно проникнув, под прикрытием дежурной в ее комнату, капитан познакомил Сауле с Мудиной. Еще раз проинструктировав обеих, отрепетировал моменты возможного проникновения Милнера в дежурную комнату. С первого раза не получилось, капитану не понравились действия подопечных и он сделав ряд замечаний, предложил повторить. После нескольких дублей попросил девушек продолжать шлифовку отдельных моментов, а сам открыл ключом большой «Шкаф», стоящий рядом с дверью, вплотную к стене, отделяющей комнату дежурной от коридора. Этот внешне обыкновенный мебельный шкаф представлял из се-

бя обустроенный всем необходимым временный пункт наблюдения за подходами и входом в номер Милнера. Левая, меньшая часть шкафа была отделена от пункта наблюдения и заполнена постельными принадлежностями и посудой для нужд постояльцев. Подобный «Шкаф» Рязанцев видел во время обучения в Москве и при подготовке к операции «Вариант» попросил своего друга – заместителя начальника оперативно-технического отдела майора Игоря Геннадьева подготовить детали по подобию мебели в гостинице «Иртыш». Большую помощь при этом оказал начальник 6 отдела подполковник Еркенов, который на предприятиях Семипалатинска пробил материалы необходимые для изготовления «Шкафа». За сутки до заезда первой американской делегации ребята из ОТО под руководством Геннадьева установили пункт в комнате дежурной, оборудовав его специальной техникой аудио и визуального наблюдения.

Рязанцев зашел в пункт, сел на встроенный стул и закрыл дверку. Посмотрел в окуляр. Коридор был пуст, а до двери в номер Милнера, казалась можно было достать рукой. Отрегулировав приборы визуального наблюдения, Рязанцев надел наушники аудиоконтроля и приготовился ждать развития событий.

12.17 (М) – 15.17 (С) – 04.17 (В) Москва КГБ СССР

Когда Соболев вернулся от Туманова, Степной уже на-

крыл стол и не слушая возражений друга, объявил обед. Быстро уничтожив рыбные консервы, бутерброды с колбасой и сыром, во время чаепития продолжили обсуждение.

– Генерал приказал воздержаться от любых действий по «Паритету». Отозвать Рязанцева и Тоболина. Поддерживать связь с Еркеновым и при малейшем изменении обстановки докладывать ему лично. Он сам будет принимать решения и докладывать зампреду.

– Получается, что он нас отстранил? – встревожился Степной.

– Да, нет, – успокоил полковник, – Туманов опытный партработник и, если что пойдет не так кто-то должен будет отвечать, поэтому генерал нас пока не отстранил. И это хорошо, а то бы пришлось прятаться в твоём кабинете и продолжать операцию «Вариант» нелегально. А так – работаем.

– А приказ про ребят?

– Сегодня все решится, завтра может быть, отзовем, – невозмутимо пообещал Соболев.

15.30 (С) – 12.30 (М) – 04.30 (В) Семипалатинск гостиница «Иртыш»

Милнер обладал удивительным хладнокровием, которое не раз выручало его в критических ситуациях. Даже перед самыми сложными операциями он умел расслабиться и впасть в оцепенение, которое при необходимости мгновенно

скидывал и превращался в сгусток энергии.

Встретив утром делегацию и получив указание руководителя оставаться в гостинице, Джон по возвращении из аэропорта вернулся в номер и переодевшись в спортивный костюм спокойно разлегся на диване. Он слышал хлопанье дверей, лихорадочные сборы и отъезд делегации на прием в местную мэрию, но никак не реагировал на эти звуки. Мысленно прокрутив в который раз предстоящие вечерние и ночные действия и перебрав варианты возможных осложнений из-за контрмер противника, Джон приказал мозгам и телу отдыхать.

Чувство времени и биологические часы за годы работы тоже были отлажены профессионально и все это время работали безукоризненно. Джон дал себе мысленный приказ встать в 19.00 по местному времени.

Однако в 15.30 что-то неожиданно вернуло его из владений Гипноса. Джон попытался разобраться, что это было и через несколько минут безуспешных попыток понял, что это давно позабытое чувство тревоги. Милнер попытался справиться с ним с помощью аутотренинга, и оно вроде притихло, но до конца никуда не уходило. В таких случаях Джон прибегал к испытанному методу, чтобы впасть в дрему он в сотый раз начал перебирать детали предстоящей операции, эта рутинная и монотонная работа мозга всегда помогала.

«Откровенное выполнение плана «А» привлекло ко мне внимание. Возможно, это было ошибкой. Хотя Райдер утвер-

ждал, что КГБ посчитает меня отыгранной картой и сосредоточится на других работниках ЦРУ в нашей делегации. Но я чувствую, что нахожусь под пристальным вниманием или это не так?»

Через полчаса Милнер, понял, что излюбленная методика на этот раз не работает и встал с дивана. Пройдя в ванную комнату, он встал под теплый душ, чтобы успокоиться и продолжал думать.

«Как русские могут помешать плану «Б»? Такая возможность существует только на этапе передачи оружия. Они не знают какую, как и где мы будем проводить операцию. Значит они должны работать от исполнителя? Если КГБ не поверило в наш финт с отвлечением... то продолжает игру со мной? Лучше проверить эти подозрения, чем раскисать за несколько часов до операции. Райдер утверждал, что наблюдения в гостинице не будет, русские боятся сорвать женевские договоренности, но мое чутье не обманешь, они где-то рядом. На этаже ничего подозрительного нет, но комната дежурной находится почти напротив моего номера, надо будет заглянуть туда... или нет? Дежурная постоянно на месте, но она отвлекается на просьбы постояльцев и может покинуть комнату для их выполнения. Значит там есть кто-то еще, кто за нами наблюдает и мое проникновение докажет, что русские продолжают нарушать женевские договоренности и следят за высокопоставленными членами американской делегации. Разгорится новый скандал. Может быть, он будет доста-

точным для срыва САИ и мне не придется выполнять план «Б»? Хотя это вряд ли... Руководитель нашей делегации настроен против меня, хочет провести САИ и похоже войти в историю мирового антиядерного движения

Но попробовать стоит. Что ж пойдём посмотрим, как они все это устроили...»

Глава 8

Рязанцев скорее почувствовал, чем услышал, что в номере Милнера началось движение. Одним глотком он допил из чашки уже остывший кофе и прильнул к окуляру оптики. Сначала ничего не происходило, и Максим подумал, что ему показалось, но через несколько минут дверь в номер открылась и на пороге показался объект. Милнер быстро закрыл номер и не дожидаясь лифта начал энергично спускаться вниз по лестнице.

Капитан взял рацию и вызвал напарника:

– Второй прием.

– Первый я на месте, – раздался голос Каирова.

– «Супер» спускается по лестнице. Встречай. Я на связи.

– Принято.

Рязанцев открыл дверь "Шкафа", позвонил Мадину и отдал распоряжение.

– После того, как Милнер проведет проверку помещения дежурки, приступай к постоянному контролю. Предва-

рительно проверь работу всех устройств на пункте наблюдения, не покидай "Шкаф", я буду на связи.

Быстро миновав холл Милнер, выскочил на улицу и обогнув здание гостиницы вышел на набережную.

– Первый, «Супер» вышел на набережную, я его вижу со служебного входа.

– Сам не светись передай его наряду, который там работает.

Через несколько секунд задержки Каиров доложил:

– Они отказываются его вести, говорят пост не могут бросить.

– Скажи, что их прикроешь. Пусть ведут. Передай, что это приказ члена штаба, согласованный с заместителем начальника отдела. Я спускаюсь к машине буду работать в связке с ними. Переключаюсь на их волну.

Милнер немного покружив по набережной и легко вычислив наружку, вернулся к центральному входу в гостиницу. Здесь он немного задержался, визуальнo контролируя центральный перекресток и увидев подъезжающую кавалькаду машин с американской делегацией, быстро вошел в гостиницу. Не дожидаясь лифта, поднялся на этаж и проходя мимо комнаты дежурной, замедлив шаги внимательно рассмотрел дверной замок. Решив, что ничего сложного нет, решительно открыл свой номер и скрылся за дверью.

Все это время Рязанцев сидел в машине недалеко от центрального входа в гостиницу и контролировал передвижение Милнера. После того как Милнер вошел в гостиницу капитан поблагодарил по радиии наряд наружного наблюдения, который следовал за американцем и переключил рацию на волну связи с Каировым. Дождавшись доклада прапорщика, что «Супер» поднялся на этаж и вернулся в свой номер, Рязанцев, стал думать, что делать дальше.

– Войти на этаж незаметно сейчас проблематично. Американцы вернулись и начнут готовиться к банкету. Возможно, будут передвигаться между номерами. К тому же Милнер именно сейчас попробует провернуть проверку дежурной комнаты и лишние люди там ни к чему. Надеюсь, Флюра справится. Остается только ждать сообщения Каирова. До банкета не так уж много времени пора перебираться в кабинет директора ресторана.

Достигнув «центра управления» операцией. Рязанцев дал указание Каирову предупредить дежурную по этажу, чтобы девушки были готовы действовать по плану. Как только Милнер проведет проверку дежурной комнаты Флюра должна позвонить по внутреннему в кабинет директора ресторана и доложить о результатах.

13.03 (М) – 16.03 (С) – 05.03 (В) Москва КГБ СССР

Степной, переговорив по оперативной связи с Семипалатинском доложил Соболеву:

– Милнер выходил из гостиницы.

– Интересно, дальше...

– Прогулялся по набережной, обошел гостиницу, постоял несколько минут перед входом и вернулся в номер.

– Что это нам дает? – попробовал осмыслить Соболев.

– Может быть просто нервничает? – предположил зам.

– С его-то опытом? – отмел полковник.

– С годами нервы сдают...

– Да нет, зачем-то это ему было нужно, но не думаю, что над этим надо ломать голову.

– Почему? – удивился Степной.

– Полагаю, что этот эпизод не имеет какого-либо важного значения. До начала банкета остается четыре часа, и нам надо сосредоточиться на том, что имеет непосредственное отношение к главному событию сегодняшнего вечера. Кто, когда и как передаст Милнеру оружие. Пойду доложу генералу о передвижениях Милнера пусть думает вместе с руководством. Пока они будут заняты тяжелой умственной деятельностью, нам спокойнее работать.

– Ты становишься циником, Андрей, – осторожно заметил зам.

– К сожалению к этому вынуждает сегодняшняя ситуация, противник не собирается с нами соперничать в декламации миротворческих инициатив Горбачева... Это война и мы ее

пока проигрываем, – решительно закончил прения полковник.

16.11 (С) – 13.11 (М) – 05.11 (В) Семипалатинск гостиница «Иртыш»

Милнер позвонил Снайдеру и перебросившись парой ничего не значащих новостей по поводу предстоящего банкета, дал поручение отвлечь дежурную по этажу вызвав ее в свой номер. После чего взяв из кейса универсальную отмычку приблизился к двери и стал ждать. Через некоторое время услышав, что дежурная закрыла дверь своей комнаты и ушла вглубь по коридору Милнер осторожно вышел из номера. Приблизившись к комнате дежурной, он, прислушался, но из-за включенного в комнате дежурной радио определить наличие в комнате посторонних было невозможно. Убедившись, что дверь закрыта, подобрал нужную комбинацию отмычек, быстро и бесшумно открыл дверь и вошел внутрь.

Когда Милнер развернулся от двери, то, к своему удивлению, обнаружил, что в комнате находится девушка, которая сидела в инвалидной коляске и раскладывала на гладильной доске постельное белье, доставая его из открытого шкафа.

Девушка подняла голову и улыбнувшись спросила:

– Вам чем-то помочь?

– Я хотел попросить у дежурной бутылочку воды, у меня в номере, к сожалению, закончилось «Боржом», – выдал за-

готовку оперативник.

– Она сейчас придет, но вы можете сами взять из холодильника.

– Спасибо, я так и сделаю, – сказал Милнер и подойдя к холодильнику достал бутылку воды. – А вы...

– Я помогаю дежурной, – с улыбкой, охотно ответила де-вушка. – Нас инвалидов с рождения патронирует общество Красного Креста и Красного Полумесяца. Они помогли мне сюда устроиться. Меня зовут Мадина. Ой, я вас, наверное, совсем заболтала, но я никогда не видела никаких иностранцев. А вы так хорошо говорите по-русски.

– Я дипломат, – сухо заметил оперативник. – Но это не важно. Спасибо.

– Не за что. Заходите еще, если нужно...

– Обязательно.

Милнер вышел и чуть не столкнулся с дежурной, которая возвращалась к себе.

– Я опять забыла закрыть дверь, – запричитала дежурная. – Вы там не испугали мне мою помощницу?

– Нет, – раздраженно пробурчал Милнер, – У меня кончилось «Боржоми».

– Я сейчас принесу, – поспешила заверить дежурная.

– Спасибо, я уже взял.

Не слушая дальнейших словесных излияний дежурной по поводу постояльцев, которые не могут позвонить и сообщить если у них чего-то нет, Милнер вошел в свой номер. Присев

на диван Джон усмехнулся.

«А эти русские умнее, чем я о них думал. Вроде все логично, но я чувствую, что здесь что-то не так».

Рязанцев, внимательно выслушав по телефону сбивчивый доклад Мадины о проверке устроенной Милнером, попытался уточнить некоторые детали.

– Постарайся сосредоточиться и как можно точнее ответить на мои вопросы, – спокойно попросил капитан. – Готова?

– Да.

– Как объект отреагировал на то, что ты находилась в дежурной комнате?

– Нормально.

– В процессе общения с тобой его поведение не менялось?

– Вроде бы нет.

– В самой комнате что-то его особенно заинтересовало? Может быть, он что-то внимательно рассматривал или спрашивал о чем-то?

– Вроде бы нет.

– У объекта не было с собой какого-либо прибора?

– Нет..., но в руках он держал набор каких-то ключей..., – вспомнила Магина.

– Молодец, умница, – похвалил Рязанцев, – а часы у него какие на руке были электронные или механические?

– Вроде бы механические..., большие и, наверное, золо-

тые...

– Больше ничего добавить не хочешь?

– Нет, – ответила Мадина и тихо заплакала, – ...я, ...я, сильно испугалась..., я, наверное, никуда не поеду...

– Ты все сделала правильно. Попей водички. Возьми себя в руки и успокойся, – как можно мягче посоветовал капитан. – После чего перезвони мне, я буду ждать.

Мадина позвонила через десять минут.

– Ты как в порядке? – бодро поинтересовался Рязанцев.

– Да, – тихо, но твердо ответила стажерка.

– Тогда слушай приказ. Занимай пост наблюдения, включи рацию и будь внимательна. Твой позывной – пятая. Обо всех движениях объекта докладывай немедленно. Я постоянно буду на связи. Вопросы есть?

– Нет.

– Удачи.

– Спасибо, и вам...

Капитан не дослушав, бросил трубку на телефон и поспешил покинуть номер.

16.53 (C) – 13.53 (M) – 05.53 (B) Семипалатинск

Рязанцев сидел в кресле директора ресторана и пытался оценить реакцию Милнера, на неожиданное нахождение в дежурной комнате помощницы. Но по ответам Флюры что-то конкретное предположить не представлялось возможным.

«Стажерка, конечно пережила стрессовую ситуацию, но все обошлось. Судя по докладу дежурной Милнер во время проникновения в комнату, от неожиданности не обратил особого внимания на состояние Флюры. А Сауле девушка внимательная, она бы не пропустила реакцию американца в момент столкновения с ним...»

Что еще может придумать этот Милнер? В голову к нему не залезешь...»

В это момент «ожила» рация.

– Первый, Снайдер из делегации вышел из гостиницы, – докладывал Каиров.

– Ваши его приняли?

– Да.

– Что у него с собой?

– Небольшая спортивная сумка.

– Переключись на волну «наружки», скажи, чтобы особое внимание сосредоточили на сумке, отслеживай информацию и докладывай мне по внутреннему телефону.

– Принято.

Капитан поменял частоту нажал тангенту и спросил:

– Пятая, где объект?

– На месте.

– Через тебя по коридору в сторону лифта кто-то проходил минуты три назад.

– Да, молодой импозантный...

– Он не останавливался возле двери объекта? – перебил

Рязанцев.

– Нет, только у лифта.

– У него была сумка?

– Да.

– Какая?

– Какая-то темная.

– Пятая будь внимательней. До связи.

«Кто такой этот Снайдер? – быстро начал вспоминать Рязанцев. – По данным контрразведки установленный сотрудник ЦРУ. Мы точно знаем, что он не может быть «Исполнителем». Потому, что, если полковник Соболев дал такое заключение по-другому быть не может. Но он вполне вероятно выполняет какую-то свою роль в этой операции ЦРУ...».

Раздался звонок внутреннего телефона, Рязанцев поднял трубку. Снова докладывал Каиров:

– Снайдер движется по Ленина.

– Что там сегодня?

– Кафе «Достык» ...

– Так, дальше...

– Центральный парк, там танцы и много народу...

– Стоп, какое кафе, какие танцы? – не поверил Рязанцев. –

Сегодня понедельник...

– Власти распорядились в честь приезда американцев, чтобы видно было как весело живет наша молодежь...

– Бред какой-то, – буркнул в сторону капитан.

– Не понял...

– Продолжай работать. Я на связи.

Положив трубку Рязанцев, попытался сосредоточиться, взял чистый лист бумаги и начал чертить схемы.

«Куда идет этот Снайдер?

Возможно, на встречу с агентом.

Для чего?

Получить оружие.

Как?

Путем моментальной встречи или изъятия закладки».

Зазвонил телефон.

– Снайдер посетил кафе «Достык», выпил там чашку кофе поболтал с несколькими посетителями, расплатился долларами и покинув заведение, направился в сторону парка.

– Сумка?

– Что? – не понял Каиров.

– Сумку он открывал?

– Не знаю.

– Так узнай, я же сказал особое внимание обратить на сумку. Ты что наряду не передал? – рассердился Рязанцев.

– Передал. Сейчас узнаю.

– Работай.

«В парке сейчас людно. Все контакты отследить невозможно, но заметить если Снайдер будет доставать что-то из сумки или класть в нее «наружка» должна».

Каиров вновь прерывая размышления капитана, доложил:

– Объект сумку все время держал при себе. Во время про-

гулки на плече, а в кафе у себя на коленях. Перед уходом из кафе приоткрыл, достал несколько сувениров и подарил бармену и сидящим вокруг посетителям.

– Бармена и посетителей опрашивают?

– Да.

– Принято.

«Как узнать передадут ли Снайдеру оружие? Можно выкрасть у него сумку и забрать его в милицию до выяснения обстоятельств, но это грубо и можно нарваться на скандал. Надо проще и надежнее. Например... «преступник» срывает сумку с плеча Сайдера и бежит в сторону темной аллеи парка. Наряд дружинников за ним. Догоняют на глазах у пострадавшего и возвращают ему сумку. Причем «преступника» догоняют не сразу, а на приличном расстоянии от пострадавшего и пока возвращаются на место происшествия незаметно проверяют содержимое сумки. Мало того, узнав, что пострадавший иностранец доставляют его на милицейской машине прямо до гостиницы. Причем «кражу» надо осуществить, когда американец будет покидать парк, невзирая на то будет зафиксирован контакт Сайдера с посторонними или нет».

Набросав такой немудреный сценарий Рязанцев, связался с Мадиной:

– Где объект?

– У себя.

– Я на время переключу рацию на другую волну. Если что

срочное звони по внутреннему.

– Принято.

Капитан настроил рацию на волну заместителя начальника 7 отдела капитана Ахметова:

– Десятый я ноль первый. Срочно набери меня по телефону я у заведующего.

Переключив рацию обратно, Рязанцев стал ждать. Зазвонил городской.

– Ты, что Макс? – возмущенно зашипел Ахметов. – Я же просил тебя больше не выходить в эфир на этой частоте.

– Успокойся, мне очень нужна твоя помощь...

– Да как ты не понимаешь, меня же сейчас москвичи опять пытаться начнут, кто такой «ноль первый»?

– Скажи, сбой произошел, перехлест с милицейской волной...

– Какой «перехлест»? Ты о чем? – не унимался «семерочник».

– Обещаю, что, когда закончится этот САИ все компенсирую. Восстановлю все твои нервный клетки, но сейчас мне реально нужна твоя помощь.

И Рязанцев изложил свой план.

– Ты с ума сошел? – вновь взвился Ахметов. – Какой гоп-стоп? Какие дружинники?

– Не ори на меня! – прорычал Рязанцев. – Что ты весь день ведешь себя как... Если не можешь о стране подумать, подумай о наших ребятах, между прочим, твоих друзьях и

подчиненных, которые могут вылететь с работы по результатам разборок провала на КПП Курчатова. Кто их сможет защитить? Может быть ты?

– А что? Ты, что ли сможешь? – озлобился Ахметов.

– Не я, а мой начальник из Москвы. Если САИ пройдет нормально я тебе обещаю, что отделаетесь выговорами.

– Ладно Макс, – через паузу, согласился «семерочник», – Я все сделаю, но если ты не выполнишь свое обещание...

– Выполню. Действуй. По результатам перезвони, пожалуйста.

Положив трубку Рязанцев, подумал, что у него после этой операции возможно не останется друзей, но на карту поставлено слишком многое. А настоящие друзья поймут. Не сейчас, не сразу, но после того, как осознают, что они сделали для своей страны.

Из задумчивости его вывел очередной доклад Каирова.

– Снайдер в парке, народу много, сумку пока не открывал, но на несколько минут наряд его потерял, но затем нашли его снова, на выходе из туалета...

– Плохо работаем..., – с досадой перебил Рязанцев, – Уволить бы их к чертовой матери..., ладно... работаем дальше.

«Итак, сумку его мы проверим и если пистолет будет там, то будем ждать передачи оружия Милнеру, а если нет..., то Снайдер просто отвлечение и нас больше интересовать не будет».

Позвонил Ахметов:

– Все сделали. В сумке только сувениры. Довезут до гостиницы. Принимайте.

– Спасибо, Мурат. Я твой должник.

– Да ладно. Ребят спаси..., как обещал.

– В штаб не докладывали?

– Нет. Сообщали только, что приняли у гостиницы и ведем. Там еще...

– Что?

– Потеряли мы его в парке буквально на пять минут. Потом опять «взяли» когда выходил из туалета.

– Раз сумка пустая – это не принципиально. Еще раз спасибо.

– Пока.

Завибрировала рация.

– Первый, Снайдер вернулся.

– Принято.

Рязанцев, отметив про себя, что Каиров начинает работать качественнее, нажал тангенту и вызвал Мадину:

– Пятая, ответь первому.

– Пятая слушает.

– Доложи обстановку.

– Все нормально.

– Кто зашел на этаж?

– Вернулся тот импозантный.

– Дальше.

– Прошел к себе в номер.

– И все?

– Кажется да.

– Точно?

– Ну он только в дверь нашего объекта стукнул один или два раза на ходу и все...

– И это ты называешь ничего не случилось? Пятая после одного из этих стуков могла начаться третья мировая война.

– Да он даже не останавливался...

– Приказываю докладывать обо всем. Даже если муха залетит из коридора в номер объекта. Понятно.

– Да.

– Работай.

16.59 (M) – 19.59 (C) – 08.59 (B) Москва КГБ СССР

Степной сидел на телефоне оперативной связи и комментировал Соболеву переговоры с Семипалатинском:

– Подполковник Еркенов докладывает, что один из членов американской делегации Билл Снайдер покинул гостиницу и посетил места отдыха молодежи, в которых вступал в многочисленные контакты.

– Хорошо. Работаем дальше.

Пока Степной уточнял детали происшествия и завершал

разговор с Еркеновым полковник расстелил на столе карту Семипалатинска.

– Вот смотри здесь гостиница, вот парк. Расстояние около двух километров. Куда он там еще заходил по дороге?

– В кафе «Достык» ...

– Вот оно почти на середине пути. Кто такой этот Снайдер?

– По версии контрразведки установленный сотрудник ЦРУ.

– Правильно, а значит помощник Милнера.

– Да, Еркенов сообщил, что оперативно-техническая служба зафиксировала звонок Милнера в номер Снайдера. Они коротко переговорили, после чего наружка доложила о том, что Снайдер вышел в город.

– Все правильно...

– А не попытка ли это..., – Степной замялся, подбирая слова, – спровоцировать новый скандал?

– Каким образом?

– Какое-нибудь происшествие с этим Снайдером в многолюдных местах?

– Мало вероятно. За безопасность членов делегации мы отвечаем только в пределах программы пребывания в СССР, а вылазка Снайдера – это частная акция и он сам несет ответственность за ее возможные последствия. Ведь наши люди, когда находились на испытаниях в Неваде не поехали развлекаться в Лас-Вегас, так как знали, что их безопасность в

этом криминальном городе никто обеспечивать не будет.

– И что ты обо всем этом думаешь? – поинтересовался зам.

– Что он делал в кафе? – не отвечая на вопрос друга, быстро спросил полковник.

– Раздавал сувениры...

– Думаю – это отвлекающий маневр, – решительно заявил Соболев.

– Почему?

– Сначала в город выходил Милнер. Зачем? Нам не известно. Затем его помощник...

Полковник замолчал и надолго задумался, как шахматист перед решающим ходом. Степной молча перебирал документы, наводя порядок в папках.

– Ликвидация высокопоставленного чиновника – это очень громкая акция. Если в других странах ЦРУ прибегала к таким радикальным методам, то делало это чужими руками. В нашей стране они таких грязных операций никогда не проводили, а сейчас решили, что обстановка позволяет и ради такой цели стоит рискнуть. «Исполнителя» мы знаем... Зачем вводить в операцию еще одного посредника? Чем больше участников, тем выше риск расшифровки...

Нет, вылазка Снайдера – это все-таки отвлекающий маневр. Нас дергают и пытаются увести от главной цели. У Милнера до сих пор нет оружия для завершения операции, и кто-то должен его ему передать. Времени уже практически

нет, в Семипалатинске начинается банкет, а на «Дублера» мы еще не вышли даже в области предположений. Вот на чем нам надо сосредоточиться.

В это время раздался звонок телефона прямой связи с генералом Тумановым. Соболев поднял трубку и бодро ответил: «Есть», спросил Степного:

– У нас объективка на этого Снайдера далеко?

– Уже приготовил.

– Положи, пожалуйста в папку для доклада.

Завязав галстук и взяв папку, полковник посмотрел на часы и решительно обратился скорее к себе, чем к заму:

– Время артподготовки закончилось. Начинается реальная война.

– Д-а-а-а, мы планировали немного по-другому..., – задумчиво откликнулся Степной.

– Планирование лишь повышает шансы на успех, но не гарантирует его, – ответил Соболев и вышел из кабинета.

Глава 9

21.39 (С) – 18.39 (М) – 10.39 (В) Семипалатинск, ресторан гостиницы «Иртыш»

Рязанцев посмотрел на часы. Судя по времени банкет близился к завершению. Капитан достал из внутреннего кармана пиджака пакетик со снотворным, аккуратно открыл его и

высыпал содержимое в приготовленный бокал. Взял со стола бутылку «Джек Дэниэлс» и как хороший бармен наполнил бокал до нормы «двойной виски». Посмотрел на свет и убедился, что порошок полностью растворился и напиток остался прозрачным.

Бросив взгляд в зал Рязанцев увидел, что все пока идет по плану. Балет варьете готовится для заключительного номера, а музыканты закончили перерыв и разбирают музыкальные инструменты. Марек за столом для прессы что-то оживленно обсуждает со своими коллегами. Айгуль грациозно идет на кухню за чистыми фужерами.

Рязанцев на секунду отвлекся, чтобы взять пустой пакетик из-под снотворного со стола и спрятать его в карман, а когда вновь посмотрел в зал, увидел, что ситуация кардинально изменилась. Главный герой следующего эпизода – Марек, сильно пошатываясь выходил из зала.

Рязанцев, быстро взяв со стола рацию вызвал Каирова, дежурившего у дверей ресторана.

– Куда пошел Марек?

– Кажется в туалет.

– Быстро вытащи его оттуда и пускай пулей летит в зал, скоро его выход.

– Понял, а если он...

– Скажи, что если он сейчас же не вернется в зал, то ты его убьешь.

– Все так серьезно?

– Очень и давай ракетой. Жду.

Рязанцев взял со стола бокал с виски и быстро спустился вниз. В это время оркестр грянул «Канкан». Айгуль ждала на кухне. Ловко поставив на разнос фужеры и бокал с виски, она спросила:

– Где журналист?

– Сейчас будет. Иди к бару и жди там. По пути передай конференсье чтобы артисты повторили номер на бис.

– А он...

– Добавь, что это моя большая просьба. Думаю, этого будет достаточно.

– А если журналист не появится?

– Тогда тост будет произносить директор ресторана. Кстати, он стоит на выходе в зал, попроси его, чтобы прошел ко мне на кухню. Дальше все по сценарию.

В это время ожила рация:

– Он пьян, – доложил Каиров.

– Срочно попроси кого-нибудь с ресепшена накапать в стакан воды 5-6 капель нашатыря и заставь его выпить. После этого тащи в туалетную комнату умой его холодной водой и сильно разотри уши. Как понял?

– Выполняю.

На кухне появился директор и вопросительно посмотрел на Рязанцева.

– Ашот Арутюнович, – начал капитан, стараясь перекрыть оркестр. – Пришло время произнести тост за совет-

ско-американскую дружбу. Лучше вас никто с этим не справится.

– Но я не готов? – заартачился директор.

– Армянин не готов сказать тост? Это что новый анекдот? – недобро усмехнулся капитан.

– Но что подумает руководство области и другие гости? – продолжал протестовать директор.

– Эти мелкие проблемы оставьте мне. И потом, тост гостеприимного хозяина всегда венчает торжественное застолье. Или я не прав? – уже с явной угрозой спросил Рязанцев.

– Я не знаю... – начал сдаваться Ашот Арутюнович.

– Идите готовьтесь, пожалуйста. Выберите напиток, соберитесь с мыслями и как только закончится выступление артистов начинайте. И главное попросите всех выпить до дна в знак искренности намерений, как у нас принято.

– Хорошо, но...

–Идите, идите, Ашот Арутюнович. Вам зачтется. Обещаю, что ОБХСС год вами интересоваться не будет.

Вновь послышались позывные рации:

– Первый, журналисту плохо, но он потихоньку начинает соображать.

– Дай ему рацию.

– Слушаю, – послышался слабый голос Марека.

– Ты меня хорошо слышишь? – гневно прорычал Рязанцев.

– Не очень... Мне плохо...

– Так вот, ублюдок, иди в зал и расскажи дяде, что ты делегировал последний тост хозяину ресторана, так как плохо себя чувствуешь.

– Он меня убьет...

– Не убьет, а я тебя точно посажу, как и обещал, – с угрозой заверил капитан.

– Ну, Макс..., – взмолился журналист.

– Передай рацию Каирову.

– Слушаю, – сообщил прапорщик.

– Встряхни его как следует и под конвоем доставь к столу, где сидит руководство обкома партии. Дядю Марека знаешь?

– Видел...

– Вот прямо к нему. Проследи, чтобы Марек хоть что-нибудь говорил. Артисты стараются так, что почти ничего слышно не будет.

– А если журналист не будет говорить?

– Пни его побольней или руку сожми, но, чтобы незаметно, пусть хоть заматерится что ли. Лишь бы не молчал. Прдержитесь возле дяди пока директор ресторана не начнет говорить тост. После этого оставь Марека дяде, а сам ретируйся. Все понял?

– Не совсем...

– Иди выполняй. Нам главное, чтобы Марек отвлек распорядителей банкета до начала тоста директора. Действуй. Рацию не отключай.

Дальше все пошло по новому плану. Балет варьете повто-

рил номер на бис, директор ресторана под удивленные взгляды руководства обкома партии произнес пышный тост, Айгуль раздала шампанское. Вот только Милнер бокал с виски не взял. Официантка поставила его на стол рядом с американцем и удалилась. Все присутствующие, кроме Милнера выпили.

Рязанцев стоял в кабинете директора и напряженно смотрел как руководство советской и американской делегаций прощаются как будто навсегда, хотя утром им вместе ехать в сторону полигона. Все участники застолья вышли из-за столов, перемешались, громко говорили и смеялись. Кто-то пил с коллегами «на посошок», но большая часть гостей потихоньку двигалась к выходу из зала. Только Милнер сидел и смотрел на все это отрешенным взглядом. «Похоже, – подумал Рязанцев, – наш объект уже попрощался с руководством и ждет пока все покинут зал, чтобы еще раз проверить возможные пути отхода. Но если он не выпьет виски, нам с Каировым придется ох как тяжело». Наконец Милнер протянул руку и взяв бокал с виски внимательно посмотрел его на свет.

– Ну, давай, давай пей, ну чего же ты, – шептал Рязанцев заклиная американца. – Тебе же сейчас идти убивать людей, а это трудная работа. Давай, Джон...

Милнер нехотя поднял бокал к чуть приоткрытому рту и начал медленно цедить виски сквозь зубы.

Рязанцев нажал тангенту и приказал Каирову:

– Следи за Милнером, иди за ним вплотную. Ему очень скоро понадобится помощь. Тихо подхватишь его и доставишь в номер. На обратном пути предупреди дежурную по этажу, что мистер Милнер плохо себя чувствует и просил его не беспокоить. Жди меня на аварийной лестнице. Я скоро буду.

– Принято.

– Выполняй.

Милнер цедил виски и успокаивал себя, настраивал на самый опасный этап завершающейся операции. «Все пока идет хорошо. Первую часть «Ящика Пандоры» «Орнитолог» отработал неплохо. Направил русских контрразведчиков в номер сотрудника ЦРУ копать в ничего не значащих бумагах, напечатанных на принтере Снайдера и продержал там сколько было необходимо. Зачистил гостиницу, где живет американская делегация от засилья контрразведчиков, но как он поведет себя на смертельно опасном заключительном этапе совершенно не ясно».

Джон посмотрел на часы и начал вставать из-за стола. «Надо успеть все сделать до того, как руководитель делегации ляжет спать. По прогнозам этого умника Райдера оружие мне должны доставить в самое ближайшее время...».

И вдруг Милнер почувствовал легкую слабость, которая вмиг сделала ноги какими-то ватными. Джон попытался растереть их энергичными движениями по бедрам и икрам, но

тело постепенно становилось неуправляемым. «Значит в последний бокал с виски что-то было подсыпано», – догадался Милнер и насколько мог, быстро двинулся к лифту. «Надо успеть вколоть антидот. Отравить меня они не могли. Еще один скандал с дипломатом им не нужен... Хотя нас это никогда не останавливало. И все-таки судя по реакции организма – это снотворное. Если простое, то ничего страшного...». «Черт почему так медленно движется этот лифт?». Милнер чувствовал, как слабеют руки и начинают «тяжелеть» веки, но на автопилоте он буквально вывалился из лифтовой кабины, добрался до номера, достал из кейса аптечку, извлек из нее розоватый шприц-тюбик, с размаху воткнул иголку сквозь брюки в бедро и выдавил содержимое. Он ждал несколько секунд, но облегчения не наступало. Милнер хотел подняться с дивана и позвонить помощнику, но не успел. Уронив аптечку, он откинулся на спинку дивана и застыл в позе человека, вернувшегося с вечеринки и раздумывающего, что делать дальше, но внезапно «вырубившегося» от усталости и воздействия чрезмерных доз алкоголя или наркотиков.

Через несколько минут в номер Милнера бесшумно проскользнули Рязанцев с Каирым. Оперативник знаками показал помощнику с какой стороны зайти, они быстро и слаженно раздели американца, расправили кровать, уложили его и укрыли одеялом. Рязанцев показал Каинову, чтобы

тот выключил свет. После этого достал из кармана фонарик, включив его и передав помощнику, а сам начал ковыряться в телефоне, чтобы отключить его без возможности быстрого подключения.

В это время в дверь осторожно постучали. Рязанцев замер и сделал знак Каирову, чтобы тот не двигался. Оперативник еще собирался с мыслями что делать дальше, как снаружи послышались поспешные удаляющиеся шаги. Быстро забрав шприц Рязанцев, подошел к двери, прислушался, поманил к себе Каирова и они, бесшумно открыв номер пересекли коридор и скрылись в комнате дежурной по этажу.

– Мадина кто стучался в номер Милнера несколько минут назад? – спокойно спросил Рязанцев.

– Я не успела заметить, – виноватым шепотом ответила «контролерша».

– Как это? Ведь отсюда все просматривается? – попытался «нагнать жути» Каиров, указывая на аппаратуру, но Рязанцев оборвал его, – Он что с аварийной лестницы зашел?

– Я думала раз вы зашли в номер, то не надо его контролировать, решила немного отдохнуть и чаю попить...

– Попила? – опять не выдержал Каиров.

Тут вмешалась дежурная:

– Лифт я не слышала. Наверное, он зашел с аварийной лестницы. Когда услышала стук, я подумала, что это где-то дальше на этаже американцы друг к другу в гости ходят,

но потом решила выглянуть из дежурки, может кому-нибудь что-то надо..., а он уже обратно на аварийную лестницу выходил

Рязанцев резко развернулся в ее сторону:

– Значит это был мужчина?

– Да. Я лица его не видела, только со спины. Разглядела только, что он в кроссовках и темном спортивном костюме таком как у американцев с капюшоном, накинутым на голову.

– Рост?

– Средний или чуть выше, около 175 сантиметров.

– Кроме американцев ты кого-нибудь в гостинице в точно таком же костюме видела?

– Нет только они по утрам бегают по набережной Иртыша, их несколько в таких же костюмах, правда цвета разные и надписи тоже.

– У этого, что написано было?

– На спине ничего...

– А комплекция у него какая? Толстый, худой... – не выдержал Каиров.

– Скорее плотный.

– Двигался быстро?

– Да, но как-то испуганно.

– Как это испуганно? – строго спросил Каиров, за что удостоился очередного грозного взгляда опера.

– Ну не как человек, который быстро что-то делает, но не

боится того, что делает. А этот постучал, а сам убегает, будто боится, что его застанут.

– Как дети, когда шалят и стучат в квартиру старушки, а сами убегают и смотрят из-за угла как она ругается... –
понял Рязанцев

– Да, да именно так.

– Как ты думаешь он услышал, что ты открыла дверь? –
после паузы обратился к дежурной капитан.

– Не знаю, – неуверенно протянула дежурная.

– Спасибо Сауле. Если что еще вспомнишь, скажи, Нам это очень важно.

Рязанцев встал, сурово посмотрел на Мадину, но ничего не сказал, а обратился к Каирову:

– Пойдем на лестницу я кое-что важное тебе поясню.

Выйдя на аварийную лестницу и закрыв дверь на этаж Рязанцев тихо, но строго выговорил Каирову:

– Что у вас за манера такая в наружке, «давить» на человека? Где вас этому учат? – И не дожидаясь ответа, отдал распоряжение, – Спустишься вниз позвони подполковнику Еркенову, он у себя в кабинете, доложи, что объект в номере. Дальше он сам знает, что делать.

– А если он «пытать» начнет что да как?

– Скажи, что ничего не знаешь, а передаешь то, что просили и все.

– Но от Турлыбека Амантаевича так просто не отвяжешь-

ся...

– Повтори, что ты ничего не знаешь, ты в вестибюле и у тебя много работы, а вокруг одни иностранцы, и повесь трубку.

– Да, тебе легко...

– Все. Прекрати ныть, – жестко приказал капитан. – До утра будь в вестибюле, слушай рацию. Если начнешь «отрубаться» выпей вот эту таблетку.

Рязанцев достал пакетик с тонизирующим препаратом и порвав его напополам, вручил таблетку «семерочнику».

– Я буду здесь в «дежурке», вдруг этот незнакомец вернется или кто-то другой вздумает разбудить нашего объекта. Если понадобится вызову – лети пулей.

– А если я увижу этого незнакомца в спортивном костюме? Отследить? – с азартом предложил прапорщик.

– Нет. У нас другая задача. Держать Милнера до самого утра пока не улетит. С этим посетителем потом разбираться будем. Вопросы есть?

– У матросов нет вопросов, – браво отрапортовал Каиров.

– Иди работай, матрос. Если все сделаем как надо буду просить перевести тебя в опера. Думаю, Еркенов поддержит.

Рязанцев вернулся в комнату дежурной, налил кружку растворимого кофе и открыл шкаф, чтобы продолжать контролировать номер Милнера.

– А что делать мне? – шепотом спросила Мадина.

– Не мешать. Вот ключи от номера, где утром мы встре-

чались, иди ложись и спи. В шесть утра, если ничего не случится разбужу. Рацию не отключай.

Этаж был пуст и тих, видимо американцы слишком устали от хлебосольства новоявленных семипалатинских друзей. Это вполне устраивало Рязанцева, но он понимал, что пока Милнер не улетит расслабляться нельзя. Чувствуя, что силы уже на исходе, опер принял таблетку «бодрости», запив ее кофе и приготовился ждать до утра.

«Интересно, почему Снайдер не боится Милнера? Ведь по предположениям Соболева операция по ликвидации должна была начаться сразу после банкета... Значит Снайдер не посвящен в план «Б»? Или... Нет, голова окончательно отказывается соображать. Остается только на чисто морально-волевых работать по факту. Физически до утра меня должно хватить, а как там Каиров?

– Второй, ответ первому.

– Первый я на связи.

– Как там обстановка?

– Тихо.

– Сам как?

– Нормально. Держусь пока без твоей химии.

– Молодец. Связь каждые полчаса...

– А это еще зачем?

– Чтобы тебе не скучно было. До связи.

20.28 (М) – 23.28 (С) – 12.28 (В) Москва КГБ СССР

Когда Соболев вернулся от генерала, Степной заканчивал разговор по оперативной связи с Семипалатинском.

– Что там? – нетерпеливо поинтересовался полковник.

– Еркенов докладывает, что Рязанцев передал через посредника «все в порядке, объект отдыхает».

– Неужели ему удалось переиграть Милнера...

– Получается так.

– Молодцы, черти! – эмоционально воскликнул Соболев.

– Ты о ком так? – озадаченно спросил зам.

– Наши ребята все-таки смогли переиграть это хваленое ЦРУ.

– Может быть еще рано праздновать победу?

– Это ты правильно, Юра. Извини не сдержал эмоций. Давай дождемся отлета Милнера.

Глава 10

13 сентября 1988 года (вторник)

06.00 (С) – 03.00 (М) Семипалатинск гостиница «Иртыш»

Послышался далекий звонок будильника. Рязанцев встряхнулся, посмотрел на часы, взял рацию и запросил:

– Второй, это первый. Ты еще живой?

– Чуть-чуть..., – тихо ответил Каиров.

– Потерпи немного осталось. Объект, кажется, проснулся.

– Принял.

Милнер услышал звонок будильника не сразу, но как только сознание стало к нему возвращаться он вскочил, выключил будильник и сел на кровати. Затем, посмотрел на наручные часы и попытался вспомнить события вчерашнего вечера, но память была как чистый лист бумаги. С трудом восстановив свои действия до банкета, Милнер как не пытался ничего не мог вспомнить о том, что было после. Джон поднял телефонную трубку и набрал номер Снайдера:

– Привет, Билл.

– Привет.

– Как ты там?

– Нормально, собираюсь, нам скоро выезжать. Ты извини, шеф попросил срочно зайти, хочет что-то исправить в тексте своей предстоящей исторической речи на полигоне.

– Постой я что-то перебрал вчера на банкете. Все закончилось нормально?

– Да и ты тоже вроде был в порядке. По крайней мере, когда заходил к себе в номер. Может быть потом как мы с тобой накануне... продолжил?

– Скорее всего. Удачи, пока.

– Пока.

Милнер окончательно осознал, что провалил операцию

«Ящик Пандоры», но как настоящий профессионал он был спокоен и сосредоточен. Настала пора спасать свою шкуру и действовать по плану Эспозито. Пускай дальше с этими русскими воюет Майкл Хоуден, если, конечно, его не уволят.

– Первый, объект садится в машину, – докладывал Каиров.

– Ваши на хвосте?

– Да.

– Переключись на них и попроси, чтобы проводили объекта... до самого вылета самолета, – отдал распоряжение Рязанцев.

– Принято. Доклад, когда самолет будет в небе.

14 сентября 1988 года (среда)

18.00 (М) – 21.00 (С) Москва КГБ СССР

Заключительное совещание Координационного центра зампред начал на мажорной ноте, поздравив присутствующих с успешным завершением САИ. Затем он перешел к более прозаичным вещам, предвещая серьезный разбор полетов по результатам провала в Семипалатинске.

– Все завершилось без последствий благодаря случайности... – гремел праведным гневом зампред.

«Случайностей не существует – все на этом свете либо ис-

пытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие» – как сказал Вольтер», – про себя устало отметил Соболев.

Генерал продолжал свою обличительную речь, но полковник его уже не слушал. Прошло какое-то время, и бесконечно уставший за эти недели Соболев вдруг понял, что не знает, как долго зампред распространяется по поводу ошибок, допущенных при осуществлении операции «Паритет». Усилиями воли полковник заставил себя вернуться к происходящему на заседании Координационного центра.

После совещания зампред оставил руководителей Главков и начальника 6 Управления, но во время короткой паузы, связанной с тем, что кабинет покидали остальные участники совещания, Туманов сделал знак Соболеву, чтобы он подождал в приемной.

Когда Соболев вернулся с совещания, Степной, остававшийся на связи приготовил небольшой походный фуршет.

– Что у нас за праздник? – сдержанно поинтересовался полковник.

– Так САИ завершен и при этом никаких потерь.

– Действительно САИ провели... правда насчет потерь пока еще не все ясно...

– Ты о чем, Андрей? – насторожился зам.

– На итоговом совещании по САИ зампред предупредил, что будет проведено тщательное и всестороннее расследование причин едва не приведших к срыву важнейших совет-

ско-американских договоренностей.

– Понятно, наш генерал...

– Не спеши, – остановил полковник. – После совещания Туманов пригласил меня в свой кабинет, он переводится на работу в ЦК КПСС..., а значит при расследовании наше 6 Управление может остаться без защиты. Правда генерал тоже это понимает и заверил, что с зампредом и руководством парткома Комитета переговорит...

– Чтобы нас не уволили? – перебил Степной.

– Чтобы в его биографии за время работы в КГБ не было «темных пятен». Но одно другому не мешает. Думаю, что в конечном счете это нам поможет, но, нужно готовиться к проверкам и разбирательствам. Ты ребят вызвал?

– Да завтра прилетают.

– Вот и хорошо. Поговорим спокойно, все обсудим и отправим их в отпуск. А сами будем держать оборону до последнего.

– Сейчас бы в отпуск, – мечтательно пропел Степной.

– Сейчас объяснительные будем сочинять, чтобы строгача на получить по партийной линии.

– Ну да выговор, куда комфортнее строгого выговора..., – с готовностью согласился зам.

– Да не это главное, Юра. Главное, что мы выполнили свой долг и дали возможность для наших стран провести этот САИ, а в глобальном смысле и притормозили гонку ядерных вооружений, – устало, сказал полковник, и закрыв папку с

документами с ноткой оптимизма добавил, – И еще, теперь мы точно знаем, что в США есть люди, которые, как и мы, стремятся к миру, к сближению наших стран. Может быть когда-нибудь что-то из этого получится.

– Блажен кто верует... – засомневался Степной.

– На том стоим... – с уверенностью выдохнул Соболев.

– Давай по чуть-чуть отметим. Все-таки большое дело сделали.

После первого тоста Соболев снова вернулся к только что завершившимся событиям:

– Наши ребята просто молодцы. Они сумели спасти не только наших контрразведчиков, но и честь КГБ и престиж страны.

– Может быть написать представление на государственные награды? – предложил Степной.

– Нет, ему не дадут хода. У руководства оценка операции совсем противоположная – провал. В этом противоречии, как я полагаю, кроется на сегодня главная проблема в работе нашего уважаемого с тобой Комитета. Партийная номенклатура в ЦК ждет от КГБ информацию, которая должна совпадать с их представлением о ситуации в стране и мире. Но кроме того, уже у нас в КГБ появилась своя партноменклатура, которая тоже следит за тем, чтобы в ЦК не попала информация, которая не понравится руководству партии. Так что даже если мы с тобой попытаемся подготовить документ о том, что в провале операции «Паритет» что-то

не так, и только наши орлы ее спасли, то наша внутренняя номенклатура не пропустит этот документ наверх. Поэтому даже заикаться о нашей операции «Вариант» нет смысла, и мы ничего и никому докладывать не будем. Пусть военная контрразведка напишет о «Паритете» хороший отчет, который устроит руководство КГБ. Ведь в конце концов все закончилось благополучно – САИ успешно проведен. дружба и сотрудничество между народами СССР и США с каждым днем крепнет, миротворческие инициативы Горбачева находят отклик во всем мире.

– Да, это так, но наших ребят, которые на самом деле спасли САИ, вместо поощрений будут терзать в рамках служебного расследования, – с досадой заметил зам.

– Поэтому мы и отправляем их с завтрашнего дня в отпуск. С генералом этот вопрос я тоже согласовал. А нам с тобой не привыкать к различного рода проверкам. Да и на твое умение через, как сейчас горят неформальные связи, договориться с контрразведкой о совместной обороне я очень надеюсь.

– Ну это как получится..., – неопределенно пообещал Степной.

– Давай отложим этот разговор на завтра. У меня еще кое-какие вопросы есть по всей этой операции, но как сказал Туманов на прощание – «У нас успех – общий, а неудача дело всех». Непонятно, но здорово.

– Тогда может досрочное присвоение очередного воин-

ского звания попробовать протолкнуть? – не унимался Степной.

– Да, это может пройти. Тем более с твоими связями. Но давай сначала дождемся результатов расследования, а потом, если останемся в Комитете, попробуем решить этот вопрос.

15 сентября 1988 года (четверг) – 10.00. Москва, КГБ СССР

Полковник Соболев, тепло встречал своих аналитиков, на этот раз явно пренебрегая требованиями субординации:

– Привет, ребята! Как долетели?

– Нормально... – смущенный неожиданным поведением начальника, по неуставному ответил Рязанцев.

– Проходите, рассаживайтесь. Мы с Юрием Александровичем чай приготовили, чтобы вы с дороги немного в себя пришли.

– Ага, и пряников напекли, – добродушно усмехнулся Степной.

После неформального обмена бытовыми новостями во время чаепития, Соболев перешел к официальной части заключительного совещания группы по САИ.

– Вчера на Семипалатинском государственном испытательном атомном полигоне завершились совместные советско-американские испытания, которые дали возможность нашим дипломатическим службам продолжить женеvские

переговоры по сокращению ядерных вооружений! Это историческое событие, к которому оказались причастны и мы с вами.

Товарищи офицеры!

Все присутствующие, встали и приосанились.

– От имени руководства Комитета государственной безопасности СССР выражаю Вам большую и искреннюю благодарность за надлежащее выполнение своих обязанностей и безукоризненное обеспечение безопасности советско-американских испытаний!

– Служим Советскому Союзу! – дружно откликнулись офицеры.

– Прошу садиться. Давайте перейдем непосредственно к рабочему совещанию. Прошу не превращать сегодняшний обмен мнениями в формальность. Просто давайте разберем и обсудим наши действия во время операции «Вариант», чтобы в дальнейшем нам избежать некоторых недочетов и улучшить подготовку к предстоящим контрразведывательным операциям. Поэтому высказывайтесь честно и открыто. Все, что мы сегодня скажем останется в стенах этого кабинета, но пополнит наш оперативный багаж новыми знаниями. Начнем наш анализ с действий старшего лейтенанта Тоболина. Олег Алексеевич, можете докладывать с места или как вам удобно.

– Даже как генерал Туманов, беспрестанно вышагивая по кабинету? – пошутил, чтобы разрядить обстановку Степной.

– Даже как Иосиф Виссарионович Сталин с неизменной трубкой, – в тон ему ответил полковник.

Тоболин доложил в хронометрической последовательности о выполнении своего задания и толково ответил на вопросы. Полковник похвалил подчиненного, но заметив какое-то подавленное настроение старшего лейтенанта, не стал мучать его детальным разбором некоторых шероховатостей.

После этого настало время Рязанцева, который выступил более раскрепощенно. Такой стиль изложения капитана, порадовал подполковника Степного, но на Соболева не произвел должного впечатления.

– Ты знаешь, как называются твои действия? – строго спросил полковник у Рязанцева при разборе эпизода с применением снотворного при нейтрализации Милнера.

– Знаю, авантюра, – ответил капитан потупившись.

– Нет, великий русский полководец Суворов называл это солдатской смекалкой. Без которой невозможно выиграть ни одно сражение. – Увидев, что подчиненный расплылся в довольной улыбке, полковник жестко добавил: – Но ты не обольщайся, и побыстрее забудь про свое удачно сошедшее с рук сумасбродство, а будешь распространяться пойдешь под трибунал.

– Уже забыл, – со вздохом разочарования отреагировал Рязанцев.

– Молодец, – похвалил Соболев.

После этого полковник выступил с кратким анализом опе-

рации «Вариант», обратил внимание на отдельные недочеты и отметил удачные решения подчиненных. В заключение выразил благодарность молодым офицерам:

– Спасибо, за работу ребята! Вы сделали большое дело. Сейчас даже сложно оценить степень его важности. К сожалению, в Комитете, да и не только наступают немного не те времена, когда за такую беззаветную службу Родине раздают заслуженные награды. Но думаю, что ваши потомки будут гордиться вами, как мы с Юрием Александровичем гордимся сейчас, – Соболев сделал паузу, и скупно улыбнувшись сообщил, – Тут, Юрий Александрович для вас путевки в наш санаторий в Геленджике организовал на 24 дня, отдохнете с семьями. Тоболин может там за это время невесту найдет. Вернетесь, в Комитете не надо появляться, позвоните. К тому времени..., – полковник немного сбился, но быстро поправился и бодро закончил, – А теперь вперед в отпуск и до встречи. А вас подполковник, – Соболев развернулся в сторону Степного – я попрошу остаться...

– Помнишь, Юра, – начал Соболев, когда за аналитиками закрылась дверь, – я говорил тебе, что с этим провалом контрразведки что-то не так?

– Ты уже несколько раз начинал разговор на эту тему, но всякий раз, что-то тебя останавливало.

– Так вот настало время разобраться с этим сложным ребусом.

– Что ты имеешь в виду? – не понял зам.

– У меня есть подозрение, что операцию ЦРУ в Семипалатинске кто-то корректировал и прикрывал здесь в Москве...

– У тебя есть веские основания или это твои домыслы? – обеспокоенно перебил зам. – Потому что если нет доказательств – это...

– Подумай сам, – не дослушал полковник. – Вся операция ЦРУ была построена на том, что наши контрразведчики зайдут в номер Милнера. А ведь они могли и не зайти? Даже не так... они не должны были заходить. Ведь накануне САИ руководство Комитета и кураторы из ЦэКа несколько месяцев вдалбливали нам – никаких провокаций против членов американской делегации. Несмотря на это кто-то отдает приказ направить контрразведчиков в номер Милнера, под предлогом того, что есть информация о каких-то важных документах, которые имеются у американца. Ты только вдумайся в обоснование операции нашей контрразведки. В кейсе установленного сотрудника ЦРУ должны быть какие-то инструкции для какого-то неизвестного нам агента. Ну это полный бред..., – завелся полковник.

– Ну почему бред? – спокойно возразил заместитель, – Вполне возможно, что в Семипалатинск или его окрестности, там много воинских частей стратегического назначения, был переведен действующий агент ЦРУ...

– Да? И для связи с ним используют главного исполнителя операции по срыву САИ... Юра, ты сам себя слышишь? О

чем ты говоришь?

– Согласен немного перегнул...

– Да здесь все притянуто... В результате никаких секретных документов у Милнера не оказалось, а те бумаги, что были обнаружены, оказались макулатурой, годной только для растопки печи. При этом бригаду контрразведчиков и сотрудников ОТО, которая осуществляла досмотр и доложила, что в кейсе ничего стоящего нет держали в номере до тех пор, пока там не появился Милнер в сопровождении представителя госдепа и не зафиксировал грубое нарушение Женевских договоренностей. Кейс Милнера примитивная ловушка, но она бы не сработала, если бы не тот человек, который отдавал распоряжение о дополнительном тщательном осмотре номера. Вроде как проявлена бдительность, но на проверку предательство. Причем скорее всего распоряжение было устным и следы отдавшего его, найти сложно, хотя число имевших эту возможность ограничено.

– То есть ты хочешь сказать, что кто-то из наших помогал Милнеру? – возмутился Степной.

– Не просто помогал, а координировал операцию ЦРУ – убежденно подтвердил полковник.

– Этого не может быть...

– Я тоже так думал, но факты упрямая вещь.

– Фактов пока никаких, но какая-то логика в этом твоём допуске возможно есть, – допустил Степной.

– Хорошо, хоть с наличием логики в моих заключениях

ты согласился, – с иронией отметил Соболев.

– Как же так можно? – искренне возмутился зам.

– Ты, о чем, Юра?

– О предательстве...

– Предательство? – полковник попытался сформулировать. – Предают ради денег или славы... Причем предают все кроме героев, стойков и патриотов...

– А мы кто? – яростно набросился Степной.

– Наверное патриоты, – утвердительно предположил полковник, – хотя это слово давно стало каким-то ругательным, наверное, еще после того, как его "нацепили на себя" фашисты всех мастей...

– А мог быть это сам Уткин? – прервал размышления начальника подполковник.

– Наверяд ли. Если бы он был агентом ЦРУ, то американцы сейчас бы уже выдернули его из СССР, как в случае с Гордиевским, чтобы не допускать дело до окончательного разбирательства. А раз этого не произошло... , – полковник сделал паузу, чтобы точнее сформулировать заключение, – Думаю, это был кто-то повыше...

В этот момент зазвонил прямой телефон заместителя председателя КГБ, Соболев поднял трубку, четко ответил «Есть» и кладя ее на аппарат, сказал Степному;

– Вызывают. Подождешь у меня?

– Да, – согласился Степной и ободряюще пожелал, – Удачи.

– Спасибо, думаю она не повредит.

Соболев вернулся через полчаса. Молча открыл сейф и начал перекладывать в него папки со стола. Степной понял, что произошло нечто неприятное и полковник не в духе, но тем не менее задал вопрос:

– Что случилось?

– Все нормально, – повернулся Соболев лицом к другу, – написал рапорт на увольнение по состоянию здоровья.

– Что? – возмутился зам, – Так ты же здоров как бык...

– У начальства другое мнение, – заметил полковник.

– Предложение, от которого нельзя отказаться? – догадался Степной. – Но ты же говорил, что нас профессионалов не тронут...

– Видимо недооценил время, в которое мы живем и переоценил себя...

– Тогда я тоже рапорт напишу ..., – решительно заявил зам.

– Ты останешься здесь, – жестко приказал полковник, – Для того, чтобы уберечь наших ребят от разбирательств и увольнения.

– Были ли варианты альтернативные увольнению? – после паузы спросил Степной.

– Нет. Как я понимаю спасают контрразведку. Из ЦэКа по результатам расследования провала в Семипалатинске требуют кого-то наказать, а наши доложат, что уже выполне-

но.

– Но мы там никаким боком..., – возмутился зам.

– В бумагах по операции «Паритет» мы определены как ответственные за безопасность САИ, значит доложат наверх, что контрразведка проводила мероприятие содействия, которое мы не проконтролировали. Туманов ушел и нас защищать стало некому. Зампред предупредил, что в Комитете назревает реорганизация и наше Управление может быть упразднено в первую очередь.

– И ты не попросил зампреда разобраться...

– В этом не было смысла. С первых слов руководство дало понять, что виновато наше управление, поэтому надо было принимать удар на себя. Да что об этом говорить...

– Может быть пойдем ко мне домой? Посидим, жена чего-нибудь вкусенького приготовит, – предложил Степной, понимая настроение друга и пытаясь хоть чем-то помочь.

– Спасибо, Юра я сейчас хочу побыть один, подумать, как жить дальше. Поеду на квартиру к родителям. Они еще на даче живут, а у меня есть ключи. Домой позвоню, что останусь на работе... Да и как мы отдел бросим. Тебя сейчас тоже дергать начнут. Так, что ты тут оставайся, командуй, держи оборону, а я завтра утром приду дела сдавать, и потом в нашу поликлинику...

– Я попробую что-нибудь сделать..., – не удержался Степной.

– Не надо, Юра. Себя сгубишь и ребят, – полковник за-

крыл сейф и передал ключи Степному. – Мало ли что может понадобиться. Мне не звони, ты сам все знаешь и во всем разберешься.

Друзья крепко пожали друг другу руки, обнялись на мгновение, но полковник, не любивший таких проявлений чувств, резко прервал прощание, отстранился и вышел из кабинета.

Эпилог

Соболев, посмотрел на часы и заметив, что через несколько минут начнется информационная программа «Время», по многолетней привычке включил телевизор. В начале передачи, как всегда, шел блок новостей о последних успехах страны под руководством ЦК КПСС и лично М.С. Горбачева. Полковник не вникал в демонстрируемое на экране, а пытался сосредоточиться на рукописных мемуарах отца о последней войне, но, когда начали показывать заседание правительства, Соболев бросил взгляд на экран и увидев на трибуне руководителя советской делегации на САИ, включил звук громче.

После сообщения комментатора о том, что на Семипалатинском государственном испытательном атомном полигоне успешно завершились советско-американские испытания, в репортаже показали только заключительную часть доклада, где выступающий отметил:

«Уникальный совместный эксперимент по контролю за мощностью подземных ядерных взрывов позволил:

– повысить уровень взаимного доверия двух ядерных держав в проблеме ядерного контроля,

– открыть пути научного сотрудничества физиков ядерных оружейных лабораторий двух стран в области фундаментальных и прикладных исследований.

Но самое главное прошедшие советско-американские испытания – это зарождающаяся эра доверия... Будущего большого доверия между СССР и США. Такого еще никогда не было между нашими странами. И наша задача не нарушить эту хрупкую конструкцию. За эти несколько месяцев, что наши ученые работали вместе с американскими учеными, мы поняли, что, хотя мы и разные, но можем стать ближе и понятней друг другу на этом непростом пути поиска взаимопонимания...

«Но это, к сожалению, пока касается не всех, – подумал Соболев после завершения репортажа, – в США еще достаточно сильны ставленники ВПК, которые не хотят допустить сближения двух стран. А значит существует опасность нового противостояния. И чтобы этого не допустить мало усилий одних ученых, нужно чтобы что-то менялось и в настроениях правящих кругов США, в том числе и в ЦРУ, а пока... будем мечтать».

Используя результаты САИ, американские и советские специалисты смогли в течение 1989 г и первой половины 1990 г разработать и представить на подписание тексты Протоколов к Договорам "Об ограничении подземных испытаний ядерного оружия" и "О мирных ядерных взрывах". Осенью 1990 г конгресс США и Верховный Совет СССР ратифицировали оба Договора, и после обмена ратификационными грамотами в Хьюстоне (США) 9 декабря 1990 года эти Договоры вступили в силу.

Послесловие (Шпионы из прошлого)

14 января 1994 года (четверг) – 07.00. Семипалатинск, Республика Казахстан

Тоболин прилетел в Семипалатинск ранним утром, почти через шесть лет после окончания САИ. За это время очень многое изменилось. Распался казавшийся могучим и вечным Советский Союз, Казахстан стал независимым государством и его власти переименовали КГБ в Комитет национальной безопасности (КНБ). Одно только оставалось неизменным прямо у трапа самолета его встречал улыбающийся друг Максим Рязанцев.

– Привет, «Омега»! Со старым Новым годом! Сколько лет, сколько зим! – кричал молодеватый подполковник.

– Привет, «Альфа»! И тебя со старым Новым годом! – бо-

лее сдержанно приветствовал интеллигентный Олег.

Два контрразведчика крепко обнялись, после чего радуясь, как дети, толкая и задирая друг друга, громко и подчас одновременно восторженно, восклицая и смеясь, двинулись в здание аэропорта. Пассажиры и встречающие с удивлением смотрели, как двое мужчин с офицерской выправкой с удовольствием «тузили» друг друга кулаками по плечам.

Затем, уже в машине, друзья, продолжая перебивать друг друга, вспоминали различные курьезные эпизоды из прошлой совместной работы по операции «Вариант». Так, оживленно обмениваясь воспоминаниями и перемежая их житейскими новостями, доехали до гостиницы.

– Как насчет завтрака? – поинтересовался Рязанцев. – Здесь неплохой ресторан.

– Нет, спасибо, я лучше отдохну. Последние дни выдались очень сложными, – уклонился Тоболин.

– Хорошо, отдыхай, дружище, я заеду за тобой часиков эдак в двенадцать, отобедаем в одном уютном ресторанчике и махнем с тобой в нашу местную жемчужину – сосновый бор. Воздух там..., тишина... Возражений нет?

– В былые времена ты не очень-то прислушивался к чьим-то возражениям, боюсь сейчас ничего не изменилось, – смеясь согласился Тоболин. – Только один вопрос, из этого рая на обратный самолет я успею вернуться?

– А он у нас в понедельник?

– Нет, завтра утром.

– Так быстро? В кои-то веки заехал к старому другу в гости и всего на одни сутки? У тебя совесть есть? – начал бурно возмущаться Рязанцев.

– В следующий раз постараюсь подольше задержаться, да и вообще, может так случиться, что стану частым гостем и еще надоест успею, – пообещал Тоболин.

– Ловлю на слове, – уже спокойнее отреагировал подполковник. – Ну ты отдыхай пока, а я поеду кое-какую работу доделаю.

На динамовской лыжной базе, расположенной в лесном бору недалеко от города, друзья с удовольствием погуляли по живописным окрестностям, осмотрели достопримечательности, после чего, отужинав в местной столовой, удобно устроились в маленьком домике для спортсменов, накрыв импровизированный коньячный столик. Пришло время для обстоятельного, неспешного разговора.

– Ну выкладывай майор, – улыбаясь предложил Рязанцев, – в чем печаль твоя по нашему краю?

– А печаль, подполковник великая, – подхватил Тоболин, – враги проклятые...

– Так нет теперь врагов у государств наших свободных и независимых...

– Хотелось бы продолжить, но грустная сказка получится, поэтому перехожу к главному. Как ты знаешь РФ очень неторопливо и полюбовно расходится с РК. Проходит демарка-

ция границы, делится совместно нажитое имущество и подписываются различные протокола о дальнейшей дружбе. В частности, на основе совместных договоренностей в РФ вывозится документация с ядерного полигона. Однако большому другу нашей свободы и независимости – США, некомфортно оттого, что раздел происходит без битья посуды, поэтому они, то настаивают на быстрейшем уничтожении пусковых шахт для баллистических ядерных ракет, то на ряде других спорных моментов.

В настоящее время нашей разведкой получены данные, что американцы подготовили тайный проект «Хризолит» по вывозу более полутонны оружейного урана из Казахстана. Российские власти на эту информацию никак не реагируют. Все бы ничего, но осуществлять данное предприятие будут военизированные образования США, включая морпехов и специалистов военной разведки. И есть подозрение, что под прикрытием этого проекта Разведывательное управление министерства обороны (РУМО) может провести операцию по захвату документации, содержащей важнейшую государственную тайну.

– Ну и при чем здесь ты? – пользуясь возникшей паузой спросил Рязанцев.

– Дело в том, что наша военная контрразведка не может найти документацию по испытаниям гипероружия. Прежде всего не спрашивай, что это такое, сам толком не знаю и тебе не советую. На ядерном полигоне существовала ма-

ленькая лаборатория, которая занималась этим направлением, но, когда ее передислоцировали в РФ, оказалось, что аппаратура и оборудование в наличии, а совсекретная документация исчезла. Ученые, работавшие над созданием гипероружия, рассказали, что руководитель проекта «Гипер» заблаговременно вывез всю документацию в радиологический диспансер в Семипалатинске.

– Я знаю, где он находится, – включился Макс.

– Проблема в том, что военная контрразведка, которая курировала этот секретный диспансер действительно обнаружила там ящики с документацией по проекту «Гипер», но трех ящиков, в которых находились материалы по самым последним разработкам, на месте не оказалось.

Военные контрразведчики начали поиски руководителя проекта «Гипер» и быстро обнаружили его тело в семипалатинском морге. Оказывается, через несколько дней после сдачи документов в диспансер профессор (назовем его так) вернулся и забрал эти три ящика якобы для немедленной переправки в РФ. Однако, в машину на которой он двигался по трассе Семипалатинск – Рубцовск, в пяти километрах от казахстанского теперь города на огромной скорости въехала многотонная фура. Сам профессор с водителем и сопровождающим груз, представителем министерства обороны РФ погибли на месте, а документы исчезли.

– А что с водителем фуры?

– Он с многочисленными переломами попал в семипала-

тинскую больницу и там на следующий после аварии день скончался от передозировки наркотиками...

– Кто ему в больнице колол...

– Местная милиция закрыла это дело, – мрачно перебил Тоболин. – Военные контрразведчики пытались заполучить материалы по нему, но казахстанские братья отчего-то заартачились.

– Я не слышал об этом происшествии, видимо оно прошло по чисто уголовным учетам. Но повторяю вопрос – причем здесь ты?

– Сейчас военная контрразведка полностью уходит из РК и дело по розыску документации по проекту «Гипер» передали моему управлению. Под предлогом того, что нам легче договориться с КНБ. По официальным каналам мы работаем с казахстанскими коллегами, но мы не можем сообщить, что ищем документы, содержащие особо важную государственную тайну, а гибель профессора в ДТП – это слабая мотивация для наших партнеров. Вот поэтому я прилетел за помощью к тебе. Потому что если ты не разыщешь что-то в Семипалатинске, то этого не найдет никто и никогда.

– А причем здесь американский проект «Хризолит»? – не понял Рязанцев.

– Повторяю, сам проект вроде как ни при чем, но люди, которые его будут осуществлять...

– То есть ты хочешь сказать, что за пропажей совсекретных документов по «Гиперу» могут стоять американские

спецслужбы? – догадался Макс.

– Это предположение нашего учителя – полковника Соболева, – поделился Тоболин.

– И ты не сказал, что он работает у тебя?

– Я его еле уговорил к нам внештатником оформиться...

После небольшой перепалки друзья вернулись к делам.

– И когда ты раскроешь все детали по профессору, его помощникам и параметрам пропавшей документации? – поинтересовался Рязанцев.

– Пока я уполномочен только на получение твоего согласия на оказание нам помощи в этом сложном деле. Ты подумай, а завтра утром дашь окончательный ответ.

– Я готов...

– Нет, Макс, так не пойдет, – решительно пресек Олег. – Возможно, ты не понял... Ты очень многим рискуешь, ввязавшись в эту опасную авантюру. Работать безо всякого прикрытия, без разрешения твоего непосредственного начальства....

– А то мы с тобой так не работали? – возмутился Рязанцев. – Если тебе нужна моя помощь...

– Давай закроем эту тему до завтрашнего утра, – попросил Тоболин.

– Хорошо, но с одним условием... – не сразу согласился Макс. – Давно хотел узнать, чем закончилось тогда, в 1988-м, дело с американским «кротом»? Наш учитель, полковник Соболев, сумел до конца выяснить, кто в контрразведке

КГБ работал на ЦРУ? До меня доходили отзвуки в виде комиссии, которая приезжала из центральной контрразведки и перетрясла все наше Семипалатинское управление, но подробности, мне молодому оперу, в то время сам понимаешь, узнать было невозможно.

– Это долгая история, – нехотя заметил Тоболин.

– Ты пойми мною движет не праздное любопытство. Быть участником легендарной операции «Вариант» и не знать, чем она закончилась – это...

– Все материалы по «кроту» ЦРУ в нашей контрразведке, да и по самой операции «Вариант» времен САИ, до сих пор носят гриф «совершенно секретно» ...

– Уже нет той страны, которая все это секретила. Да и потом, наш с тобой учитель, полковник Соболев...

– Хорошо, я расскажу, – согласился Олег. – Правда сам я не был причастен к истории с разоблачением, узнал все со слов наших учителей, полковника Соболева и подполковника Степного, когда мы провожали Юрия Александровича на пенсию. Только учителями их называть, это как-то по школьному, лучше я буду величать их Мастерами, так на Руси издревле наставников называли.

– Ну, у нас в независимом Казахстане почитателей древней Руси не так много... – попытался съёрничать Макс, но среагировав на негативную реакцию друга, продолжать не стал.

– Как ты правильно понимаешь, – после некоторой паузы

начал рассказ Тоболин, – полковник Соболев, когда его незаконно «попросили» уйти на пенсию, не сдался. Он решил до конца проверить свою главную гипотезу по операции «Вариант» о том, что в контрразведывательном главке КГБ СССР действует «крот» американской разведки, который активно помогал ЦРУ во время САИ.

Тщательно проанализировав проведенную американцами операцию, Соболев пришел к выводу, что она феноменально проста и эффективна, но осуществить ее без помощи «крота» было невозможно.

Вот посмотри, – Тоболин взял салфетку и достав из кармана пиджака ручку начал чертить, – Схема операции ЦРУ. Готовят Милнера, обеспечивая ему высокое положение в иерархии делегации и дипломатическое прикрытие. Задача для такого матерого шпиона легче не придумаешь – оторваться от наружного наблюдения и максимально быстро вернуться в гостиницу, где задокументировать нарушение договоренностей по САИ нашими контрразведчиками. Все. Но главное сделал «крот».

Во-первых, только «крот» мог вбросить в КГБ информацию о том, что у установленного разведчика ЦРУ в кейсе находятся секретные инструкции для американского агента, работающего в семипалатинском регионе.

Но Соболев пришел к этому заключению не сразу. Естественно, он не мог достоверно проверить, откуда взялась эта информация, так как не имел возможности обратиться к ма-

териалам контрразведки. Первоначально он предположил, что данные о секретных инструкциях в кейсе Милнера могли быть добыты нашей разведкой. Однако такую, абсолютно конфиденциальную информацию из недр ЦРУ, в тот момент получить было просто невозможно, так как на период проведения САИ ЦК КПСС категорически запретил КГБ использовать агентурную разведку в США на этом направлении. Других источников у контрразведки быть не могло. Получалось, что в действительности такой информации в нашей контрразведке просто не было и ее кто-то придумал, чтобы обосновать досмотр номера Милнера.

Во-вторых, только «крот», прикрываясь данной дезинформацией, мог отдать приказ нашим контрразведчикам провести досмотр номера установленного сотрудника ЦРУ. Ведь, как оправдывался на координационном совете начальник ВГУ (контрразведка), первоначально подобное мероприятие в отношении Милнера не планировалось, но полученные разведданные о содержимом его кейса и удачно сложившиеся обстоятельства спровоцировали проведение данной операции.

В-третьих, только по прямому приказу «крота» контрразведчики так долго находились в номере Милнера. При разборе полетов исполнители утверждали, что после тщательного досмотра, в кейсе установленного американского разведчика они ничего существенного не нашли. Но когда они доложили об этом в штаб, полковник Уткин сказал, что этого не мо-

жет быть. Заявил, что у контрразведки имеются достоверные данные о том, что у Милнера в кейсе находятся секретные инструкции для американского агента, работающего в семи-палатинском регионе, и дал указание еще раз тщательнейшим образом проверить весь номер. Согласно анализу Соболева получалось, что именно эта задержка в номере Милнера являлась главной причиной провала нашей контрразведки. Неожиданно вернувшийся с полигона американский разведчик документально зафиксировал грубое нарушение советской стороной договоренностей по САИ.

Препарировав алгоритм операции ЦРУ, Соболев начал рассматривать кандидатуры конкретных руководителей ВГУ, которые могли оказаться искомым «кротом». В круг подозреваемых он включил лишь офицеров самого высокого ранга, имевших реальную возможность отдавать приказы, которые помогали осуществлению операции ЦРУ.

Исходя из имеющихся вводных Соболев выделил четырех человек:

Зампред, курирующий контрразведку...

– Тут Мастер, кажется, чуток перегнул..., – не выдержал Рязанцев.

– Ты же знаешь Соболева, в поисках истины для него не бывает авторитетов, он никогда никого не сбрасывал со счетов. Даже Горбачева подозревал, что несколько позже оказалось вполне обоснованным. История доказала. Продолжаю...

Итак, в кандидаты в «кроты» Соболев зачислил:

– заместителя председателя КГБ СССР;

– начальника ВГУ;

– замначальника ВГУ;

– руководителя семипалатинского штаба по САИ полковника Уткина.

После некоторых размышлений Соболев вычеркнул из списка зампреда, так как он единственный из подозреваемых не знал, что контрразведка будет проводить операцию в номере американского шпиона, и значит не мог руководить ею, а тем более в приказном порядке удерживать контрразведчиков до того момента, пока их не застигнет с поличным Милнер.

Оставались трое, и, казалось, достаточно было выяснить кто из них отдал распоряжение на проведение операции, кто добивался, чтобы операция продолжалась так бесконечно долго, и мы получали в руки этого самого «крота».

На самом деле все оказалось не так просто. Доступа к документам служебного расследования провала контрразведки Соболев, не имел. По официальному утверждению Уткина, когда он оправдывался за провал еще с позиции начальника семипалатинского штаба по САИ получалось, что информацию о содержимом кейса Милнера он получил от кого-то из членов координационного совета КГБ. Контролировал эту операцию и давал ему указания кто-то из руководства ВГУ. Всем этим заверениям Соболев верил меньше все-

го, но нужны были факты и доказательства, а их не было.

Мастер долго думал, как же подступиться к проверке возможной причастности начальника ВГУ к операции ЦРУ и решил досконально разобрать заседание координационного совета сразу после провала контрразведки. Сначала он сделал предположение, что начальник ВГУ – «крот», но никаких доказательств в пользу этой версии не нашел. Затем, разбирая аргументы против, Соболев понял, что главная его ошибка заключается в том, что он слишком плотно связывает действия руководителя ВГУ с «кротом», а ведь главный контрразведчик не знал, что в ВГУ действует предатель, значит все его реакции на происходящее на КС были естественными. В результате скрупулёзного анализа получалось, что генерал действительно не знал об операции в номере Милнера.

– Как не знал? А почему он врал? Почему не возмутился и не сказал об этом на координационном совете? – взорвался Рязанцев.

– Он просто защищал честь мундира. Не мог же начальник ВГУ, уважаемый генерал, сказать при всех зампреду КГБ СССР, что не знал ни о какой операции, которую проводили его контрразведчики. При этом он не знал, как мы сейчас о наличии «крота» в ВГУ. Он думал, что проявленная самодеятельность с досмотром номера Милнера – это дурное желание кого-то из подчиненных отличиться. Поэтому он и заявил зампреду, что лично разберется и накажет виновных.

Что он, кстати и сделал. После КС начальник Главка начал разбираться с Уткиным и его куратором, кто отдавал распоряжения, какие у них были данные, потом наказал обоих, но одного он не знал точно, он не знал, что это не ошибка, а предательство. И Соболев на этом основании исключил начальника ВГУ из числа подозреваемых.

Оставались только двое – Уткин и, курирующий работу его отдела, замначальника ВГУ. Под подозрением были две фигуры, которые в одинаковой мере подпадали под главный признак «крота», они оба в свое время работали в наших заграничных резидентурах и в этот период могли быть завербованы ЦРУ.

Однако, с этой стороны к ним было не подобраться, так как невозможно было получить информацию от разведки по нашим загранпредставительствам и тем более по компромату на работников резидентур. Тогда Соболев вновь пошел от операции ЦРУ, точнее от второй ее части, которую, как мы с тобой знаем Милнеру осуществить не удалось из-за нашей операции «Вариант».

Как ты помнишь, согласно версии Соболева, для прекращения САИ и всего антиядерного переговорного процесса в Женеве, Милнер должен был организовать убийство одного из руководителей делегации США. Причем смертельный выстрел, для сенсационных обвинений СССР и безоговорочного срыва САИ, необходимо было совершить из советского оружия и обвинить в этом советского человека.

Так вот, замначальника ВГУ все это время находился в Москве и никоим образом не имел возможности передать Милнеру оружие в Семипалатинске. Можно конечно было нафантазировать, что у замначальника ВГУ были помощники, но в реальности действовать через посредников в такой сложной операции – это путь к провалу. История контрразведки показывает, что высокопоставленные «кроты» всегда действуют в одиночку, зачастую их не раскрывают даже перед резидентурами тех стран, где они работают.

Таким образом, единственным подозреваемым оставался полковник Уткин. Но Соболев не был бы тем блестящим аналитиком, которого мы знаем, уважаем и любим, если бы до конца не проверил эту версию.

В результате исследований Соболева получалось следующее. Полковник Уткин с позиции начальника семипалатинского штаба по САИ отдает приказ о проведении операции в отношении установленного сотрудника ЦРУ. Причем в Москве об этом узнают постфактум. Бригада контрразведчиков быстро проводит в номере Милнера оперативный допрос, но ничего не находит, однако Уткин дает указание продолжить работу. Таким образом он выполняет задание своих американских боссов, которое позволяет успешно реализовать операцию ЦРУ. Милнер отрывается от наружного наблюдения, застаёт оперативников КГБ у себя в номере и документирует это грубейшее нарушение договоренностей по САИ. Благодаря действиям Уткина все произошло

как планировало ЦРУ. Дальше Уткину надо было выкручиваться, и он оправдывается перед Москвой тем, что о наличии секретных инструкций у Милнера ему сообщили из Координационного совета и он на основе этой информации отдал распоряжение провести досмотр, но безграмотные действия наружного наблюдения, упустившего Милнера, привели к такому негативному результату. Уткина не отстранили от должности начальника штаба сразу же, потому что надо было срочно спасти САИ. Видимо на это в ЦРУ и рассчитывали.

Для разгадки роли Уткина во второй части операции ЦРУ Соболев еще раз проанализировал каждый шаг Милнера в Семипалатинске и в Курчатове. В том числе вспомнил твой отчет о том моменте, когда ты со своим помощником укладывал Милнера спать в его номере и в дверь кто-то постучал. Ты докладывал, что девочки из технической службы отвлеклись и не зафиксировали кто это был, но в результате тщательной проверки ты установил, что никого из посторонних в тот момент в гостинице зафиксировано не было.

Так вот, Соболев был убежден, что это был «крот», он приносил Милнеру оружие. Он еще не знал, что вы уже успели усыпить американского шпиона и действовал по инструкции ЦРУ.

Тебе Соболев верил безоговорочно и даже не допускал мысли, что ты мог ошибиться, поэтому получалось, что оружие Милнеру мог принести только Уткин.

– Да я там за эти месяцы в этой гостинице не только весь персонал досконально проверил, но и всех мышей наверное... – закипятился Рязанцев. – А потом, по периметру территории стояли ребята из нашей наружки, а внутри гостиницы возле каждого входа по два сотрудника под видом работников службы безопасности. Я когда мы Милнера «усыпили» лично каждого опросил, но никто посторонних не видел...

– Вот именно, посторонних там и не было, а полковник Уткин жил этажом выше и его за постороннего не считали..., – продолжил Тоболин.

– Но все это аналитические выводы..., – засомневался Макс, – а фактов, подтверждающих эту версию, не было?

– Много ты знаешь историй о «кротах» в КГБ или в других спецслужбах, когда сначала появлялись факты, а потом начиналась разработка?

– Так навскидку и не припомню...

– Вот то-то. Все эти аналитические выкладки позволяли лишь начать разработку Уткина по подозрению в шпионаже в пользу США, а дальше дело было за службой собственной безопасности КГБ.

– Кстати, действительно, как же до этого не дошли офицеры собственной безопасности, которые разбирали причины провала контрразведки в номере Милнера? – возмутился Рязанцев.

– Для этого надо быть Мастером, а не подмастерьями. Это

я сейчас так все просто рассказываю, а представляешь как тяжело было связывать все эти ниточки нашему полковнику – без документов, без информационной поддержки, восстанавливая все по памяти. А тогда, по результатам служебного расследования, сурово наказали только руководство наружного наблюдения и бригаду НН за то, что они упустили Милнера.

– Постой, но тогда на заседании координационного совета в Москве при разборе провала контрразведки, зампред КГБ был вне себя и обещал руководству ВГУ неземные кары...

– Их защитило от расправы то, что мы с нашими Мастерами успешно провели операцию «Вариант» и спасли САИ и угрозы были благополучно забыты. Политбюро в эйфории от удачно завершившегося САИ отметило отличившихся, на Комитет посыпались награды, звания в том числе генеральские...

– Да..., – с досадой заметил Рязанцев, – особенно все посыпалось на нашего Мастера, полковника Соболева, который в результате был уволен... Давай выпьем за его здоровье.

– Давай.

Друзья, пригубили коньяка и Тоболин продолжил:

– Контрразведчиков в итоге все же пожурили, по результатам служебного расследования, которое провели формально, ведь победителей у нас не судят, и они отделались лишь легким испугом. Но это так к слову, вернемся к главному.

Так вот, Соболев еще раз перепроверил все свои выводы

и по результатам исследований написал аналитическую записку, в которой обосновал необходимость дальнейшей проверки полковника Уткина и для оценки правильности своих предположений, как обычно, дал прочитать эту записку своему другу.

Перечитав документ несколько раз Степной вспыхнул. «Уткин – предатель? Этого не может быть... Я же с ним на охоте из одного котелка ел, а он все это время... был «кротом» ЦРУ, да я его...».

Соболев еле удержал друга от намерения сразу же кинуться на поиски Уткина, с целью набить тому морду и сдать в Лефортово. Мастер, охладил пыл друга замечанием, что это пока только предположения, которые требуют тщательной и всесторонней проверки, но самостоятельно они ее провести не смогут, поэтому он и написал эту аналитическую записку.

После того как Степной немного успокоился, Соболев показал ему второй документ – рапорт на имя председателя КГБ СССР, в котором сообщал, что обладает важной информацией государственного значения и просит о личной встрече.

Степной в то время еще работал в Комитете, он зарегистрировал документ в приемной председателя и добился, чтобы рапорт попал в папку для докладов. Но через некоторое время Соболеву позвонил начальник секретариата председателя и сообщил, что глава Комитета в ближайшее время его принять не сможет и поинтересовался с кем из заме-

ститителей председателя полковник хотел бы встретиться. Соболев ответил, что только с зампредом, курирующим контрразведку.

Однако, через некоторое время полковнику позвонил помощник зампреда и поинтересовался, в каком подразделении служил Соболев. Узнав, что в 6 Управлении, помощник сказал, что в таком случае надо обращаться к начальнику 6 Управления КГБ СССР. Соболев поблагодарил молодого человека, затем перезвонил Степному и сообщил результаты рассмотрения своего рапорта.

Естественно, Соболев не собирался идти на прием к начальнику 6 Управления, так как эту должность занимал очередной выходец из ЦК КПСС, который кроме того, что был достаточно далек от вопросов контрразведки, так после встречи с Соболевым отнес бы его документы напрямую в ЦК и получилось бы, что Соболев подставил Комитет. Все обернулось бы таким образом, что это не сам Комитет в результате целенаправленной работы вычислил в своих рядах «крота», а ЦК выявил в среде чекистов предателя. Соболев считал, что это неправильно и прямо заявил об этом Степному. Подполковник полностью согласился с другом, успокоил его и обещал в течение недели решить вопрос о передаче аналитической записки одному из руководителей Комитета по компетенции.

Но самое интересное произошло дальше. Наш, всегда осторожный и просчитывающий все ходы, подполковник по-

шел на авантюру. Пока Соболев ожидал результатов, Степной пригласил Уткина на охоту, причем на такую, от которой осторожный «кандидат в кроты», являющийся страстным охотником, отказаться не мог. Степной нажал на все свои связи и договорился о выделении домика для охоты в Завидово, где еще недавно охотился сам Брежнев. Как и рассчитывал Степной, Уткин без колебаний согласился.

В охотничьем домике Степной, связав Уткина, под угрозой расстрела из ружья, заставил его под запись на диктофон признаться в том, что он агент ЦРУ. Причем добился, чтобы признательные показания были полными. Уткин рассказал все, от момента вербовки в одной из африканских стран, где он работал в начале своей карьеры в КГБ, до событий в Семипалатинске.

После этого Степной привез связанного Уткина в свой гараж, а сам выехал в Комитет. Переодевшись, приведя себя в порядок и сделав копию диктофонной записи, подполковник отправился в приемную зампреда, курирующего контрразведку. Еще накануне Степной подготовил и согласовал с начальником 6 Управления КГБ СССР документ, который для вступления в силу требовал визы зампреда. Дождавшись в приемной своей очереди, Степной подал документ зампреду на рассмотрение, одновременно включив запись на диктофоне, которая начиналась словами: «Я, полковник Уткин, являюсь действующим агентом ЦРУ...». Возмущению и негодованию зампреда не было предела, но по результату

Степной вместе с сотрудниками собственной безопасности, которых вызвал генерал, выехал к гаражу и передал им Уткина.

Вернувшись в свой кабинет, подполковник позвонил Соболеву и сообщил, что есть приятные новости и после работы он заедет в гости.

Вечером Степной рассказал другу о задержании Уткина и получении от него задокументированного признания о сотрудничестве с ЦРУ США. Когда Соболев начал горячиться и осуждать действия Степного, тот невозмутимо отреагировал:

– Времени и желания прыгать перед этой глухой бюрократической стеной не было. Да, кстати я отдал генералу копию твоей аналитической записки и обратился с просьбой восстановить тебя в органах, так как выявленный «крот» полностью твоя заслуга.

– Спасибо, Юра, ты сделал большое дело, но боюсь, что это будет стоить тебе карьеры. Лучше бы я сам догадался сделать то, что сделал ты.

– Ты бы не смог, а я все-таки неплохой охотник и умею обращаться и с оружием, и с дичью. Так что посмотрим, что из этого выйдет.

Когда утром Степной появился на работе, его сразу же вызвал начальник 6 Управления и предложил уволиться по состоянию здоровья, намекнув, что так решили кураторы Комитета по линии ЦК КПСС.

Вот так двух наших Мастеров, настоящих героев, которые спасли страну от гонки ядерных вооружений и Комитет от позора, тихо отправили на пенсию.

– Давай выпьем за наших Мастеров. Честные, принципиальные люди, настоящие патриоты нашей Родины, многому нас научили, за их здоровье...

– Непростая судьба..., – через паузу подытожил Тоболин.

– У таких настоящих людей и чекистов всегда непростая судьба..., – поправил Рязанцев.

Помолчали и Тоболин продолжил:

– Как я полагаю, наши доблестные контрразведчики попытались затеять двойную игру с ЦРУ с участием Уткина, но американцы после провала в Семипалатинске, похоже, исключили его из числа своих ценных агентов...

– Да черт с ним с этим Уткиным, откуда они вообще берутся такие..., – в сердцах выругался Макс.

– Еще в 1945 году руководитель политической разведки США в Европе Аллен Даллес, будущий директор ЦРУ, в своем обращении в Конгресс заявил:

"Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников-союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его са-

мосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства.

Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества."

А ты спрашиваешь откуда? – эмоционально закончил

свой монолог Тоболин.

– Как я понимаю – это фрагмент так называемого «Плана Даллеса», – задумчиво протянул Рязанцев, – но он нигде не был опубликован. Его достоверность...

– Ты много видел открытых публикаций с планами США по ядерной войне против СССР? А они доподлинно существовали, и американцы этого теперь не скрывают, – решительно оборвал Тоболин.

– А ведь мы в то время были союзниками..., – Макс попытался снивелировать свои возражения.

– Мы и сейчас, к сожалению, несмотря на все подобные, уже достоверно нам известные американские доктрины, снова становимся союзниками под пьяные бредни господина Ельцина...

– У вас можно так открыто..., – с некоторым недоумением развел руками Рязанцев.

– У нас нельзя, – невесело усмехнулся Олег, – у вас, пока можно.

– Но мы их все равно победили и САИ спасли и предателя выявили, – с вызовом заявил Рязанцев и через паузу философски предложил, – Давай еще по одной за всех наших...

Утром, подтвердив свое согласие на работу по поиску совсекретной документации по проекту «Гипер», Рязанцев проводил друга в аэропорт.